

Марьяна Куприянова

ДЕВУШКА МАСТИРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марьяна Куприянова

Devil ex machina

«Автор»

2020

Куприянова М.

Devil ex machina / М. Куприянова — «Автор», 2020

Взяв напрокат человеческую внешность, скучающий демон приходит в мир людей, чтобы пожить обычной жизнью, питаясь кошмарами и пороками окружающих. Но что-то идёт не по плану: излишне очеловечившись, он начинает испытывать запретную привязанность к девушке, психика которой трещит по швам. Мистический триллер от Марьяны Куприяновой.

© Куприянова М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1, в которой Фаина подозревает неладное	8
Глава 2, в которой Фаина решает ничего не делать	15
Глава 3, в которой Фаина видит и сразу забывает	22
Глава 4, в которой Фаина испытывает сильное желание остаться	28
Глава 5, в которой Фаина теряет самое важное	33
Глава 6, в которой Фаину губит любопытство	43
Глава 7, в которой Фаине читают нотации	51
Глава 8, в которой Фаину укачивает	59
Глава 9, в которой Фаине помогают согреться и мешают поесть	64
Глава 10, в которой Фаине снится странный сон	72
Глава 11, в которой Фаина распускает руки	81
Глава 12, в которой Фаина оставляет вопрос без ответа	88
Глава 13, в которой Фаина выходит из себя и жалеет об этом	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Марьяна Куприянова

Devil ex machina

«...ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое»

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

«...никаким богам нельзя позволить вступаться в наши дела, богам нечего делать у нас на Земле, ибо «Блага богов – это ветер, он надувает паруса, но и поднимает бурю»».

Бр. Стругацкие – «Волны гасят ветер»

Предисловие автора

Прежде, чем вы приступите к чтению, хочется сказать несколько слов о названии романа, которое, к слову, мало кто произносит правильно¹, и пояснить его значение.

«Дьявол из машины». Что это значит?

Начнём издалека.

Вообразите сложный, запутанный сюжет (фильма, книги, пьесы), исполненный перипетиями и внезапными поворотами, захватывающий, с добротным конфликтом, держащий интригу до самого конца.

Погружаясь в него, Вы жаждете финала, чтобы, наконец, узнать, чем все закончится, как персонажи выберутся из той ситуации, в которую попали. Вы с напряжением ждете концовку. Кусаете губы, грызете ногти, хмуритесь, продумывая свои варианты исхода, пытаетесь предугадать авторские замыслы.

Но в финале происходит нечто такое, чего вы никак не могли предсказать, основываясь на всем, что прочли до этого момента, потому что сюжетный конфликт решается благодаря фактам или лицам, ранее не задействованным в истории!

В результате такого вмешательства извне Вы чувствуете себя немного обманутыми, развязка кажется притянутой за уши, кульминация – надломленной. Вам дали головоломку, в которой последняя деталь как будто из другого пазла.

Это у нас с вами, в современном мире, будет такая реакция. А в античном театре подобным образом решались сюжетные линии, настолько перегруженные и усложненные, что заходили в тупик, и не могли быть исчерпаны логическим образом (либо же кому-то было слишком лень продумывать решения по законам причинно-следственной связи).

Этот прием называется «*deus ex machina*». Почему так? Да потому что на сцену как бы спускалось божество – *deus* (актер на специальном механизме, имитирующем полет – *machina*) и "разрешало" запутанные ходы сюжета, расставляя все по своим местам. Вмешательство такого сюжетного «бога из машины» было естественной частью античной драматургии.

На мой взгляд, этот прием чем-то перекликается с «ружьём Чехова», которое всегда выстрелит в третьем акте, если его, висящее на стене, показали в первом. Только в случае с «*deus ex machina*» ружье нам не показывают до самого конца – оно внезапно появляется в финале и стреляет. До развязки мы ничего не знаем об этом ружье – чье оно, откуда взялось, какого вида, марки и размера, в кого выстрелит, с какой стороны.

Убьет или только ранит?

Здесь у вас должен бы назреть логичный вопрос: но ведь роман называется *DEVIL ex machina*, а не *DEUS*. Да, внимательный читатель, верно. Потому что мой роман – переосмысление описанного приема, эксперимент с конструкцией сюжета и тоном повествования.

Кроме того, *DEM* вовсе не о том, как всемогущие «боги», презрев свои обязанности, бросаются в мир людей – помогать героям выбраться из тяжелой ситуации. Как раз наоборот.

Как ни парадоксально, несмотря на мистику, эта история более реальна, в ней нет неожиданной помощи свыше или удачного стечения обстоятельств, нет персонажей или фактов, появление которых решает проблему. Да и сам конфликт не из тех, которые в принципе можно разрешить.

Для главных героев все складывается таким образом, что, сколько ни бейся, выхода не найдешь. Каждый шаг, каждая попытка выбраться из личного ада будет лишь глубже вгонять

¹ [дэвил экс `машина]

в яму отчаяния. Жизнь жестока, иррациональна и несправедлива, и никто никому не в силах помочь.

Именно об этом «Devil ex machina», глубоко уходящая корнями в готический роман с его привкусом тлена, неизбежности, фатализма и предначертанности, давлением рока над судьбой человека, чувством неизвестности, тайны и страха.

Многие тропы и признаки готического романа в моей истории обыгрываются по-новому, нестандартно. Например, встреча со сверхъестественным, дева в беде, знамения, проклятия и кошмары, главный злодей. А зловещим сеттингом вообще выступает мрачное русреальное общежитие.

С названием я долго не мудрствовала, оно практически сразу пришло мне на ум, еще на этапе заметок. Я почему-то вспомнила занятия латинским языком на первом курсе, как мы заучивали по 60 пословиц и крылатых выражений, и вдруг поняла – да, это оно. Подходит идеально.

Впоследствии от читателей я неоднократно слышала, что в DEM сюжет развивается таким образом, что его исход предугадать сложно, однако это не мешает, а даже подстегивает строить множество предположений относительно развязки, которая так далека и близка, открыта и закрыта, непонятна и прозрачна одновременно.

Глава 1, в которой Фаина подозревает неладное

«Я начал осознавать глубже, чем кто-либо осознавал это прежде, всю зыбкую нематериальность, всю облачную бесплотность столь неизменного на вид тела, в которое мы облечены».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Сильная жажда не унималась дольше недели.

Язык был сухим независимо от количества выпитой воды. Будто только и делаешь, что жуешь песок или старые шерстяные носки. Желудок и мочевой уже болели от объемов поглощаемых жидкостей. Бегать по нужде приходилось гораздо чаще обычного. Наверное, из-за этого временами в боку так колело, как на физре когда-то.

Ничто не могло избавить от сухости во рту. Она казалась чьим-то проклятием, злой порчей. Преследовала по пятам. Укладываясь спать и открывая глаза, ты ощущал ее неизменное присутствие. И это портило весь день. И всю ночь.

Прежде подобное состояние длилось не дольше двух дней, да к тому же в менее выраженной форме, поэтому совести удавалось списать происходящее на злоупотребление сладким или спиртным. И как обычно плюнуть на подозрительные симптомы.

Но не теперь.

– Ну, что я могу сказать? Девочка вроде здоровая, немного лишнего веса, хорошие чистые легкие...

Врач без интереса рассматривала из-под толстых очков медкарточку в старой зеленой тетрадке с замызганной обложкой и разговаривала с такой неохотой, что едва открывала рот. Она роняла слова лениво, на грани вяtnости. Фаина в замешательстве наблюдала за этой неприятной женщиной средних лет с бородавкой и темными усами над верхней губой, с некрасивыми ушами и неопрятными волосами, неровно покрашенными в вульгарный кирпичный оттенок.

– Точно не ели ничего соленого или острого накануне?

Женщина смотрела так, будто не понимала, что Фаина делает здесь, а именно: зачем здоровая девушка родового возраста с небольшим сушняком явилась в больницу отнимать у нее рабочее время, ведь прямо за этой дверью – целая очередь пациентов с более серьезными симптомами.

– Точно, – с нетерпением повторила пациентка. – Ощущения другие.

Она не знала, какими еще словами это описать, и надеялась на внезапную телепатическую связь.

Была надежда, что хотя бы доктор разгадает тайну, над которой Фаина устала ломать голову. Откуда взялась продолжительная жажда и, самое главное, как от нее избавиться. Но надежда эта быстро разбилась о скалы профессиональной непригодности большинства врачей.

– Раньше такое бывало?

– Не совсем. Проходило за день-два.

– А сейчас?

– Около недели.

– Около? – переспросили недоверчиво. Как будто недели недостаточно, чтобы обеспокоиться. Или неточный срок отменяет недомогание?

Фаина чувствовала себя глупо, отвечая на вопросы, задаваемые из соображений формальности, а не стремления помочь. Если бы знакомые не намекнули ей, что жажда, которую

не унять водой, – опасный симптом, и уже действительно стоит обратиться к доктору, девушка бы не оказалась здесь. Не догадалась бы этого сделать.

Ну разве может быть страшен обычный сушняк? Оказалось, да. Если он превращает твой рот в иссушенную ветрами пустыню, а язык – в камень для заточки ножей. Только мягкий.

Врач поправила очки, вздохнула и полистала потрепанные годами страницы с засаленными пористыми листами. Будто пыталась найти ответ в прошлом.

– Диабетики в роду?

– Да.

– Плохо.

Женщина принялась выписывать что-то забористым почерком на клочке бумаги, одновременно так же быстро заговаривая то с ассистенткой, то с пациенткой. Разобрать, к кому именно она обращается на сей раз, оказалось так же сложно, как вынырнуть из-под сильного потока.

– Позвони в 211-ую. Узнай, на месте ли еще Катя. Сейчас выпишем направление, кровь сдашь на сахар. Может, просто скачет, может, чего и хуже. Ну что, она у себя? Попроси, чтобы не уходила. Сейчас я к ней срочно направляю... девочку. Значит так, сейчас в 211-ый кабинет, пока там еще открыто. Завтракала?

– Нет.

– Вот и правильно. Сдашь кровь из вены. Результаты придут сразу мне. Через три дня. Придешь ко мне к десяти, запиши ее. На пятницу. А пока придержишься диеты. Без сладкого, без специй, без острого, без соленого. Разумеется, от алкоголя воздержаться. Жажда должна ослабнуть, но не обещаю, что исчезнет совсем. И старайся много воды не пить. Полощи рот, если что, и выплевывай. Если это диабет, так или иначе организм обезвоживается, но помочь ему галлонами воды ты не сумеешь. Только хуже сделаешь. Сладкого в рот ни-ни, поняла? И под сладким я имею в виду не только конфеты и шоколадки, но и хлеб, кетчупы с майонезами, некоторые фрукты и многое другое. Люба, дай ей памятку для диабетиков. Там все подробно описано.

Девушка приняла глянцевую брошюрку, коротко осмотрела, скомкала и небрежно сунула в задний карман, надеясь, что та ей не понадобится.

– Ничего мне *сейчас* не выпишете?

Врач недобро глянула из-под толстой оправы, приподняв словно нарисованную черным фломастером бровь.

– Рано еще. Сначала посмотрим на анализы. Держи, тут все записано, свободна. Люба, зови следующего. На пенсию уже хочу, прости господи, – заявила она и зашлась сухим удушаским кашлем.

Фаина забрала все бумажки и молча поднялась. Ее уже никто не видел и не слышал, полностью переключившись на другого пациента. Можно было не прощаться, да и не хотелось ни с кем разговаривать. В голове и так слишком много всего. Она вышла в коридор и спустилась на второй этаж. У 211-ого кабинета очереди не обнаружилось.

Сдавать кровь из вены не так противно и страшно. Никто не разминает каждый твой палец до красноты в надежде выудить хоть каплю крови из косточки, обтянутой бледной кожей. Никто не распечатывает на твоих глазах странной формы иглу, похожую больше на осколок старого лезвия времен какой-нибудь Мировой. И нет этого омерзительного и всегда неожиданного укола во вспухшую багровую подушечку безымянного пальца, и этой гладкой пипетки, которой все мало и мало твоей жидкой силы, и приходится прокалывать средний палец, а потом и на другой руке...

А потом тебе делается нехорошо до головокружения.

С детства Фаина ненавидела ситуации, при которых что-то чужеродное проникает в ее организм, будь то операция, прививка от кори, укол от температуры или торчащий из земли

штырь. Это ведь так противоестественно, протыкать кожный покров, чтобы забрать кусочек твоей плоти. Все эти иглы, скальпели, катетеры и прочая медицинская утварь вызывали в ней стойкое отвращение.

Но кровь из вены – сносно. Можно не смотреть, если так не нравится.

Едва медсестра поднесла шприц к локтю, Фаина отвернулась, благодаря чему почти ничего не ощутила. Всегда бы так. Ничего не ощущать, просто отворачиваясь. Как будто то, чего не видишь, мгновенно исчезает.

Сегодня поликлиника трещала по швам. Редко появляясь в ее проспиртованных стенах, Фаина каждый раз заново удивлялась тому, как много людей болеет и нуждается в помощи, и как много, помимо них, сидит дома и лечится самостоятельно. Или вообще еще не знает, что заболел. Или знает, но закрывает на это глаза. Как она.

Человек слишком хрупок для жизни в этом мире. Его организм буквально ни к чему не приспособлен – любая мелочь вызывает сбой, который может привести к летальному исходу. Это ошибка или намеренный путь эволюции?

...Все эти бабули в порванных бахилах, с дрожащими жилистыми руками, ногами и подборокками, которые уже плохо слышат и даже не знают, когда их очередь пройти в кабинет, поэтому просто сидят и ждут по инерции, ждут часами, то задремывая у стены, то тихонько переговариваясь с товарками по несчастью. Малые сопливые дети с пятнами зеленки на лице и едва режущимися зубами, которые они стремятся показать всему миру вместе с белесой слюной. Беременные девушки с изможденными лицами держатся на поясицы, словно если бы они не придерживали ее, она бы надломилась. Женщины и мужчины с уродливыми опухолями напоказ, кашель из-за каждого угла, детский визг, запах хлорки, грязный кафель и мятно-серые стены с совковыми плакатами...

Апогей хаоса человеческой жизни, страха и нездоровой плоти, наводящий тоску и мысли о неизбежности. Чем дольше пребываешь во чреве бесплатной медицины, невольно прислушиваясь и приносясь к этому царству медленно умирающих, тем страшнее от осознания собственной схожести с ними.

Невозможно долго находиться там, где каждый второй носит в себе какую-нибудь инфекцию. Понимаешь, что у тебя-то шансов нет и подавно – ты тоже болен, только пока не выяснил, чем. Не бывает полностью здоровых людей. Как будто мало того, что каждый из нас и так умрёт. Необходимо дополнительное наказание – тысячи различных недугов, приобрести которые легче, чем щелкнуть пальцами.

Фаину уже тошнило от запахов и звуков этой обители отвергнутых и немощных. Запахнув пальто поплотнее и спрятав нижнюю часть лица в шарф, она выскочила на улицу. Морозный воздух освежал тело и голову. Люди передвигались аккуратно, боясь поскользнуться на тонком коварном гололеде. Лестница, ведущая к входу, была устлана блестящей корочкой с такой изумительной равномерностью, на которую способна лишь стихия.

Неохотно сдавая позиции, зима выбрасывала свои последние пакости. На прощание. Это была очень холодная и жестокая зима, но и она, наконец, отступала. Потому что ничто не может длиться вечно.

В который раз Фаина пожалела, что забыла дома перчатки. Точнее, она их просто не нашла. У нее часто пропадали вещи. Немудрено, если жить в крошечном помещении, где предметы навалены друг на друга кучами, достающими до потолка.

Люди кругом копошились, не обращая никакого внимания на девушку, которая забыла перчатки. Она нерешительно переминалась с ноги на ногу, размышляя над услышанным в кабинете врача и отогревая кисти в глубоких, слегка дырявых карманах. Она все время забывала их зашить. А когда вспоминала, то ленилась.

Не есть соленого, острого... это еще можно стерпеть. Но воздержаться от сладкого и алкоголя? Зачем тогда вообще эта жизнь? Чем ей питаться с такой диетой?

Да, действительно, у деда по отцовской линии был диабет, да и у отца что-то такое когда-то находили. Значит, есть вероятность, что у Фаины предрасположенность. Чисто генетическая, от нее не зависящая. Но ничего еще не точно. Пусть сначала сделают анализ крови, а потом поговорим о диетах.

Фаина почти не помнила своего деда. Она слышала множество историй о том, как он ее любил и баловал, маленькую Фаю, но не испытывала к этому человеку абсолютно никаких чувств. Даже его лицо на старой фотографии не вызывало эмоций у взрослой Фаины. Он умер, когда ей было пять.

Проблемы со здоровьем сейчас особенно не к месту. Фаина решила не расстраиваться раньше времени, отвлечься работой и постараться меньше пить. Последнее было таким себе обещанием, учитывая домашние запасы на черный день и привычку ежедневно прикладываться к горлышку ради одного-двух глотков. Для настроения. Потому что ничем другим его не поднять.

Есть хотелось так, что в желудке жгло. А жажда будто бы поутихла сразу же, как врач выписала диету. Так что Фаина пересчитала мелочь в кармане и зашла в ларек неподалеку. Из сытного на витрине не было ничего привлекательного: пирожки столетней давности с сомнительной начинкой, топорные бутерброды с котлетой, язычком сыра и неделю назад увядшим салатом, давно засохшие в камень слойки...

Фаина разглядывала «ассортимент», не скрывая эмоций. Разочарованный взгляд упал на сладкий рулет, какие Фаина обожала в детстве. Со взбитыми сливками и джемом внутри. И стоил он дешево, как и много лет назад. Она купила его, заставив себя забыть, что сладкое ей нельзя. Что будет от одного рулета? Скорее всего, ничего страшного. Хотя бы настроение поднять и голод сбить.

Фаина шла домой и жевала нежный бисквит, держа покупку перед собой обеими руками. Пришлось отдать в жертву стихии свои ладони – холодный сухой ветер царапал их, они быстро покраснели, кожу покалывало. Но оно того стоило.

Остатки бывшего снега хрустели, превращаясь в серую труху под высокими сапогами, которые напоминали военные. Никакой гололед с такой подошвой не страшен. Хоть что-то хорошее.

Мутное зимнее солнце светило едва и почти не грело. Его лучи не дотягивались до замерзшей земли из-за рваных перистых облаков металлического цвета. Казалось, они висели так низко, что можно встать на стремянку, разогнать их руками и протереть солнце от белесой ледяной пленки. Привыкшая глядеть под ноги на ходу, Фаина редко посматривала на небо. Не хотела вновь видеть в облачном узоре нечто, чего не видят нормальные люди.

По-хорошему надо бы прийти домой, сразу же выпить пару глотков, позвонить маме и рассказать, что у нее подозрение на сахарный диабет, а дальше уже вместе решать, как быть. Но нельзя. По многим причинам.

Начнем с того, что после обеда Фаине снова на работу – она взяла отгул на полдня, чтобы посетить врача. В офисе не оценят легкого перегара, несмотря на то, что за несколько лет сотрудники видели Фаину в разных состояниях. Значит, отогреться придется чаем. Как уныло.

Звонить маме – тоже не лучшая идея. Нельзя ей знать, что у Фаины проблемы со здоровьем. Новость эта породит панические атаки и в конечном итоге не позволит дочери спокойно жить и самостоятельно разбираться с проблемой. У мамы хватает своих забот, зачем ее тревожить? Тем более, информация еще не подтвердилась. Как вариант – рассказать брату, но и это лишь в крайнем случае, для утешения совести.

Можно было, конечно, сразу пойти на работу, но Фаина решила отсидеть дома, в тепле, положенные часы. Поликлиника находилась на небольшом расстоянии от общежития, так что путь не был долгим, и тратить деньги на автобус не пришлось.

На первом этаже девушка подошла к овальному зеркалу во весь рост, сняла с себя мокрый шарф и поправила волосы. Сколько с ними ни возись, а выглядят как нечесаная копна почерневшего сена, которую остается только сжечь. Долгое время Фаина пыталась исправить ситуацию, а потом просто махнула рукой. Как и на многое в своей жизни.

Прямо за турникетом на полу лежали чьи-то вещи. Несколько спортивных сумок, лакированный чемодан, на этом всем – верхняя одежда и приличная стопка книг. Фаина окинула их беглым взглядом, считывая корешки.

– Съезжает кто-то? – кивнула она коменданту и тут же добавила, – доброе утро еще раз.

– Въезжает, Фаиночка, *въезжает*, – женщина отвлеклась от sudoku и заговорщицки подмигнула, покусывая дужку очков.

Девушка в недоумении приподняла бровь, но ничего не сказала и направилась к лифту. Она заиклилась на своих проблемах и не стремилась отыскать причину игривого настроения коменды. Жутко хотелось выпить. До скрежета зубов. Хотя бы глоток. Пива или сидра. Чтобы не так разило, как от нормального алкоголя, который имелся в наличии.

Фаина проживала на четвертом этаже. Одна – в комнате, рассчитанной на двоих. Хотя, отучившись, не совсем имела на это право, но она тут не одна такая была. На первом этаже вообще живет семья с детьми. Бюрократия творит чудеса.

В лифте ее осенило – а что, если это К НЕЙ кого-то подседают? Это объяснило бы поведение коменды. Катастрофа! Но почему ее не предупредили? Обязаны были! Как они смеют в ее отсутствие пускать кого-то в ее комнату, ведь там ее вещи. И неважно, что ценного практически нет – дело принципа.

Стоп, успокоиться. Фаина, конечно, живет одна, но по документам там числятся две девочки. Вторая – Вика, ее подруга, полгода назад съехала к парню. Но путем несложных шоколадных подкупов удалось добиться того, чтобы в эту комнату больше никого не подседали. Фаине нравилась тишина и свобода действий. А кому не понравится жить одному?

Для вида в комнате остались некоторые вещи соседки, включая шлепанцы, зимний обогреватель и большую коробку строительных инструментов. Вика была помешана на ремонте некоторый период своей жизни. Фаина этой страсти не разделяла и как всегда мечтала лишь об одном – чтобы ее, наконец, оставили в покое. Того же ей хотелось и ныне.

На своем этаже Фаина сразу же встретила соседей. Вид у них был возбужденный, что подтверждало неприятные догадки. Девушке поплохело. Она вышла на балкон, где, накинув на плечи курточки, затыгивались знакомые лица.

– Аве, Афина, – без промедлений поприветствовал Гена, с которым Фаину связывали особые отношения.

– Вы бы оделись, – ответила девушка, наблюдая, как ребята ежатся от холода, но не бросают сигарет.

– Будь тут где присесть, я бы попросила тебя присесть, – сообщила Наташа, часто моргая. Она почему-то нервничала, на ресницах у нее был иней. И складывалось впечатление, что слов Фаины она даже не слышала.

Никто не спросил о походе к врачу, хотя эти люди знали, куда Фаина ходила и почему. Значит, случилось что-то, из-за чего они напрочь забыли об этом.

– Ну и что у вас тут произошло в мое отсутствие? – спросила Фаина, а сама затаила дыхание, почти уверенная в том, что ответ ей не понравится.

– Новенький у нас.

«У нас», не «у тебя». Уже хорошо.

– На этаже? – уточнила девушка. – Ну и что с того?

– Ох, ты не понимаешь, – Наташа многозначительно поиграла бровью.

– Куда уж мне. Да что с вами такое, объясните по-человечески?

– Лучше один раз увидеть, – заверил Гена.

– Что за масонские таинства? Вы говорите так, будто к нам суперзвезду подселили. Да даже если бы так...

Фаине вспомнилась реакция коменданта, и она замолкла, помрачнев.

– Короче: что происходит?

– Нечасто, знаешь ли, к нам подселяются... *такие*.

Наташа нервно докуривала сигарету, сжимая ее дрожащими пальчиками – средним и указательным. Ветер метал ее русые волосы то вверх, то на лицо, так что они лезли в глаза и в рот, мешали говорить. Приходилось то и дело отбрасывать их, но стихия принималась за свое.

– Пожалуйста, скажите, что его подселяют не ко мне, – взмолилась Фаина. – Все остальное меня вообще не волнует.

– Не к тебе. Будь спокойна.

– И не ко мне, а жаль, – печально ухмыльнулась Наташа.

Фаина давно не видела ее такой расстроенной.

– А к кому же?

– К Кириллу, конечно. Больше на этаже некуда.

«Черт, прямо напротив меня», – подумала девушка.

– Одной проблемой меньше.

– Зря ты так думаешь. Я видел его. Сдается мне, от него будет много проблем.

– Все, кто видел его, говорят о нем, – затараторила Наташа таким тоном, будто Фаина и Гена не осознавали всей важности ситуации. – И *невозможно* не говорить. Весь этаж жужжит, ты только прислушайся. Грядут большие перемены.

– Да уж, – Фаина наигранно вздохнула. – Спасибо, что поинтересовались моим здоровьем, друзья. Все замечательно. Умру не в ближайшее время, обещают, что прежде помучаюсь. Я пойду к себе.

Наташа лишь недовольно закатила глаза. По ее личному мнению, заселение новенького было куда важнее и интереснее проблем со здоровьем соседки, в которые ее зачем-то посвящали. Гена потушил сигарету о перила балкона, кинул окурок в грязную жестяную банку из-под консервированных персиков и шагнул за подругой.

Ему было не все равно.

Этаж действительно гудел, словно в каждой комнате велся оживленный разговор на повышенных тонах. У девушки разболелась голова – она скривилась и помассировала виски, затем ей захотелось заткнуть уши обеими руками.

Пока Гена выпрашивал о визите к терапевту, она рассматривала затертые и местами облупившиеся коридорные стены – ужасного фисташкового оттенка, поцарапанные и будто заплеванные. Стены, на которые она уже не могла смотреть.

У 405-ой, где проживал Кирилл, тоже стояли кое-какие вещи – в основном книги и обувные коробки. Ничего особенного. Дверь в комнату была закрыта, но изнутри раздавался грохот передвигаемой мебели.

– Так, получается, тебе сладкое теперь нельзя? – переспросил Гена, когда они вошли в комнату, и Фаина закрыла за собой дверь чуть более громко, чем обычно.

– Нельзя, – кивнула она, сбрасывая с плеч пальто и доставая из шкафчика вешалку.

– Тогда почему от тебя пахнет так, будто минут десять назад ты лопала пирожки с вареньем?

– От тебя ничего не утаишь, – усмехнулась Фаина.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Ой, Ген, да ничего еще не ясно. Будут анализы, тогда и меры будем принимать. Сейчас-то чего? Ты же знаешь, как я люблю сладкое.

Парень окинул взором вазочку с конфетами на столе.

– Знаю. Но все равно. Может, мне это забрать?

– Забирай, конечно. Если хочешь лишиться рук.

Фаина переделалась при Гене, даже не попросив отвернуться. Такова была норма их отношений. Гена никак не отреагировал на девушку в нижнем белье – его занимали иные вопросы.

– А если и правда диабет, что делать-то будешь?

– Не знаю. Не трави душу, и так тошно.

– Тебе ведь придется отказаться от сахара, от спиртного... все время следить за показателями крови. И многое другое.

– Спасибо за поддержку.

– А ведь это не лечится, Афин. С этим придется только смириться.

– Слушай, заткнись уже. Настроение ни к черту. Еще ты тут со своими нравоучениями. Оставил бы этом моим родителям. Любитель нагнетать обстановку.

Гена поднялся с кровати и коротко обнял девушку, чтобы она не нервничала. Он хорошо знал: если Афина много разговаривает, значит, она нервничает; если Афина нервничает, добром это не кончится ни для кого.

– Извини.

– Да брось. Я пойду к себе. У меня пара через полчаса. Надо собираться.

– С каких пор ты посещаешь занятия? – Фаина не упустила шанса подколоть приятеля, на что он закатил глаза и вышел из комнаты.

Гене нравилось устраивать с Фаиной поединки в остроумии. Не ради победы, а ради процесса. Ведь всем известно, что самая крепкая дружба выстроена на фундаменте сарказма и взаимных подтруниваний.

Фаина осталась одна и сразу подумала о коробке, которая лежала под креслом. Там, в темноте и прохладе, дожидался своего часа шестилетний армянский коньяк, доставшийся Фаине случайно. Учитывая то, где и в каких условиях она жила, деньги на элитный алкоголь у нее могли появиться разве что во сне. Но если такие деньги и появлялись, грех было тратить их на что-либо еще.

Фаина выпила воды и улеглась на кровать, уставившись в экран телефона. Следующие несколько часов до обеда она собиралась посвятить поиску всей возможной информации о наследственном диабете, какую только может дать интернет.

Глава 2, в которой Фаина решает ничего не делать

«Я склонен к каиновой ереси, – говаривал он со скрытой усмешкой. – Я не мешаю брату моему искать погибели, которая ему по вкусу».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Хотелось бы думать о чем-то, кроме многочисленных проблем, но не получалось.

Фаина легко забывала о происходящем в данный момент из-за упорных размышлений над тем, что случилось в недалеком прошлом и требовало немедленного решения. Конкретных действий с ее стороны. Но каких?

Загвоздка вот в чем: Фаина никогда не понимала, что именно от нее требуется. Не умела выстраивать алгоритмы, направленные на устранение проблемы, вместо этого пускала ситуацию на самотек, отказываясь и брать на себя ответственность за случившееся, и концентрировать внимание на том, чем это оборачивается в настоящем. Поднимала ладони вверх и отстранялась от событий, всегда пытаясь остаться непричастной.

В пятницу во второй половине дня врач проверила анализы и беспристрастно сообщила, что первичный диагноз подтвердился. На этот раз Фаина задавала вопросы. Их было достаточно, чтобы раздражать женщину с бородавкой и кирпичными волосами. Не зря же пациентка избороздила медицинские сайты и форумы. Теперь она приблизительно понимала, что происходит с ее организмом.

Утешало, что все открылось на ранней стадии. По словам врача, Фаина вовремя спохватилась. Ситуацию еще можно контролировать.

– Сахар скачет, и главное сейчас – принять жесткие меры. В этом случае все может обойтись малой кровью.

Фаине выписали направления на повторный анализ крови, а также дополнительные платные анализы – не меньше десяти, для прояснения ситуации – на гормоны, глюкозу и что-то еще, Фаина не разобрала аббревиатур, да и в какой-то момент просто перестала понимать. Кроме списка лекарств доктор посоветовала купить электронный измеритель уровня сахара в крови. Нужно питаться по особой диете и *самостоятельно* контролировать свое состояние.

Выслушав все это, Фаина не знала, плакать или смеяться. Вот уж целое ведро счастья вылилось на ее голову. Поэтому она и не любила больницы. Здесь всегда говорят неприятные новости, без которых ты бы спокойно жил в счастливом неведении. А еще требуют тратить много денег на лечение, которое тебе, может, и не требуется в таком объеме.

Еще раз сдать кровь – ладно. Но стоило Фаине взять в руки лист со списком дополнительных анализов, пришлось удерживать челюсть второй рукой. Но удержать брови от стремительного взлета на лоб не удалось. Цены оставляли пожелать себе хорошей зарплаты. И внезапного наследства от дальнего родственника из-за рубежа.

Это уже не смешно совсем. Питаться по диете, пользоваться каким-то прибором для измерения глюкозы... Когда Фаина успела настолько постареть? Ей сколько, двадцать три года или семьдесят? Почему ее молодое тело уже разваливается на части без поддержки внешних компонентов?

Все это звучит как приговор.

Девушка вышла из кабинета в полном недоумении. Нужно срочно решать, что делать дальше. Вариантов немного. Либо лечиться, либо плюнуть в надежде, что само как-нибудь пройдет. В первом случае пришлось бы потратить много денег, времени и нервов на болезнь,

которую не удастся вылечить – только держать в узде. Вторым вариантом был более привлекательным, если принести единственную жертву – пообещать себе есть меньше сладкого.

И надеяться, что не сдохнешь. Хотя в этом как раз не было ничего нового.

По пути домой Фаина взвешивала все за и против. Чисто в финансовом плане полноценное лечение ей не по плечу, тут нечего таить. Ради интереса она зашла в аптеку и уточнила, сколько стоят препараты, которые ей выписали. Если сложить цену за лекарства, глюкометр и анализы – придется оставить аванс.

Просить деньги у родителей, когда тебе за двадцать и ты давно сама зарабатываешь на жизнь – такая себе идея. Фаина, наоборот, материально помогала им в последнее время. Недавнее увольнение отца заметно ударило по бюджету, а мама зарабатывала немного, зубами держась за свое место, чтобы были хоть какие-то деньги.

Обидно вот что: Фаина собиралась откладывать деньги брату на гитару. Он мечтает стать музыкантом. А Фаина мечтает, чтобы брат был счастливее, чем она. Чтобы из них двоих хоть у него жизнь сложилась, как надо.

Нужно трезво оценивать шансы: лечиться ей не на что. За последние два дня жажда притихла, прежнее состояние возвращалось. Но очевидно, что это ненадолго. Как и обещание не притрагиваться к сладкому.

Фаина шла по улице, сырой от растаявшего снега, и так глубоко задумалась, что не различала предметы поблизости. Обида за свое положение переполняла ее. Несправедливо. Почему именно она? Почему именно сейчас? Она этого не заслужила. Проклятая генетика действует безотказно, как гравитация.

И вдруг Фаина замерла на месте и чуть слышно усмехнулась. Есть выход. Всегда.

Можно сделать вид, что ничего этого не было. Ни плохого самочувствия, ни жажды, ни визита к врачу. Внушить себе, что не видела результаты анализов, что ничем не больна. И просто жить дальше. Обманывать свою память. Кто сказал, что это – худшее из решений? Самое простое еще не значит самое плохое.

Осмотревшись, Фаина отыскала взглядом ближайшую урну. Без лишних раздумий, пока совесть не успела очнуться, она подошла и выбросила все бумажки, которыми ее наградила врач. Все. Больше никаких больниц. Никакого диабета и анализов. Нужно вышвырнуть из головы всю эту чушь. Она молода и здорова. Просто немного скачет сахар, подумаешь. Надо лучше питаться, больше спать – только и всего. Пройдет.

Чтобы поднять себе настроение и немного отвлечься, по пути домой Фаина зашла в подземный переход. Ей нравилось разглядывать витрины, до отказа забитые всякой дешевой чепухой. Медленно ходить вдоль прилавков туда и обратно, пропуская вперед торопящихся по своим делам. И сочувствовать им. Ведь они так спешат прожить очередной день, что не замечают, как много занятных вещей у них прямо перед глазами.

Они спешат всю жизнь, пока та не подойдет к концу.

В детстве Фаина с братом играли в «бартер». Кто-то из взрослых поверхностно объяснил им значение этого красиво звучащего и мало понятного слова. Суть игры заключалась в том, чтобы собрать на улице и по сараям как можно больше интересной мелочи, а потом меняться друг с другом, воображая себя бизнесменами. Чем интереснее был «товар», тем забавнее происходила сделка.

Собирать можно было что угодно. Красивые пивные крышечки (их клали на рельсы, чтобы поезд превратил в плашки), кассетные ленты, зажигалки (ценились особенно), детали от старой техники или металлического конструктора (ценился выше, чем пластмассовый), старые ржавые железки в форме буквы Е (или Ш – все спорили). Позже на это подсади все уличные друзья, и длиться такая игра могла месяцами, принося незабываемые эмоции.

Фаина отчетливо помнила тот невыразимый детский восторг, с каким находишь для своей коллекции что-то редкое, чего точно нет ни у кого из друзей, и уже представляешь себе,

как они обомлеют, когда увидят твой новый «товар». Может, поэтому ей до сих пор нравилось приобретать различные вещицы из прошлого века, о которых современные люди давно забыли. Это помогало ей вновь ощутить в себе крупицу фантомной детской радости. Почти что единственного неподдельного чувства.

Перемещаясь вдоль витрины с ширпотребом, какой продается лишь в подземных переходах, Фаина задумалась, может ли она сейчас позволить себе потратить деньги. Скоро должны дать небольшой аванс, часть его уйдет на уплату общежития, часть – на продукты... или спиртное, еще часть – родителям.

Нужно держаться на этой работе, пусть она и не нравится. По крайней мере, коллектив там неплохой, особенно начальник, а это уже полдела. Потерпеть можно. А вот найти работу по профессии – почти нереально. Для человека с высшим философским образованием в этом городе не нашлось перспектив. Об этом даже думать было смешно. «Кому вы нужны?», – возмущался отец когда-то. И оказался прав.

Девушка остановилась, расширив глаза.

– Сколько стоит эта... прелесть?.. – на выдохе спросила она.

– Сто пятьдесят. Но тебе отдам за сто тридцать.

Типичная уловка, когда красная цена товару – сотня. Но Фаина позволила себе эмоции, и хитрый продавец, заметив ее восхищение, не преминул сыграть на нем.

Сделка прошла успешно. Никаких сомнений и душевных терзаний не могло быть, когда речь шла о стильных древних игрушках вроде йо-йо. Лет десять назад у Фаины впервые появилась такая катушка, с тех самых пор девушка не могла унять к ним своей симпатии. Их движения завораживали... успокаивали. Дарили какую-то надежность.

Выскакивая из подземного перехода на улицу, от возбуждения перепрыгивая через две ступеньки, она сжимала йо-йо в кармане куртки замерзшими пальцами и корила себя за мысли о том, что ста тридцати рублей могло бы хватить на обед в столовой. Да и к черту еду! Кому она нужна? Подобная красота встречается раз в столетие. Нельзя позволить себе упустить невиданный шанс. Шанс немного побыть счастливым ребенком. Снова.

Ретро импонировало Фаине во всем: мода, автомобили, образ жизни, алкоголь, предметы быта, развлечения... Несколько лет назад, еще во время совместного проживания с бывшим парнем, пришлось вычищать квартиру от старого хлама. Точнее, хламом это называл молодой человек. Фаине же не хватало духу выбрасывать яркие старые галстуки и подтяжки, стильные, но сломанные наручные часы и солнечные очки. Было много вещей из кожзаменителя в тех пыльных ящиках, доставшихся Глебу в наследство от деда, как и квартира, в которой они жили.

Фаина упрашивала оставить хотя бы пару рубашек и деревянную шкатулку, но парень был непреклонен. Он не понимал страсти к вещам из прошлого столетия, навсегда ушедшего, уступившего бразды современному миру цифровых писем, брендовой одежды и фастфуда.

Не понимал он и того, почему Фаине так тяжело избавляться от чего-то лишнего. Она буквально к груди прижимала предметы, которые видела впервые. Совсем не нужные ей предметы. Либо перекладывала их на другое место, чтобы не бросать в мусорку – а вдруг пригодятся?

Фаина не умела взять и избавиться навсегда от чего-то, что бесцельно занимает место. Как в реальном мире, так и в своей голове. Вокруг нее и внутри нее не было бесполезных, ненужных вещей. Так ей казалось. Даже если речь шла о вещах, к которым она никогда не притрагивалась. Они обязаны быть поблизости. Фоном. Для полноты жизни.

С Фаиной было невыносимо наводить порядок в квартире. И точно так же невозможно было заставить ее прибраться у себя в мозгах.

Как и любые удачные, их отношения закончились, как только у обоих иссякли эндорфины (и прочие опиаты, привязывающие людей), и вместо них стала вырабатываться страшная привычка к недостаткам партнера. Изъянов и притупленных претензий стало вдруг так много,

словно прежде влюбленные жили с закрытыми глазами. Но вместо того, чтобы разобраться в конфликтах, молодые люди ругались, терпели некоторое время и мирились. Проблема не исчезала, лишь обростала новыми деталями, и время не исчерпывало ее.

Можно было притереться друг к другу, но Фаина и Глеб вместе решили, что не станут продолжать. Былых чувств уже не было после года совместного быта. Дальше – туман, в который не хотелось шагать обоим.

В результате этого ничуть не тяжелого, а даже желанного расставания Фаина наслаждалась одиночеством и свободой – воли, выбора, слова и действий. С тех пор она ни в кого не влюблялась, не ходила на свидания, не флиртowała и не видела в этом ни смысла, ни удовольствия. Зачем вновь начинать то, что без вариантов закончится, к тому же, возможно, на этот раз болезненно?

Привязанность – высшее из зол. Хочешь сделать себе больно – полюби. Больше ничего не потребуется.

Фаине не хотелось серьезных отношений. Пары раз хватило, чтобы уяснить: это тупиковая ветвь проживания отведенных тебе дней. Впустую потраченное на чужого человека время. Который после всего, что между вами было, посмотрит на тебя так, словно никогда не видел прежде, не делил с тобой горести и радости, не прижимал к сердцу по ночам.

Отношений только ради утоления физических потребностей ей не хотелось. Хотя эти потребности были ярко выражены и часто напоминали о себе. Фаина подавляла инстинкты юного тела трудом, алкоголем и редкими занятиями спортом. Большую часть времени она делала вид, что инстинктов у нее нет. И вела себя как существо бесполое. Будто заставляла саму себя в это поверить. Иногда получалось.

Раз в полгода становилось совсем невыносимо. В такие периоды казалось, что каждый парень в автобусе раздевает ее глазами. Затем группа мужчин являлась ей в эротическом сне, от которого она просыпалась среди ночи и шла умываться холодной водой. А иногда и включала что-нибудь на мобильнике.

Особого внимания со стороны противоположного пола не наблюдалось, и это логично. Мужчины перестали замечать ее сразу же, как только она махнула на себя рукой. Да и как можно смотреть на всегда изможденную и печальную Фаину, когда вокруг столько привлекательных и ухоженных девушек? Единственный, кто с ней заигрывает, – это Гена, но Гена – это ведь отдельная история.

Девушка возвратилась в общежитие, объелась остатками жареной картошки с черным хлебом и зеленым луком и впала в пищевую кому. В полудреме она собиралась проваляться весь вечер пятницы, замечательный вечер пятницы, когда можно просто лежать у себя, и нет нужды выходить из комнаты. Если бы к ней не постучали.

На пороге оказалась Даша.

– Привет, пойдем с нами у Арины посидим?

– Спиртное будет?

– Как всегда.

Это были традиционные девичьи посиделки с вином, косметическими процедурами, сплетнями и пошлыми разговорчиками. Фаина принимала в них участие, очевидно, из-за первого пункта. Это позволяло ей оставаться частью коллектива, узнавать свежие новости, зачастую даже полезные. Поддерживать какие-никакие социальные связи.

В комнате уже разместились Арина, Наташа и Лиза. Они щебетали о чем-то, должно быть, очень их беспокоящем. Даша тут же подключилась к диалогу, а Фаина взяла себе бокал и села на пол рядом со свободным стулом. Не прислушиваясь к беседе, она отсутствующим взором глядела на вино и думала: сегодня только немного, совсем немного. И как можно меньше сладкого. Иначе ведь и правда можно себя угробить.

Девушка сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Звуки и краски окружающего мира сразу же смягчились, стали не столь раздражающими. Вино и кровь так похожи внешне. Да и внутренне тоже: и там, и там есть сахар.

– ... да ну! Совсем не похож, – смех Наташи как будто прорвал слой ваты, – скорее на... я даже не знаю, с кем его сравнить.

– А кто вам из актеров нравится?

– Райан Гослинг, о да... Я бы ему дала.

– Ой, да ты бы любому дала, – не устояла Даша, за что в нее прилетел утюжок для волос, – ай, он же еще горячий!

– А мне нравится Хью Джекман. Такой большой... мускулистый, эх... – Арина мечтательно глотнула вина.

– А потом они хотят, чтобы их любили не за внешность. Ну да, ну да.

– Слушай, дай ты помечтать. Сама как будто бы не переспала с кем-то из знаменитостей?

– Если только с Брэдом Питтом.

– Фу, да он же уже старик!

– Зато какой старик...

– А Том Круз как вам?

– Слишком носатый.

– Ну, знаешь, милая моя, что на витрине, то и в магазине.

– В смысле?

– Ну а ты подумай.

Последовала краткая пауза, и девочки заразительно расхохотались. Этим барышням хватало и пары минут, чтобы повернуть любую беседу к мужскому достоинству. Даже если речь будет идти о молекулярной химии, это не помешает им перейти к своей излюбленной теме.

Фаина сделала еще глоток, планируя растянуть бокал на весь вечер. Он был ее спасительным кругом в неприветливых водах ежедневности.

– Фай, а тебе нравится кто-нибудь?

– Да, расскажи нам, а то мы никогда от тебя такого не слышали. Я даже не знаю, какие мужики в твоём вкусе!

– Да, вот интересно! Ну-ка? Удиви.

Девочки оживились, а Фаина задумалась, устраиваясь поудобнее. Ей не очень нравилось, что все взгляды в этой комнате были в ожидании обращены на нее.

– Кто-нибудь вроде... Криса Айзека в молодые годы, – она неуверенно повела плечом.

– Это актер?

– Певец.

– Я не знаю такого.

– Я тоже. Опиши его? Ну, основные черты, что тебе в нем нравится?

– Он брюнет. Харизматичный. С красивым правильным носом, выразительными глазами... и очень волосатыми руками.

Девочки заулюлюкали, хитро переглядываясь.

– Вот уж не думала, что нашей Фаине нравятся волосатые самцы.

– А еще кто-нибудь? Из современных, а?

– Я мало знаю современных. Надо подумать. Ну... Джош Хартнетт?

– Знакомое что-то...

– Гугли, – Фаина пожала плечами, и девочки схватились за гаджеты и спустя несколько секунд уже листали заветные фотографии.

– А и правда, неплох. Ты только посмотри. Надо глянуть с ним парочку фильмов.

– В таких фильмах, которые ты смотришь, думаю, он не снимался.

– Да ну тебя. Это же Голливуд. Они там все когда-то... надо только поискать.

– И, что самое главное, очень даже смахивает сами знаете на кого.

– Точно! А ведь точно! Еще как смахивает.

Соседки попросили назвать еще кого-нибудь, и Фаина напрягла чертоги памяти: Клинт Иствуд, Джефф Бриджес и Алан Делон – в молодости, затем один малоизвестный польский актер, имя которого показалось всем настолько дурацким, что Фаину попросили несколько раз произнести его.

Потом они поменялись местами. Девушки показывали Фаине фотографии знаменитостей, которые им нравятся, а та либо кивала, либо морщилась. Почти никого из них она не знала, отдавая предпочтение актерам, которые давно постарели. Ее неосведомленность уже перестала возмущать соседок. Фаина всегда была такой – живущей где-то за пределами этого мира.

– Почему все, кто вам нравится, похожи друг на друга так, будто наштампованы на одной и той же фабрике?

– А лучше, конечно, на твоих стариков драть? – слегка разозлилась Даша. – Ой, да ну тебя. Давай тебе лучше маску для волос сделаем, а? Ты видела вообще, что у тебя на голове мочалка?

– Видела.

– Видела она. И тебе, конечно, все равно.

– Все равно, – Фаина даже подмигнула.

– Так, сейчас мы тобой займемся. Девочки, дайте мне расческу, – она сказала это таким тоном, будто последним словом было «скальпель».

Фаина позволила делать с собой все, что им хотелось. Лишь бы это не мешало ей выпивать. Соседки стали обсуждать рецепты правильного питания, параллельно занимаясь каждая своим делом. Даша расчесывала густые и непослушные волосы Фаины, чтобы «превратить их во что-то человеческое»; Арина переписывалась с бойфрендом, изредка отвлекаясь, чтобы колко прокомментировать ситуацию или закончить за кем-нибудь предложение; Лиза наводила на всех какую-то бурую гущу – домашний скраб для лица; Наташа делала себе маникюр.

– Девки, давайте какое-нибудь старье послушаем? А то тухло как-то.

– Когда мне было лет четырнадцать, я любила «Pussycat Dolls».

– О-о-о! Врубай погромче, это то, что надо.

Пританцовывая, заботливая соседка нанесла на волосы Фаины масло и укутала их в полиэтиленовую шапочку. Вино в бокале как раз закончилось, а на лицах у всех красовалось что-то по цвету похожее на скорлупу перепелиных яиц.

Лиза обещала, что при смывании скраба через двадцать минут они не узнают своей кожи. Фаине было все равно. Ее заботило лишь то, что не вышло растянуть вино на весь вечер. Но она поклялась себе, что больше не выпьет ни капли этой чудесной темно-красной жидкости с терпким послевкусием на языке.

Вскоре и остальные начали танцевать, смеяться без причины и кидаться подушками. Лиза опрокинула пустую бутылку, та разбилась где-то за креслом с тяжелым глухим звуком, но на это не обратили внимания.

Потом Наташа предложила всем взвеситься – тоже традиционное занятие вечера пятницы. Узнать, сколько ты набрал или скинул за неделю. Каждая из девушек хорошо знала не только свой вес, но и вес соседки. Поэтому, когда Фаина встала на прибор, Даша с восхищением сказала:

– Ого, минус три, ну ты молодец. На диете сидишь?

– Нет.

Фаина не худела последние лет пять, без труда держась в одном и том же весе. Тело привыкло. Поэтому столь быстрое изменение показалось зловещим. Она тут же вспомнила, что среди основных симптомов сахарного диабета значилось резкое снижение веса... Это испор-

тило ей настроение. Гадко было осознавать, что независимо от тебя все это время внутри организма происходят процессы, медленно, но верно ведущие к летальному исходу. Поганая червоточина, которую она себе не просила.

Больше не хотелось слушать веселое щебетание девушек, которые не замечали своего счастья – счастья быть здоровыми. Сославшись на плохое самочувствие, Фаина отправилась в душ – смывать масло с волос и маску с лица, а затем к себе.

Соседки не заподозрили ничего особенного. Они давно знали Фаину – как резко и порой необъяснимо у нее меняется настроение, как она молчалива и как порой непредсказуема. Только Даше пришло в голову, что это похудение как-то связано с жадой, на которую Фаина жаловалась в последнее время.

Стоило угрюмой девушке удалиться, подвыпившая компания снова принялась обсуждать новенького из 405-ой. Этим же они развлекали себя и до того, как позвали на посиделки Фаину. При ней им не хотелось говорить о симпатичном молодом мужчине, который заселился на этаж в начале недели и не горел желанием с кем-либо знакомиться.

Хорошо зная индифферентное отношение Фаи к изменениям, которые не касались ее лично, соседки не собирались делиться с ней своими соображениями на счет нового персонажа – это не имело смысла. Даша помнила ее реакцию в день заселения новенького. Абсолютное безразличие. Толстая броня и ни одной искорки в глазах. В этом вся Фаина. Ей всегда все равно, лишь бы ее не трогали. Казалось, не было в мире такого события, которое могло бы разрушить ее апатию.

Вернувшись в свою комнату, девушка взялась за фен. Процесс был длительным и утомляющим. Полностью просушить столько волос обычно занимало не менее часа. А если лечь спать с влажной головой, наутро ожидают мигрень, заложенный нос и першение в горле.

Волосы были единственной отличительной чертой Фаины. Больше в ее внешности не было ничего выдающегося. Излишне пышная и густая шевелюра часто электризовалась, придавая ей сходство с ведьмой. Волос было так много, что добраться до кожи головы составляло сложность. Они отяжеляли череп, и казалось, будто хотят плотно овить шею, закупорить глаза и рот, придушить.

Покончив с феном, Фаина завалилась на кровать и быстро отключилась. Этот день вымотал ее до нитки. Перед сном девушка решила: может, она и несчастна, но думать об этом ей некогда.

Глава 3, в которой Фаина видит и сразу забывает

«Впрочем, в этой земной жизни нет ничего абсолютно счастливого. Счастливое обыкновенно носит траву в себе самом или же отравляется чем-нибудь извне».

Антон Павлович Чехов – «Злой мальчик»

Фаина неважно себя чувствовала. Либо снова подскочил сахар, либо что-то с давлением. Едва тебе переваливает за двадцать, сложно разобрать, каким именно щупальцем смерть присосалась на этот раз.

Голова кружилась, глазные яблоки пухли, во рту пересыхало, хотя желудок уже разрывало от выпитой воды. С ориентацией в пространстве все было паршиво, как никогда. Двери уплывали куда-то прямо перед глазами, ручки и парапеты возникали в ином месте, нежели то, к которому тянулись промахивающиеся пальцы.

Омыв лицо и окинув себя строгим взором в зеркало, Фаина вернулась на рабочее место. Избегая настороженных взглядов коллег, она пошарила в сумке, умоляя мироздание подкинуть хоть парочку из тех таблеток, что удалось купить по совету врача, накопив немного денег.

Чуда не случилось. Если ты не заботаешься о том, чтобы носить с собой какую-либо вещь, она не появится сама по себе. Когда-нибудь халатность сведет ее в могилу, но явно не сегодня. Сегодня не в планах умирать. Девушка поднялась и направилась прямо в застекленный светлый кабинет.

– Фаина? Ты чего это?

Степа нашел для нее анальгин, парацетамол и эналаприл. Неизвестно, где он их достал среди рабочего дня – Фаина снова уходила в уборную, подальше от глаз, чтобы можно было побыть слабой. Наверное, пока ее не было, Степа побегал по офису, либо в его кабинете хранилась личная аптечка.

Девушка посмотрела на крошечные белые пуговицы на протянутой ладони условного начальника и изъявила сомнение в том, что все это следует принять одновременно. Но Степа был уверен в этом, его прабабка лечилась так от мигрени... Все же он убедил Фаину.

Таблетки неохотно опустились по пищеводу, оставляя за собой ужасное царапающее ощущение, словно жаждали застрять, едва преодолев гортань. Девушке стало лучше, но ненадолго. Это было неправильное лекарство, никак не связанное с ее болезнью. Оно могло помочь только как плацебо.

Степе пришлось отпустить ее домой, когда она вновь явилась в его кабинет спустя четверть часа. Вялая, с мутными глазами, Фаина цеплялась за дверные косяки и не рисковала отходить далеко от стен, чтобы в случае чего успеть облокотиться. Молодой начальник вызвал ей такси и приказал Диме из отдела кадров проводить девушку до машины, ведь он и так после обеда «мается ерундой». Фаина была слишком слаба, чтобы отпираться.

На заднем сидении она сразу же приняла горизонтальное положение, не спрашивая мнения водителя. Шофер угрюмо глянул на нее в продолговатое зеркало, изрезавшее его лицо до полоски глаз и темных, почти сросшихся бровей, но ничего не сказал. И хорошо. Порой молчание – лучший выбор, который может предоставить нам судьба. Лежа было лучше. Лежа всегда было лучше, какое бы дерьмо ни происходило. И неважно, что на поворотах голову вдавливало в дверь. Фаина почти не ощущала этого.

– Приехали.

– А?..

Она сама не заметила, как стала проваливаться словно в большой холодный сугроб, от которого все тело цепенеет. Наверное, то же самое чувствуют полярники, пока снежный буран баюкает их где-нибудь вдали от цивилизации.

– Девушка, вам плохо?

– Все... в норме, – пришлось подняться: сначала на локтях, затем и полностью, цепляясь за переднее пассажирское. Фаина мысленно сравнила себя с Беатрикс Киддо², когда у той отказали ноги после комы.

– Может, вас провести? – таксист нахмурился. Все это ему не нравилось.

– Не надо. Держите, – девушка протянула заранее приготовленную, изрядно помятую и пропотевшую в ее ладони купюру. – Сдачи тоже не надо.

По правде говоря, она и не помнила, какую сумму ей назвали в начале поездки. Надеюсь, в ее положении это простительно. Слова расплывались сами по себе, непослушно покидая рот. Словно водяные капли, падающие на раскаленный асфальт. Девушка с усилием выдавила наружу тугую дверь иномарки и вытолкнула себя следом. Колени подрагивали.

Впервые она не обратила внимания ни на марку авто, ни на внешность водителя, ни даже на брелок, который обычно болтался у всех таксистов на зеркальце или ключах. Неравнодушная к подобным безделушкам, сейчас она не сумела бы восстановить в памяти и цвет машины.

Слабые ноги понесли к ограждению, ладонь машинально нащупывала пропуск в кармане. Подошвы ботинок раздражающе громко шаркали по земле, и россыпи щебня, непонятно откуда тут взявшиеся, хрустели, отзываясь покалыванием в ступнях.

Глаза почти ничего не воспринимали, переключившись на «аварийный режим» тоннельного зрения – видели только то, что прямо перед ними, и никаких лишних деталей. Экономия энергии.

Девушка молила всех известных богов о том, чтобы никакое глупое препятствие не помешало ей добраться до комнаты. Не теперь, когда она уже так близка к цели. Интуиция подсказывала, что препятствие обязано быть, а Фаина привыкла опираться на шестое чувство даже больше, чем на объективные факты.

Какое-никакое облегчение появилось, едва Фаина оказалась на территории общежития. Разум прояснялся в прямой зависимости от сокращения расстояния до жилого корпуса. Пере терпеть физическую боль возможно, если сознание остается в порядке, но никогда – наоборот. Это правило Фаина уяснила давно. Но чтобы освободиться от боли, надо победить в себе животное, коим являешься в большей степени.

Шаг за шагом она проклинала поганую наследственность. А заодно и себя. За то, что никогда не может взять себя в руки и решить проблему, которая действительно мешает жить. Казалось бы, все карты на руках, чтобы себя спасти. Просто бери инструкцию и следуй ей. Но нет. Придерживаться заданного алгоритма – не в ее стиле.

Лифт не работал, в отличие от закона Мерфи³. Чуда не могло произойти. Но хотя бы никто из встречных не пытался с нею заговорить, и на том спасибо. Что может быть хуже разговора, который завел не ты сам?

Подъем по лестнице дался тяжело. Кровь пульсировала в висках, словно под кожей трепыхалось небольшое насекомое. Цвет стен, за которые Фаина держалась на случай падения, напоминал ей сейчас порошок из высушенной морской воды, смешанный с песком. Ее не волновало, что эту бледно-зеленую водицу невозможно высушить до состояния порошка. Она-то себе это прекрасно представляла, так какое значение имеет *реальное* положение вещей?

² Беатрикс Киддо – главная героиня фильма Квентина Тарантино «Убить Билла»

³ Закон Мерфи – шутливый философский принцип, который формулируется следующим образом: всё, что может пойти не так, пойдет не так.

На своем этаже Фаина не встретила ни единой души. Будто все вымерли. В общежитии всегда кто-то шумит: шляется без дела, готовит, смывает унитаз, курит на балконе, громко слушает музыку, кричит или смеется, убирает комнату или принимает душ. Пустые коридоры несвойственны этому социальному организму, особенно ближе к вечеру.

Едва преодолев порог своей комнаты, она, не разуваясь, в чем была, без сил повалилась на пол и пролежала так, пока ей не стало лучше. Настолько лучше, чтобы подняться на ноги и отыскать лекарство.

Кто знает, сколько времени прошло. Периодически девушка засыпала, урывками успевая подумать о работе или вспомнить какие-то ужасно неприятные случаи из детства. Например, когда поругалась с соседским хулиганом, и он насыпал ей земли в глаза. Самой решить эту проблему тогда было сложно, пришлось идти к родителям и жаловаться. Был, конечно, скандал. Что сейчас с тем мальчиком? Где он? И, самое главное, как же его звали...

Или, например, когда соседки выкрали и прочитали ее дневник, и не по вкусу им пришла ее честность... Тогда, помнится, даже мать узнала, что было написано внутри. И ей тоже не понравилось. Омерзительно вспоминать. Но мозг, агонизируя, делал это по своей воле и усмотрению, не спрашивая мнения хозяйки. Будто только негативными фрагментами памяти можно вернуть себя в адекватное состояние. И мозг, заботливый, решил калейдоскопом прокрутить их все.

Фаина вдруг поняла, окончательно проснувшись, что скучает по отцу. По его незамысловатому характеру, молчаливости и щедрости. Тем качествам, которые она лелеяла в себе и ценила в окружающих, что бы ни происходило. Ей стало до того грустно, что двигаться не хотелось. Апатичное настроение обычно приковывало ее к земле и не отпускало. Но с пола все-таки пришлось подняться, чтобы не подхватить еще и воспаление легких.

Таблетки действовали довольно быстро. Стоило принять их сразу, а не валяться на полу в ожидании второго пришествия. Несмотря на облегчение, Фаина решила добить себя (или же недуг, укоренившийся внутри подобно мерзкому паразиту?) контрастным душем и полностью взбодриться. Нужно было выгнать из тела болезную слабость.

После подобных приступов еще в течение суток нельзя есть ничего сладкого, чтобы не стало совсем худо. Это Фаина на собственном опыте определила. Безо всяких врачей. А если нельзя есть сладкое, то остаток дня будет дерьмовым, к бабке не ходи.

Никуда не торопясь, Фаина переоделась в домашнее, затянула потуже волосы на затылке, перекинула полотенце через плечо, вздохнула и вышла из комнаты. Повезло, что время было не то, когда к душу выстраивается очередь, и только попробуй влезь, не осведомившись сначала, кто за кем занимал. Временная безлюдность сыграла на руку.

Душ представлял собой тесную вытянутую кабину, напоминающую граненый стакан не первой свежести, захватанный и мутный, с многолетними следами ладоней и ступней многочисленных жильцов. В одной из любимых книг Фаины описывались схожие по форме кабины, вот только пользовались ими загадочные пришельцы-странники⁴.

Внутри было сломано все, что только можно сломать. Ржавые краны и вешалки неоднократно пытались починить, но надолго такой починки не хватало. Благие намерения в этом месте сталкиваются с ядовитым, деструктивным безразличием, а потому быстро иссякают.

То ли из гадливого протеста, то ли от постоянной тесноты, то ли от наплевательского отношению ко всему, включая собственный уют, жильцы снова и снова засоряли душ, отрывали крючки для одежды, полочки для мыла и мочалок, расшатывали трубы и душевые краны.

Им не нужно было сговариваться, чтобы всем вместе понемногу портить общее пространство проживания. Они словно бы подключались к коллективному разуму, и каждый прилагал совсем немного усилий к разрушению, сам того не замечая. Поэтому найти единственного

⁴ Имеется в виду произведение братьев Стругацких «Жук в муравейнике».

виновного было невозможно при любой попытке. Все виноваты быть не могут, а если никто не виноват, то тут и говорить не о чем. Так все и кончалось раз за разом.

Если кабину окончательно приводили в негодность, это означало, что пользоваться ею теперь невозможно в принципе. Жильцы направляли банно-тазиковое паломничество на другой этаж, где кабина не была забита сором и волосами и вымазана различной человеческой грязью, не воняла хуже загородной свалки.

Непригодные кабины подолгу не чистили, всем было не до того. Приходилось терпеть накапливающиеся вонь и грязь, которые вроде бы и не ты создал, но ответственность за все это почему-то чувствовал из-за вездесущего запаха. Такое положение вещей давило на психику – каждый день по капельке. Медленно, но верно собирался небольшой водоем безумия. В нем хотелось кого-нибудь утопить. Разум шептал, что лишь после этого наступит облегчение.

Временами жить в этом затхлом местечке, где каждому плевать на себя, становилось психически невыносимо. И Фаине хотелось закричать, убежать отсюда босиком, без ничего, вымыться до скрипа, отдохнуть, выспаться на чистом. Где-нибудь далеко. Возможно, в другом мире, куда увели целое население планеты через портал в одной из любимых книг.

Единожды, курсе на втором, Фаина по доброте душевной и отсутствию на тот момент какой-либо брезгливости прочистила водостоки, надраила стены душа, испачканные чем-то страшным (не хотелось даже задумываться, чем именно), вкрутила новую лампочку. Она ощущала себя героем, бескорыстно вершащим добро, меняющим мир к лучшему.

Но едва стало ясно, что даже взгляда благодарности не обратится в ее сторону, а история с загрязнением повторится снова и снова, как чертово колесо Сансары, Фаина спокойно решила больше никогда ни за кем не убирать, кроме себя.

Раз и навсегда пришлось зарубить себе на носу, что люди не заслуживают проявления тех высоких душевных порывов альтруизма, что случаются с каждым из нас.

Сейчас душ выглядел вполне сносно. Не идеально, конечно, но терпимо для общежития, где каждому плевать и на себя, и на свинарник, в котором он живет за копейки, день за днем целенаправленно уничтожая свои шансы на нормальную жизнь. Фаина разделась, повесила вещи и полотенце на хлипкие крючки, открыла воду. Теплая, напор средний. Ладно, это неплохо. В конце концов, мы пришли сюда не париться, а наоборот.

В ногах все еще подрагивало желе былой слабости, плюс навалилась странная усталость, будто весь день бегал по городу с завязанными глазами, как в том клипе⁵, а не сидел в удобном офисном кресле. Проклятый организм разваливается на части из-за какого-то сахара. Тысячи людей питаются гораздо хуже, а страдает она.

Согнувшись в три погибели, девушка села на корточки, не забыв ухватить за собою шланг. В таком положении стало более заметно, что кое-где выпирают кости. Тазовые, например. И колени тоже, и ребра немного.

Неужели она похудела еще больше?

Такие процессы как набор и сброс веса обычно не беспокоили Фаину. Она давно жила в том мире, где не имели значения объем и плотность ломтя мяса, в который тебя обернули – так девушка себя и воспринимала сознательную часть жизни.

Отсюда проистекало ее наплевательское отношение к тому, сколько она спит, чем питается и какую воду пьет. Презренное тело не имело права ей командовать. Сейчас, заметив удобу и пару желтеющих синяков на ногах, девушка уже не придавала этому прежнего значения. Если знаешь, что умираешь чуть-чуть быстрее, чем остальные, остается только смириться.

Несколько минут Фаина бесцельно поливала голову, уставившись в стену и ни о чем не думая. Казенные струи стекали по лицу и волосам, чтобы навсегда исчезнуть в темном желобе и уплыть к океану. Вот бы с ними...

⁵ Имеется в виду клип группы The Prodigy к песне Voodoo people

Было как-то тоскливо, но трудно объяснить, почему. Хотелось оказаться подальше отсюда, и чтобы все проблемы куда-нибудь делись. Чтобы ничем не болеть. Бывает же, люди живут так, что со здоровьем и восприятием жизни у них все нормально. Нет никакого невидимого сдвига, от которого и хотелось бы отмахнуться, а не выходит. То и дело осматриваешь внутренности, подозреваешь в измене каждый уголок, бродишь, бродишь, а все не можешь найти в себе, что не так лежит, и поставить на место легким взмахом ладони, словно ящик задвинуть.

И все время чувствуешь себя отщепенцем, ненужной деталью гармоничного пазла. И все будто бы смотрят на тебя искоса. Всё понимают лучше тебя. И *молчат*.

...А потом пошла горячая вода, которая, как оказалось, бодрит гораздо лучше. Фаина резво поднялась, поскользнувшись, и быстро вымылась, пока чудо природы не иссякло. Горячую воду редко можно было застать случайно. Обычно время ее подачи узнавали заранее и составляли расписание.

Распаренное тело повысило настроение, подарив непривычную легкость. Да, Фаина выглядела теперь как вареный рак, зато и следа дурного самочувствия не осталось. Ноги держали крепко, в голове прояснилось. В такие моменты казалось, что и не было никакого приступа, можно забыть о нем, забыть о лечении. До следующего раза.

В приподнятом расположении духа Фаина насухо обтерлась грубым полотенцем, оделась, обулась и ланью выскочила из кабины. Клубы пара заструились за ее спиной, норовя затянуть обратно. Она ощущала, словно кровь заново побежала под кожей.

У раковины Наташа мыла посуду, деловито разглядывая себя в разбитое и заляпанное пеной для бритья зеркало.

– Рано ты сегодня, – заметила она, не удивившись сияющему виду соседки.

– Ага, – неохотно отозвалась Фаина, и на этом беседа завершилась.

Нормально общаться с Наташей мы начнем только после того, как она избавится от своего злополучного поклонника, что повадился терроризировать общежитие в темное время суток. Он мог часами стучать в закрытые двери объекта своего больного обожания, не забывая при этом грязно ругаться и что-нибудь ломать.

Вечно Наташа находит где-то таких... ради денег, конечно. С этим не повезло: он узнал, где обитает его хитрая пассия, и теперь не оставит ее. Либо влюбился, идиот, либо Наташа кинула его на бабки. А она ведь может.

Разминая шею до приятного хруста, Фаина направилась к себе, не без удовольствия приметив, будто муравейник, наконец, ожил. Или это она достаточно ожила, чтобы заметить? Где-то негромко играла музыка, шел оживленный спор со стороны кухни, а в 405-ой громко и назойливо стучали молотком. Что это Кирилл удумал, ремонтом заняться? На него не похоже... хотя с его затяжной депрессией от неразделенной любви не помешало бы отвлечь себя физической работой.

Фаина собралась было задорно подскочить к распахнутой двери и ошарашить соседа внезапным появлением, возможно, снабдив все это визгом раненого дельфина, но вовремя вспомнила, что к Кириллу недавно кого-то подселили, и ее выходка, такая безобидная среди людей, которые давно ее знают, теперь может оказаться максимально неуместной.

Когда же тут появился новенький? Недели полторы назад. Да-да, точно. Об этом еще все говорили. Но кто он такой? И как выглядит? Кажется, кто-то даже называл его имя... Не вспомнить.

Любопытство юрким зверьком очнулось в девушке, омыло блестящую шерстку, поднялось на задние лапки и наклонило усатую голову с маленькими лукавыми глазками. Большую часть времени хладнокровная ко всему, что ее окружает, Фаина ощутила странное жжение в области солнечного сплетения. Проходя мимо, она не утерпела и покосилась в дверной проем.

То, что она там увидела, оказалось довольно приятным зрелищем среди тех, какие можно встретить в общежитии.

Человек был виден не полностью, примерно наполовину – он стоял чуть сбоку от дверного косяка. Темно-синий банный халат, небрежно распахнутый на груди и, как показалось, надетый на голое тело. Толстый пояс туго обтягивал талию, подчеркивая ширину плеч, гладкую шею и ключицы. Роскошная мокрая шевелюра небрежно уложена назад, открывая высокий лоб с небольшими залысинами.

Фаина моргнула несколько раз, пользуясь тем временем, пока ее не заметили, чтобы все получше рассмотреть.

В руках юноши мелькал увесистый молоток, в зубах он сжимал еще один гвоздь, помимо того, который методично забивал в данный момент. Судя по сведенным у переносицы бровям, новенький был так поглощен своим делом, что всего остального мира для него не существовало. Соседка могла бы простоять тут сколько угодно, оставаясь вне поля зрения.

Фаина часто замечала такое выражение лица – лениво-брутальное – на отце, когда он что-то ремонтировал или строил. Вид нового соседа впечатлил ее, но лишь оттого, что она впервые увидела его, застав за забиванием гвоздей. Это подчеркивало маскулинность его внешности, не лишенной привлекательности.

Девушка направилась к себе, тихонько напевая приевшуюся мелодию. Еще пару минут назад она собиралась заорать на весь этаж, чтобы испугать Кирилла, а теперь ей хотелось одного – издавать как можно меньше звуков.

Пока раздавались удары молотка, она все еще думала о юноше, халат которого запомнился ей куда лучше, чем черты лица, и даже гадала, ради чего забиваются эти гвозди. Что он решил повесить на стену, как отнесся к этому Кирилл? Но едва стук прекратился, Фаина, растворившись в долгожданной тишине, позабыла и об источнике этого стука.

Мучимая совестью, девушка позвонила в офис и попросила выслать на почту остаток недоделанной работы, чтобы заняться ей на дому. Степа одобрил, не забыв справиться о состоянии. Фаина заверила, что завтра же выйдет на службу. Наивно полагать, будто приступ не повторится. Просто отныне стоит носить с собой таблетки.

Что ж, если сладкого сегодня нельзя, можно порадовать себя шаурмой и бутылочкой пива. Благо, в шаговой доступности от общежития в любое время можно достать эти две причины жить. Храни господь владельцев круглосуточных ларьков, щедро рассыпанных вокруг студгородка.

Глава 4, в которой Фаина испытывает сильное желание остаться

«Будучи почти телесными, дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они жадно глотают жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный...»

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

Фаина вернулась раньше обычного, отчасти поэтому настроение было умиротворенным, и даже самочувствие не устраивало сюрпризов.

За весь день она съела всего ничего: хиленький бутерброд с колбасой, помидором и подвявшим горьким салатом, кружку зеленого чая да покупной мюсли-батончик за двадцать шесть рублей. Для Фаины наесться такой чепухой сложно, но времени на полноценную трапезу не нашлось. Редко находилось.

Постоянный голод, удовлетворить который может лишь бедро дикого кабана, нервировал ее в течение дня. Но чем ближе был дом, тем смиреннее становился алчущий зверь, что строптиво клокотал внутри и не позволял ни на чем сосредоточиться.

Двери грязного лифта медленно разъехались, и девушка, позвякивая ключами, спокойным шагом направилась к своей комнате, стараясь не наступать на подозрительные пятна и мусор.

Звуки и запахи – колоритный дух общежития – моментально окутали ее информационным облаком. Даже с закрытыми глазами она могла бы подробно рассказать, кто и чем занимается на четвертом этаже прямо сейчас. Подобие ухмылки дрогнуло в уголке ее некрасивого рта. *Знать* – вот, что действительно приятно.

Неумелые, но настойчивые аккорды из 401-ой. Это Саша, сосед Гены, вновь упражняется в игре на акустической гитаре, купленной недавно (надо узнать для брата, где он взял ее и за сколько). А это означает, что самого Гены сейчас нет дома – не выносит он неумелого бренчания над ухом. То есть сегодня он на смене, и никто не будет наносить ей внезапных визитов, называть Афиной и неудачно шутить. Это, пожалуй, даже скучно.

Приоткрытая дверь 402-ой, а сквозь нее просачиваются легкие слоистые ароматы мыла, шампуня, лака для волос и туалетной воды. Значит, Арина собирается на свидание. Интересно, с каким из своих парней? Возможно, с кем-то, о ком Фаине еще не приходилось слышать. Да и не особо хочется, но придется, ведь Арина – любитель потреться об очередном бойфренде вне зависимости от того, как удачно у нее с ним сложилось.

Громкий смех со стороны уборной – это, скорее всего, Алек. Вечно он запрется там с телефоном и хохочет. Стэндапы, наверное, смотрит. В любом случае, если это Алек (а больше никто со всего блока не имеет привычки веселиться в туалете), заходить туда не стоит еще как минимум сорок минут. Корейская кухня не доведет его до добра. Фаина улыбнулась, подумав об этом, и вдруг ей захотелось спаржи, такой, как мама с папой покупали давным-давно.

Ближе к балкону резко пахнет содой, порошком и вымокшим деревом – значит, вымыли полы в коридоре. Просто так их здесь не моет никто – лучше умереть в грязи. Получается, либо разлили что-то, либо приходила комендант. Второе более вероятно.

И, наконец, самое главное. Властный и вездесущий, всё пропитывающий запах. Такой привычный, несмотря на свое недавнее появление, и позволяющий Фаине безошибочно определить его источник, который будто всегда был здесь.

Это новенький снова готовил на кухне, и, надо признаться, пахло оттуда божественно. А Фаине хотелось есть.

На самом деле Ян был единственным на всем этаже, кто не пренебрегал замызганной кухней и теми скудными предметами быта, что она могла предоставить. А Фаина, на самом деле, всегда была голодна, потому что не отдавала пище достаточно внимания и в основном питалась, руководствуясь правилом: любое топливо сойдет.

У новенького же, судя по всему, имелись лишние деньги, много свободного времени, а также неподдельная страсть к кулинарии. Вкупе с его внешностью и неординарным поведением такое увлечение наделяло еще большей загадочностью его нескромную персону, что давало бесконечную пищу для размышлений, сплетен, догадок и теорий, которыми тешили себя жильцы.

Те, кому было скучно. Практически все.

Фаина еще ни разу не видела, чтобы парень делился с кем-либо плодами своих трудов. Впрочем, его самого за едой тоже не приходилось наблюдать. Даже в процессе приготовления Ян не пробовал ни кусочка, не проверял блюдо на интенсивность соли или сахара. Будто знал идеальные рецепты и был чрезмерно уверен в своем глазомере.

Условия жизни в общежитии далеки от мечты об одиночестве и изоляции. Как ни изворачивайся, а если человек живет с тобой в одном блоке, в день ты видишь его как минимум дважды. А если ты избегаешь этого человека, то и чаще. Рано или поздно вам обоим придется выйти из комнаты.

Фаине казалось, что она давно привыкла к этому простому факту, но с появлением Яна постоянные столкновения в узких обшарпанных коридорах или иных тесных пространствах, из которых состояло тело коммунального дома, вновь стали неприятной занозой, каждый день напоминающей о себе.

Множество раз Фаине нужно было на кухню, когда там с наинаглейшим видом, попыхивая фамильярностью, хозяйничал новичок. Девушка ненавидела эти моменты неловкости, когда приходится упорно притворяться, будто впервые видишь человека, живущего в двух метрах от тебя за тонкой стеной. Неприятного тебе человека. И, что самое обидное, парень и бровью не вел, в то время как Фаине казалось, будто на лице у нее от смещения чувств лопается кожа.

Нужно сказать, в отличие от всех знакомых мужчин, именно новый сосед умел готовить аккуратно и обращался с продуктами как с ценными вещами, неторопливо и томно. Фаина была уверена, что Ян получает большое удовольствие, превращая отдельные ингредиенты в целостное блюдо.

Прежде чем его длинные пальцы начинали ловко управляться с ножом, смакуя каждое движение, он снимал со среднего пальца широкое серебряное кольцо и клал его на подоконник рядом с наручными часами и крошечным блокнотом. Должно быть, с рецептами.

Наблюдать за магически точными действиями Яна, когда выпадала такая возможность, доставляло Фаине эстетическое удовольствие, о котором она не подозревала. Каждый жест и каждое его движение были преисполнены власти. Сила, которую он сдерживал в себе, завораживающе струилась в его глазах и пальцах. Фаина *видела* ее, но не знала, видят ли другие.

Так как кухней практически никто не пользовался, разве что чайник поставить или сварить пельменей, Ян без лишних разговоров изъясл помещение в личное пользование. Он вел себя как полноценный и единственный хозяин – не только кухни, всего этажа. И даже, возможно, живущих здесь людей.

Юноша определенно питался лучше, чем кто бы то ни было в этом здании, но неясным оставалось, откуда у него на это деньги. И почему в случае хорошего заработка он живет в разваливающемся клоповнике.

Любопытство снесало аборигенов общежития, однако спрашивать напрямую никто не решался. Слишком иного полета птица этот Ян, чтобы задавать ему свои праздные вопросы и надеяться на какой-либо ответ, кроме хмурого взгляда или в недоумении приподнятой брови.

Размышляя об этом, Фаина переодевалась в своей комнате, пишей для ума отвлекая желудок, требующий еды материальной. Ненавистная водолазка, джинсы и бюстгальтер были сброшены на пол и в раздражении затоптаны. «Потом приберу, – подумала Фаина, – сначала поем как человек, и пусть весь мир провалится к чертям».

Она облачилась в любимые штаны и свитер, небрежно собрала на затылке ненавистные волосы, погрузила ступни в мягкие теплые носки и впервые за день ощутила себя человеком. Заглушив урчание внутри стаканом воды, девушка раскрыла низенький холодильник грязно-бежевого от старости цвета. Ничего действительно съедобного там не появилось за ее отсутствие, а так хотелось бы.

Полулитровая банка с супом давно расцвела, но заниматься ею всегда было недосуг из-за вони и фобии прикасаться к протухшим продуктам; плесневелый хлеб подморозился у стенки (часть корабля, часть команды...); останки чего-то странного, трудно вспомнить, чего именно, догнали своей век на блюдечке, которое уже никогда не отмыть. Горчица, майонез и соевый соус как обычно стояли сбоку в полной боевой готовности – единственные, кто никогда не исчезал из холодильника и как будто никогда не кончался. Высохшая треть лимона валялась на грязной тарелке с чем-то недоеденным. И пахло от всего этого прямо-таки не очень.

Фаина громко чихнула и спешно закрыла холодильник. По стене в смежной комнате постукали.

– Будь здорова.

Фаина привычно поблагодарила в ответ и задумалась. Хоть бы остался анаком. Должен был остаться. Обязан. Хлеба можно попросить у кого-нибудь, майонезом намазать – и с лапшой. Главное кипятка побольше, чтобы разбухла. Можно будет наесться часа на три, а там что-нибудь придумаем.

Фаине прекрасно было известно, что кроется под этим «что-нибудь придумаем», сказанным лишь бы отмахнуться от принятия конкретных решений. В зависимости от настроения она либо напьется и вырубится, что поможет пропустить ужин, либо все же выберется из комнаты и под покровом ночи сбегает за шаурмой или парой хот-догов. Чтобы объесться фастфудом и мучиться от боли в желудке, как это зачастую бывает. Зато сытая.

Повезло – в ящике с хлебными крошками обнаружился прямоугольный пакетик с изображением лапши, сыра и бекона. Любимый вкус. В детстве они с друзьями собирали монетки только ради того, чтобы всей толпой прогуляться в магазин в конце улицы, рассестись на лавочке где-нибудь подальше от дома (и бдительных родителей) и съесть хрустящую лапшу без заварки, посыпав сухую вермишель пряной приправой на вкус точь-в-точь как «Кириешки».

Это был настоящий праздник детства, восторг, возвращенный родительскими запретами. Сейчас в супермаркетах попробуй найди такую упаковку – всюду какие-нибудь дошираки, роллоны и прочие бичпакеты для тех, кто не изведal вкуса истинной лапши быстрого приготовления, дешевой, грубой и максимально вредной.

Фаина нашла миску поглубже, раскрыла пачку, аккуратно высыпала содержимое, чтобы не раскрошить вермишель, затем посыпала ее приправой из двух пакетиков: первый – обычный, главный вкус и второй – ядреный, добавляющий остроты. Раньше вместо него плавал янтарный жирок, придающий блюду особую душистость. Он превращал обычную воду в подобие куриного бульона. Но раньше все было лучше. Чем чаще это понимаешь, тем ты старше.

Взяв чайник, девушка взглядом простилась с лапшой и обещала ей скоро вернуться.

А на кухне, распахнув окно, сразу на нескольких фронтах орудовал Ян – слегка вспотевший, полный энергии от захватившего его творческого прилива. Он одновременно следил за ломтем свинины, шкворчащим на сковороде с высокими краями, деревянной лопаткой поме-

шивал пузырящийся соус цвета ядерной паприки в маленькой кастрюльке рядом, а также, закинув полотенце через блестящее голое плечо, безмятежно шинковал чеснок.

«По крайней мере, он не вурдалак», – заметила Фаина про себя и про себя же усмехнулась.

Это было бы слишком тривиально. Новый сосед, странное поведение, внешность, которая выделяется на фоне местного контингента – все по канону, казалось бы. Смело пиши фанфик, успех обеспечен.

Но любая жизнь, даже самая унылая и скучная, сложнее книги с ее хитросплетениями и перипетиями. Подражание реальности, само становящееся реальностью.

Не-вурдалак, как обычно, и бровью не повел, когда Фаина вошла в благоухающую обитель мяса и специй. Будто ее не существует. Это устраивало обоих. Заговори он с нею, девушка не знала бы, как ей быть. Сейчас его поведение не выходило за привычные рамки, и потому было удобным.

Впрочем, когда Фаина пробиралась к раковине по узкому проходу мимо единственного стола, местный кулинар все же отреагировал на ее присутствие. На мгновение он остановил свои благородные кисти, видимо, чтобы не порезаться, если гостя окажется столь неуклюжей, что заденет его локоть. По правде говоря, этого от Фаины стоило ожидать с высокой вероятностью.

На пару секунд смолкло и вновь застучало лезвие по деревянной дощечке, со специфическим звуком измельчая ароматные белые зубчики. Ловкие пальцы мелькали в этом маленьком смерче, слегка заворожившем Фаину, как и любое кулинарное шоу в детстве. Она открыла кран и подставила широкий носик чайника, думая о своем. Шум воды перебивал звуки, исходящие от плиты. Но ничто не могло перебить запах.

«Сегодня наш шеф-повар не столь амбициозен, чтобы занять обе плиты, так что достать кипяток все-таки удастся».

Мокрое дно чайника зашипело над цветком синего огня, пока Фаина наслаждалась видом и запахом добротного куса свинины на антипригарной поверхности. Кажется, Ян посыпал его крупной морской солью и перцем. Сердито и аскетично. А мясу большего и не требуется.

Схватить бы этот ломоть прямо сейчас и вгрызться зубами в упругие прожаренные волокна... Ожог кипящим маслом обеспечен, но слишком безумен оказался голод. Он больше не хотел ждать. Не мог ждать лапши, пока кто-то жарит себе неприлично большой кусок мяса.

Девушка уловила короткую усмешку у себя за спиной, моргнула, прищурилась и чуть повернула голову, чтобы краем глаза проверить, не ослышалась ли. Кажется, ослышалась. Да и что смешного она сделала? Или подумала...

Гордон Рамзи местного разлива с меланхоличным выражением лица дошинковывал последний зубчик и приступал к лимонам. Красиво жить не запретишь, подумала Фаина и собиралась отвернуться, но следующее действие Яна не могло не привлечь ее внимания.

Парень поднял нож на уровень глаз и осмотрел его, будто взглядом измерял остроту лезвия. Затем распахнул губы, желая провести по языку тупой стороной лезвия и избавиться от едкой чесночной эссенции.

В этот момент их взгляды пересеклись.

Фаине показалось, вот сейчас он точно порежется, и из приоткрытого рта хлынет гемоглобиновый соус, чтобы смешаться с чесноком и лимоном. Но ничего подобного не случилось. Ян со скукающим видом отвел пугающе зеленые глаза, затем медленно отложил нож и направился мыть увесистые толстокорые плоды.

Движения его рук и плеч так и кричали о некоем сдерживаемом порыве, действии или фразе. Фаина поймала себя на мысли, что ей стало легче, когда она перестала видеть нож в его руках. Но придавать особое значение этой мысли не стала.

«Самообладания ему не занимать. Интересно, сколько я уже торчу здесь в его аристократической компании? Держу пари, мое присутствие его нервирует, как и присутствие любого другого человека поблизости во время кулинарных изысканий. Хотя выглядит он вполне себе холодно. Только в движениях считывается легкое раздражение, и я могу это заметить. Стоит, наверное, уйти отсюда и дожидаться, пока мой металлический друг свистнет, но когда еще выпадет возможность под невинным предлогом побывать в обществе умопомрачительно прекрасного куска мяса, а заодно и молодого мужчины, который его готовит?»

Фаина подошла к окну и стала ждать парового сигнала, а Ян как ни в чем не бывало возвратился к столу за ее спиной. Несмотря на давящую атмосферу, они блюли молчание так же ревностно, как монахи, давшие обет своему богу. К тому же им не о чем было разговаривать. Трудно представить себе такую тему, которая позволит общаться двум людям, стоящим по разные стороны пропасти.

Разве что оба они спрыгнут. Но в таком случае их беседа будет недолгой.

Вновь послышалось, будто прямо у затылка ухмыльнулся чей-то кривой рот в лимонном соке, но на этот раз девушка даже не стала оборачиваться. *Черт с ним*, пусть себе обхохочется. Ей часто кажутся посторонние звуки, особенно при подобной шумовой завесе. И все же, стоит заметить, в присутствии Яна с подсознанием творятся странные вещи. Зрение и слух тоже подводят, словно кто-то решил над ней поиздеваться. Голова начинает побаливать, и лезут в нее совершенно неприятные мысли.

Подоконник сверкал чистотой, хотя никому и в голову не пришло бы его помыть. Кроме того, кто кладет на него свои вещи. Показалось забавным, что Ян, оставаясь завидным говнюком, хотя бы не брезгует прибраться там, где хозяйничает, в отличие от других жильцов.

От обилия паров и специй в воздухе Фаине снова захотелось чихнуть, но, представив, как глупо это будет выглядеть, она изо всех сил сдержалась. Резкий звук со спины мог заставить руку, держащую нож, дрогнуть и на этот раз не совладать с лезвием. Не хотелось ставить парня в неловкое положение. Если он поранится, придется с ним контактировать. Помогать ему.

Перебарывая щекотку в носу, девушка отвлекла себя рассматриванием широкого серебряного кольца и элегантных наручных часов на темно-коричневом ремешке с заломом на третьем отверстии. Узкое запястье. Возникло слабое желание примерить на себя и то, и другое, но послышался тот самый фыркающий шум, сигнализирующий о скором закипании, и девушка направилась преждевременно снимать чайник с плиты.

Лапша может плохо завариться, но находится здесь еще дольше невыносимо.

Ян мог решить, что она спешит покинуть его обитель и, черт возьми, он был бы прав. Внезапно он тоже приблизился к огню, чтобы перемешать соус, и едва задел Фаину нагим предплечьем, не обратив на это внимания.

Ждала ли она, чтобы Ян обронил хоть слово, или сама пыталась напоследок отколоть что-то меткое и емкое, но в голову ничего не лезло. Девушка, поборов желание сидеть здесь вечно и нюхать жареную свинину (втайне мечтая о брошенном, будто собаке, кусочке), в нерешительности потопталась на месте, будто раздумывала, не забыла ли чего, и направилась к себе.

Игра воображения умоляла ее в последний раз повернуть голову и встретиться со взглядом, который, если мыслить здраво, не может быть обращен ей вслед. Но Фаина не поддавалась мольбам своей неудовлетворенности и гордо прошествовала вон, выйдя победителем из невидимой схватки.

За перенесенное напряжение в комнате ее ожидала достойная награда.

Глава 5, в которой Фаина теряет самое важное

«Но одно дело – подавить любопытство и совсем другое – избавиться от него вовсе».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Фаина возвращалась из магазина и к своему ужасу чуть не наступила на жука.

Неуклюже притормозив в самый последний момент, она врезалась в плечо прохожего и буркнула извинения, продолжая смотреть себе под ноги.

– Аккуратнее надо быть, – грубо заметил мужчина и почти со свистом дернул полую пальто, выражая тем самым свое крайнее неудовольствие.

Жук был некрупный, темно-коричневый и блестящий, как подтаявший горький шоколад. Он полз еще сонно, неторопливо. Фаина осмотрелась. Вот сейчас она отойдет на два метра, а какой-нибудь «любитель природы» его раздавит и глазом не моргнет. Нет, так дело не пойдет. Он ведь едва проснулся. Пока не понял, зачем, но уже куда-то движется. Как и любой из нас, не так ли? Не стоит убивать его за это.

Девушка присела на корточки и услышала отчетливый хруст в коленях. Она позволила доверчивому насекомому заползти на безымянный палец и пересадила в безопасное место.

Благодарности от них вряд ли дождешься, но настроение у Фаины все равно повышается из-за подобных мелочей. Еще и солнце выглянуло, взрезав лучами рваный чернильный край, стремительно расплывающийся под напором света, как акварель в воде.

Разве бывала жизнь прекраснее, чем сейчас, прямо в этот момент?

Некоторое время Фаина шурилась, рассматривая причудливо клубящиеся над северными многоэтажками облака, в молочном узоре которых она всегда замечала нечто большее, чем могли увидеть другие люди. Затем вдохнула поглубже и направилась прежней дорогой.

В магазине она купила вина, потому что, во-первых, тоник закончился вчера (а оставаться совсем без алкоголя было не по себе – мало ли, какой кульбит выдаст настроение), а во-вторых, сегодня у них с Денисом уговор: посидеть у нее и посмотреть «Губку Боба».

Фаина взяла две бутылки полусладкого, потому что оно нравилось и ей, и Денису. На кассе пришлось показывать паспорт. Интересно, когда она станет достаточно плохо выглядеть, чтобы этого не происходило? Судя по отражению в зеркале и прогрессирующему диабету, довольно скоро. Хоть какой-то плюс.

– А-а, Фаиночка, проходи, деточка, – комендант пропустила девушку через терминал прежде, чем та достала пластиковую карточку со своей фотографией.

– Спасибо, Таись Пална.

– А ну-ка подойди ко мне на секундарик.

– Что случилось?

Пожилая женщина лукаво закусила дужку очков и подмигнула Фаине.

– Ну, что скажешь?

– На счет?

– Как вам с девочками новый сосед? Давно не видала таких красавцев. Да такой обходительный, рассудительный юноша!

– Хамоват, – флегматично резюмировала Фаина. Озвучивать личное мнение не имеет смысла: комендант почему-то очарована Яном, это слышно в ее интонациях, видно в ее глазах. И как он сумел настолько ей угодить?

Лифт был все еще сломан, так что пришлось подниматься по разбитой лестнице со стертыми, закругленными ступенями. Между вторым и третьим этажом бледно-зеленая краска

на стене облупилась и зияла цементом. Крупное серое пятно по форме напоминало улитку. Девушка прошла мимо, качая головой. Разумеется, если сейчас позвать кого-нибудь, кого угодно, и показать это пятно, нормальный человек никогда не увидит в нем улитку. Но Фаина видела.

Эта улитка ползла с ней наперегонки каждый чертов раз, когда девушка поднималась. Иногда приходилось переводить дух, чтобы найти в себе силы преодолеть еще десяток ступеней, но останавливаться около этого пятна оголенного цемента Фаина бы никогда не стала. Оно будто насмехалось над ней и над ее примитивным табу, не имеющим никакого смысла.

Нужно было как можно быстрее пройти мимо пятна, пока оно не превратилось во вполне узнаваемый контур. Улитка на склоне... Каждый раз, когда это происходит, мир кажется уже не тем, что обычно. Будто то, к чему привыкло зрение, ненадолго уступает место тому, что есть на самом деле. И есть в этом жуткая тайна, которую никогда не разгадать, не увидеть полностью. Лишь краешек.

Гора грязной посуды все так же ожидала Фаину в комнате. Придется мыть. Нечасто к ней приходят гости, но когда это случается, ничто не должно портить своим видом или запахом совместный досуг.

Фаина вздохнула, поставила вино в холодильник, подхватила тарелки, кружки и вилки обеими руками и направилась к большой раковине. На кухне никого не было, но на плите шумел чайник, оставленный неизвестной рукой. Едва он закипел, Фаина машинально выключила газ и вернулась к своей пенной работенке.

Спустя пару минут из блока послышались голоса, и в помещение вошли Кирилл, Ян и еще двое юношей примерно того же возраста. Явно однокурсники. Они бурно обсуждали что-то, рассаживаясь вокруг стола и заваривая чай. Прислушавшись, Фаина разобрала, что речь идет о грядущем спектакле или вроде того.

Оставалось еще довольно много посуды, и мыть пришлось дольше, чем обычно – еда на поверхности засохла, нужно было размачивать и драть обратной стороной губки. Фаина вооружилась содой, чтобы хоть как-то ускорить процесс. Но, кажется, своей деятельностью она ничуть не мешала шумной компании.

Парни достали печенье и болтали без умолку, то и дело ядовито подкалывая друг друга похуже базарных хабалок. Фаине были интересны их разговоры, но, с другой стороны, казалось слегка нечестным подслушивать. Девушка неосознанно замедлилась, чтобы побыть здесь подольше. Предлог у нее все-таки имеется, плюс она *уже* была на кухне, когда они явились, так что «алиби» есть.

Насколько стало ясно, планировалась театральная постановка на религиозно-философскую тематику. В беседе то и дело упоминались Данте, Вергилий, Иов, черные пудели, а также бочка с вином, которая оказалась главной проблемой реквизита.

– Да к черту ее, оставим бочки Диогенам! – кулак бахнул по столу. Безапелляционно.

– Нет, ты не понимаешь, слушай, вы тоже слушайте, хватит уже зубоскалить, – затараторил светловолосый парень с яркими безумными глазами и быстрой жестикуляцией. – Слушай, как ты можешь, ты ведь читал текст! Без этой сцены никак нельзя, ее невозможно просто взять и выбросить, во что тогда превратится смысл, где он будет? Ты бы попробовал выбросить из Евангелия сцену, где Христос превращает воду в вино? Нет? Вот и не надо того же делать с Антихристом. Как будто он чем-то хуже! Того же поля ягода, ага. Нет, бочка имеет существенное значение, несет огромную, я повторяю, огромную смысловую нагрузку! Вы где хотите, там и найдите мне эту бочку, хоть сами соберите, но без нее я вам ставить ничего не буду, вот вам мое слово. Без чертовой бочки с вином ослабнет контекст, и будет это уже не театр, а черт знает что. Dixi!⁶

⁶ Фраза, в переводе с латыни означающая «я сказал». Используется в смысле «я сказал, что нужно было сказать, и я уверен

– Вот именно: только черт это и знает. А мы – нет. И где нам эту бочку достать? И кровь Христову заодно.

– Кстати о черте.

Тут Фаина насторожилась и незаметно покосилась на них. Ладонь ее сама по себе замедлилась.

– Что скажешь, Ян?

– Полагаешь, эта роль мне подходит? – сколько сарказма в голосе.

– Ну ты сам посмотри на свой оскал, братец, на свой взгляд посмотри в зеркало, в конце концов! Неужели тебе никто не говорил, что ты дьявольски хорош?! У тебя внешность подлеца, хочешь ты или нет. Роль Мефистофеля создана для тебя, уверяю!

Раздался смех, заставивший Фаину вздрогнуть. Кружка чуть не выскользнула из мыльных пальцев. Девушка бросила быстрый взгляд на компанию. Нет сомнения, рассмеялся Ян. И этот звук никого не смутил, кроме нее.

Парни вели себя столь непринужденно, будто кроме них здесь никого не было. Впрочем, в общении каждый привык делать вид, что не замечает соседа. Это понятно. Любому нужна хоть временная иллюзия, что тебя оставили в покое. Что у тебя есть личное пространство.

Вот и Ян, кажется, забылся в кругу друзей. Фаина и не подозревала, что этот человек умеет веселиться, и порой с его лица сползает маска непроницаемости. Его неестественный лающий смех стал для нее откровением.

– Люди... Вы такие интересные, – вздохнул Ян, обхватив пальцами кружку с чаем и выискивая зеленым взглядом нечто важное на дне.

– Ну и манеры, душечка. Что это с Вашей самооценкой, позвольте узнать? – манерно заговорил светловолосый, но не без иронии.

– А что с нею?

– Знал я, что Вы засранец, да не думал, что настолько.

Парень определенно потешался, подчеркивая, будто не имеет ничего общего с человечеством. Фаина не понимала, почему никто, кроме нее, не воспринимает эти заявления всерьез.

– Да он просто в роль вживается, – отшутился Кирилл.

– Я не стану играть дьявола. Это смешно.

– Но почему? Тебе эта роль несказанно подходит. Никто не сыграет его, как ты.

– Пытаться изобразить потустороннюю силу, о которой знаешь только по книжкам – это слишком человечно, – отмахнулся Ян, сморщившись. От этой гримасы всегда на миг его лица стало каким-то... или это боковое зрение подводит?

– А ты, что же, бог среди людей? Или, может, сверхчеловек?

– Точно не первое, – усмехнулся Ян. – Это место занято, к счастью.

– Ты из плоти и крови, как и все люди. Такой же, как мы.

Звякнула ложка, и на кухне стало слишком тихо. Куда-то делась дружеская беседа, в которой каждый мог острить и не извиняться за колкости. Утекла по водосток вместе с грязной водой. Фаина замерла и прищурилась. Ей вдруг показалось, будто Ян говорит все это с точным расчетом, что *она* услышит. Использует замутненные формулировки, чтобы позволить ей додумать, дофантазировать. Или это снова паранойя.

Ей стало не по себе. Лучше бы она сразу ушла в свою комнату и не стала частью этой неловкой ситуации. Странные все эти ребята, даже страннее, чем она.

– А ты проверял?

Голос – чистый синий бархат, интонации дразнящие, но в то же время снисходительные. Будто бессмертный, уставший от жизни, просит убить себя, но знает, что это невозможно.

Напряжение достигло критической отметки. Скрипнул стул, словно кто-то откинулся на спинку, принимая вызов. Фаина удерживала себя, чтобы не повернуться. Как же глупо она сейчас выглядит со своей грязной посудой!

– Что же мне прикажешь, ножом тебя пырнуть?

– Попробуй.

Раздался нервный смешок, и вновь невозмутимое молчание Яна. Выжидающий взгляд.

– Девушка, а не подадите мне нож?

– Эта-то подаст, – усмехнулся знакомый голос. – Держи карман шире.

Впервые говорит о ней, но к ней не обращается.

– Не хватало мне тут поножовщины, – спокойно ответила Фаина, стряхивая лишнюю влагу с посуды. – Как только уйду, хоть на шампурах сражайтесь.

Шутку оценили, но среди общего смеха недоставало лишь одного – лающего. Напряжение сошло на нет. Разговор вскоре вернулся в прежнее русло (все понимали, что так будет лучше), а Фаина ушла к себе, так и не дослушав, чем кончился спор о системе Станиславского. Видимо, товарищи Яна воспринимали его замашки как способ продемонстрировать разбухшее эго. Может, они и правы. Им виднее.

В комнате девушка схватила сосательную конфету и легла на кровать так, чтобы ступни оказались на подушке. Всегда удобнее думать, уставившись вверх и закинув ноги на что-нибудь. Это дарит чувство свободы и независимости от обстоятельств, будто... будто живешь счастливой жизнью и не желаешь ничего большего. Случится ли когда-нибудь подобное и с нею?

Удивительно изменчив этот Ян. В компании друзей он без стеснения ведет себя как закадычный весельчак и к тому же провокатор. Но стоит ему оказаться с кем-то один на один из блока... Когда-то давно на парах по психологии им рассказывали, что у человека не может быть признаков сразу двух полярных темпераментов, например, флегматика и холерика. А если такое и проявляется, это либо откровенное лицемерие, либо проблемы с психикой.

Стук в дверь заставил Фаину посмотреть на часы. Для Дениса рановато.

– Ну и кто там?

– Это я.

На пороге с виноватым видом показался Гена. Он был в одних шортах, но намерение принять душ выдавали еще и полотенце на плече и ковш в руке. Фаина уже знала, что ему нужно.

– Слушай, Афина: дай-ка мне мыло!

– Долго сочинял?

– Или шампунь. В общем, что-нибудь такое. У меня кончилось.

– Ты хотел сказать не «кончилось», а «с прошлого раза так и не купил, свинья ленивая».

– Ну дай, пожалуйста, иначе я приду к тебе ночью грязный и лягу в постель...

– Достаточно. Убедил.

– Буду тебя обнимать. Прижиматься сзади своим потным вонючим... – злорадствовал Гена, сев на своего любимого конька.

– Ну все. Меня сейчас вырвет.

С преувеличенным негодованием Фаина протянула юноше мыло. Их обычная игра.

– Третье за этот месяц. Поразительная чистоплотность, учитывая то, как ты постоянно воняешь. Чего ухмыляешься? Думаешь, не понимаю, что пользуешься моей добротой?

– Но ты же не можешь мне отказать, верно?

Фаина промолчала, сжав губы, чтобы сдержать глупую улыбку.

– Пора мне переходить с мыла на что-то более существенное, – Гена нагло подмигнул и ущипнул Фаину за нос.

– Не дожدهшься, – отмахнулась та, шлепнув его по руке.

– Ну я пошел, пока очередь не набежала.

– Стой, – девушка схватила его запястье и потянула на себя, прикрывая дверь. – Хотела у тебя спросить кое-что.

– Приду ли я сегодня ночью?

– Да нет же, хмырь озабоченный. Иди сюда.

Пришлось прижаться к нему, чтобы настроить на иной лад и перевести разговор в нужное русло. Странное дело, но Фаина часто обнималась с Геной без видимой причины. Когда подкатывала нужда или возникала неловкая ситуация, когда слова были лишними, – они касались друг друга, не задумываясь, как это выглядит со стороны. Точно так же можно приобнять брата или дядю. Вот только между Геной и Фаиной всегда сквозило нечто большее, нежели теплая дружба.

– Ну что тебе опять в голову такое взбрело? – спросил сосед, погладив девушку по волосам.

– Тебе не кажется, что у нашего новоиспеченного жильца слишком замысловатый темперамент?

– Х-хо! «Кажется». И не только мне. Видела бы ты, каким ласковым и нежным зверьком он бывает, когда общается с комендой, например. И не пахнет от него тем, чем он становится, когда всплывает к нам на этаж.

– Как ты думаешь, кем он притворяется: душой компании в своем кругу или угрюмым мизантропом среди соседей?

– Думаю, он притворяется одним из нас.

– В смысле?

– По-моему, это очевидно. Если кто-то ведет себя радикально по-разному с различными людьми, это не человек вовсе, а хамелеон.

– Хамелеон... – повторила Фаина и вспомнила читанный еще в школе рассказик Чехова с таким же названием. – Просто признай, что давать людям клички – не твое, и смирись с этим.

– Ну твоя же прижилась.

– Только ты так и считаешь.

Гена поморщился, раздумывая над ответной колкостью, но так ничего и не успел выдать.

– Ну все, проваливай уже мыться, а то всю комнату мне завоняешь, псина.

– А ты кого-то ждешь, что ли?

– А вот это – не твое собачье дело.

Парень хохотнул, оценив каламбур, и Фаина со смешанными чувствами осознала, насколько нормально звучит его смех в сравнении со смехом Яна. Сопоставление произошло неосознанно, и в том же режиме продолжилось внутри Фаины, однако уже по другим параметрам. Раньше ей и в голову не пришло бы искать различия между Яном и Геной. Оказалось, таких различий множество. Лишь место проживания общее.

– Не вздумай мне тут изменять, – подначивал Гена, пригрозив указательным пальцем, – а то, сама знаешь...

Фаина сорвала с его плеча полотенце и хлестко ударила по обнаженной груди. Надоедливый сосед наконец-то сбежал, прихватив тряпичное орудие мести. Девушка с улыбкой прикрыла дверь, размышляя о том, что на счет хамелеона Гена, на самом деле, очень верно, пусть и бегло, подметил.

Примерно через часик появился Денис, по обыкновению распахнув дверь ударом ноги без всякого предупреждения. Фаина вздрогнула и повернула голову, откладывая книгу в сторону.

– А вот и я! – заявил парень, сбрасывая капюшон и расправляя длинные волосы.

– Привет, жопа, – девушка резво подскочила с кровати.

Первым делом она показала ему свой новый йо-йо. Сначала в статике, затем в динамике. Парень бросил свои вещи на пол и принялся оценивать игрушку. Как и Фаина, он был при-

страстен к различным побрякушкам из прошлой эпохи, к которым нынешняя молодежь относилась с брезгливой снисходительностью.

«Все новое – лишь хорошо забытое старое», – любил говаривать Денис.

У йо-йо была глянцевая красная катушка с золотыми драконами на каждом диске и ярко-желтая петля. Просто держать ее в руке приносило чистое удовольствие, а тяжелый подшипник создавал приятный эффект упругости при подъеме.

Пока Денис устраивал петлю на среднем пальце и с видом восторженного ребенка тестировал силы гравитации и инерции, Фаина с умилением наблюдала за человеком, которого, наверное, могла назвать другом в той же мере, что и Гену. Хотя это были совершенно разные люди.

Внешне Денис очень напоминал индейца, хотя ничто в его фамилии и родословной не поясняло странного сходства. Как так получилось, оставалось неясным. Генетические кульбиты, не иначе. Фаине нравилось наблюдать за его длинными жесткими волосами, за строго очерченным, с грубыми чертами лицом. Волосы, кожа, глаза – все было того особого темного оттенка, что позволяло Фаине в шутку называть своего приятеля «чероки». Денис не видел в этом ничего обидного и временами подыгрывал подруге, именуя ее или кого-либо еще бледнолицыми или поганками. На самом деле он был неплохой парень. Со своими вредными привычками, но весьма талантливый и амбициозный.

– Где взяла?

– В подземном переходе. Угадаешь, за сколько?

– Вот жидовская морда, за копейки, очевидно?

– Чья бы индейская морда говорила.

Денис нагло усмехнулся и достал из рюкзака свой маленький скетчбук, который всюду носил с собой, чтобы в ответ похвастаться новыми эскизами.

Бегло рассматривая рисунки, Фаина пыталась понять, под дозой сейчас ее приятель или нет. Сложно сказать наверняка, ведь манера общения и интонации у Дениса сами по себе странные. Но все же вроде чистый. Зачем употреблять, если и так идешь выпить?

– Мне нравятся все, – Фаина с восхищением захлопнула небольшую книжицу в мягкой карамельной обложке. – Ты не мог бы подарить мне один из них?

– Какой ты хочешь?

– С хамелеоном.

– Без вопросов.

– И тебе не жалко?

– Почему мне должно быть для тебя что-то жалко?

– Ну, если бы я умела рисовать, я бы не смогла отдать кому-то свой рисунок навсегда... Особенно удачный. А у тебя все удачные.

– Я это создал, мы оба это знаем. Остальное неважно. Вот, держи. Я нарисую еще десяток таких.

– Когда-нибудь я накоплю деньги и сделаю себе татуировку по твоему эскизу.

– Не раньше, чем я сам открою тату-студию. Кстати, я принес кое-что еще.

Денис пошарил по карманам, извлек цветную упаковку, встряхнул ею в воздухе и торжественно предложил сварить глинтвейна. Фаина пришла в восторг от этой идеи, до которой сама почему-то не додумалась. Они взяли с собою вино, специи, ноутбук и отправились на кухню.

Пока Фаина искала подходящую по объему кастрюлю, Денис озвучивал инструкцию по приготовлению, в своей манере затейливо переделывая обороты речи, которые ему не нравились, потому что казались слишком топорными и официальными для краткого совета, как варить глинтвейн.

– Вроде бы ничего сложного. По счастью, я на днях покупала апельсины. Что-то должно остаться.

- Слушай, а на какой серии мы остановились в тот раз?
- Кажется... – Фаина задумалась, споласкивая кастрюльку, в которую, она надеялась, влезут полтора литра вина. – «Я уродлив и горжусь этим!»
- Воу, Фаина, полегче с самокритикой. Ты вполне симпатичная бледнолицая...
- Заткнись! Иначе я тебе твои стрелы знаю, куда засуну?
- Сделаю вид, что не слышал этого. Та-ак. Значит, сейчас будет серия про Хэллоуин.
- Где Патрик сбрил Губке Бобу все тело, кроме глаз и мозга?
- Ага.
- Вот черт!
- Что?
- Штопор забыла. Сбегай в комнату, а?

Денис поставил на паузу и молча вышел. Он вернулся очень быстро и сообщил, что штопора на привычном месте не нашел. Фаина возразила, что этого не может быть, потому что буквально вчера она положила его туда, где он лежит всегда. Уж что-что, а такую важную вещь ей терять недосуг. Денис пожал плечами и предложил ей сходить проверить.

Уверенная в том, что это ошибка, девушка зашла в свою комнату и обомлела. Штопора действительно не было. Так. Вчера она пила тоник и положила его вон на ту полочку, справа от пачки риса. Штопор лежит на этом месте буквально с момента сотворения Вселенной. Либо он в руках Фаины, либо здесь. И это абсолютная константа земного мира, Авогадро нервно курит в стороне.

– Вот лажа.

Девушка топнула и задумалась. Наверняка кто-то зашел и позаимствовал его. На время или даже навсегда. Кто может просто так входить в ее комнату? Даша. Нет. Гена? Вероятно. Но он бы обязательно предупредил. Гена не имеет привычки брать без спроса.

Ладно, его могли просто украсть под шумок, это ведь общежитие. Другое дело, что лично у Фаины еще ничего не крали за все время проживания здесь. Но все когда-то бывает впервые.

Фаина проверила наличие более ценных вещей, чем исчезнувший штопор. Все оказалось на месте. Это исключало кражу. Значит, чья-то нелепая шутка? Или же она сходит с ума. Вздыхнув, девушка отправилась в путешествие по этажу. Не хотелось расстраивать Дениса такими глупыми трудностями. В общаге все пьют, у кого-нибудь да найдется, чем открыть вино.

Фаина еще никогда так не ошибалась. Все будто сговорились между собою, чтобы не позволить ей сегодня выпить. Но ведь практически никто не знает о ее небольшой проблеме, чтобы подобное затеять.

Те, кто открывал ей дверь, либо сами вдруг не могли найти свой штопор, либо не имели его вообще. Фаина верила в совпадения, как и любой здравомыслящий человек, но то, что сейчас происходило, уже вызывало нервный смех.

Разумеется, в финале своего странствия ей пришлось, сцепив зубы, постучаться в 405-ую. Иного выхода ей просто не оставили. Дверь открыл Ян. Он возвеличился в проеме в одних штанах, фамиллярно раскинув по полу длинные жилистые ступни, формой напоминающие обрубленную с двух углов вытянутую трапецию. Весь его вид словно бросал кому-то вызов, особенно босые ноги.

– Привет, э...

Стоило Фаине в очередной раз увидеть соседа с обнаженным торсом, она с удивлением отмечала, что торс этот приобретает рельеф и объем, приятные ее глазу. Стараясь концентрироваться на лице Яна, Фаина прочистила горло.

– У меня тут штопор потерялся. У вас с Кириллом случайно не найдется?

Ян молча глядел на нее, будто ждал чего-то еще. Более существенного. Чего-то, что оправдывало бы ее наглость побеспокоить строптивого соседа своими мелочными, слишком

человеческими просьбами. Он уже собирался закрыть дверь, и, уловив мельчайшее движение, Фаина отреагировала:

– Произнеси хоть слово! Надоело в молчанку играть. Нет штопора – так и говори. Есть, но не хочешь давать – тоже скажи прямо, мне все равно на твое ко мне отношение. Только дай какой-нибудь уже ответ, я не собираюсь коротать *вечность* в твоей компании. Мне это так же неприятно, как и тебе.

Ян издал свирепый смешок, закатил глаза и захлопнул дверь прямо у нее перед лицом, заставив отступить на шаг. Фаина сжала кулаки так, что ногти впивались в ладонь. Отыскать штопор стало делом принципа, хотя совершенно очевидно, что во всем корпусе его не будет ни у кого, даже у тех, кто всегда им пользуется. И чьи это проделки? Хотелось бы Фаине не знать ответа на этот вопрос.

Она шла на кухню, размышляя над тем, как ей не расстроить Дениса и не расстроиться самой, и тут ее окликнули. Фаина обернулась – ее догонял Кирилл.

– Вот, держи. Не обращай на него внимания, он сегодня какой-то нервный. Человек настроения... Ты ведь знаешь.

– Лучше бы не знала... Я у тебя в долгу.

Кирилл козырнул ей и пошел к себе. Фаина посмотрела ему вслед. Сейчас он выглядел оживленнее, чем обычно, но не стоит заострять на этом внимания. Главное, что Кирилл остался собой и не попал под пагубное влияние Яна. В том смысле, что он все еще считает себя смертным и хорошо относится к Фаине.

Интересно, как им вместе живется? Нашли общий язык? И возможно ли это – найти общий язык с таким, как Ян?

Входя на кухню, Фаина зычным голосом процитировала:

– Галочка, ты сейчас умрешь⁷...

И показала Денису заветную добычу. Тот захлопал в ладоши и поймал брошенное в него устройство.

– Я уж думал, по всей общаге не найти, чем раскупорить алкоголь. Бред какой-то.

– Собирался устраивать танцы с бубнами, чтобы умиловить богов?

– Ага, уже доставал барабаны и перья прямо из своей задни...

Продолжая обмениваться колкостями, Фаина и Денис открыли вино, включили мультики и принялись за глинтвейн. Помешивая подогретую бордовую гущу, девушка слабо беспокоилась о том, что ей может стать плохо. А может и не стать. Она так и не научилась разбираться в дозволенных ей дозах сладкого, на которые организм реагировал нейтрально. И не собиралась обременять свою жизнь подобными расчетами.

– Денис, у тебя бывает такое, что, казалось бы, без объективной причины ты начинаешь видеть мир немного иначе, чем остальные?

– Бывает. Но у меня есть объективная причина. Ты ее хорошо знаешь.

– И... как же ты видишь мир, ну, когда...

– Я рад, что ты об этом спросила. На этот счет у меня есть своя теория. Ты знаешь, что такое фракталы? На самом деле весь мир состоит из них. Каждый предмет, который ты видишь, любая субстанция содержит в себе бесконечно повторяющийся в себе узор. И он движется, как калейдоскоп.

Денис загуглил и показал Фаине, чтобы проиллюстрировать свои слова. Та поморщилась и ничего не ответила. Ей никогда не нравилось пристрастие друга к веществам, но, с другой стороны, это был полностью его выбор, влиять на который неэтично. Она ведь и сама хороша в плане употребления не рекомендованного.

⁷ Цитата из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»

– Альтернативный взгляд на вещи помогает развиваться в художественном плане. А почему спрашиваешь?

Девушка помедлила, подбирая слова.

– У меня есть одна особенность. Вроде бы это было со мной всегда, а вроде и нет. Сейчас я уже не могу вспомнить, когда это началось. Может, два года назад я бы и сказала точно, если бы кто-то спросил. Временами я вижу... определенные силуэты там, где их, строго говоря, нет.

– Например? – Денис ничуть не насторожился, и Фаина расслабилась.

Она поведала несколько случаев, включая пятно облупившейся краски в виде ползущей наверх улитки, а также всевозможные лица и образы в принтах на ткани и одежде прохожих, которые ей приходится наблюдать, что зачастую сопровождается необычным состоянием: помутнением сознания и замедленностью времени.

– Глупых ты, бледнолицая. Это всего лишь парейдолия. Ну, или какая-то ее разновидность. Ничего в этом страшного нет. Наоборот, у тебя хорошо развито воображение. Между прочим, мои сородичи за такое умение кактусы ели⁸.

– Парей... что?

– Иллюзия. «Оптический обман зрения»⁹, если ты понимаешь, о чем я.

Денис доходчиво пояснил ей антропоцентризм человеческой психики, из-за которого люди иногда видят привычные образы там, где картинка слишком странна, чтобы воспринимать объективно, а потому начинает напоминать им что-нибудь известное, виденное раньше. Чаще всего лица. На сцену выходит воображение за руку с ассоциациями. Фаина отметила, что ей и самой можно было поискать об этом феномене в интернете. Но теперь, когда у нее есть точная формулировка (надо запомнить ее), она займется этим вопросом.

– Значит, ничего страшного?

– Что ты! Не бояться надо, а радоваться. Хоть что-то делает жизнь ярче.

Тут Фаина не могла не согласиться.

После серии про Хэллоуин они посмотрели еще несколько – где Сквидвард попал в будущее, затем про каратэ и подарок для Патрика. Попивая раскаленный как лава глинтвейн, они сидели на полу в комнате Фаины, сипло хохотали, чувствуя себя счастливыми идиотами без прошлого, без будущего, без обязательств перед миром, и бессильно молотили друг друга по спине в новом приступе смеха.

– Пойдем-ка на балкон выйдем, покурю, – позвал Денис.

Они начали подниматься и поняли, что ноги затекли и не слушаются.

– У меня все щекочет.

– «Пальцев на ногах не чувствую»!

– «У меня нет пальцев!»¹⁰

– Это старость, – вздохнул парень. – Вино было не слишком сладким? Как ты себя чувствуешь?

– Не волнуйся. Кажется, ничего криминального.

Но, возвращаясь с балкона, Фаина поняла, что сказанное ею не совсем похоже на правду. Открывая стеклянную дверь, она почувствовала, словно пробка от шампанского ударила ей в висок, и колени мгновенно ослабли, как во сне, когда безуспешно пытаешься сбежать от монстра.

Она не знала, сколько времени прошло, когда очнулась на полу, спиной опираясь о стену и раскинув ноги под прямым углом друг к другу, как какой-то мультяшный герой. Над нею

⁸ Здесь Денис имеет в виду индейцев, которые употребляют пейот, чтобы пережить транс и галлюцинации. Подробнее об этом можно почитать у Карлоса Кастанеды в «Учении Дона Хуана».

⁹ Цитата из мультфильма «Волшебное кольцо».

¹⁰ Цитата из мультфильма «Шрек».

нависали лица Дениса, Гены и Даши. Кажется, они беспокойно переговаривались. Фаина уловила лишь обрывки «... чудом ... подхватить... плохо»

После частых морганий зрение прояснилось. Обзор расширился, и стало видно, что напротив, у распахнутой двери, стоят обеспокоенный Кирилл и даже Ян собственной персоной, с видом более индифферентным, чем когда-либо ранее. Словно его сюда насильно вытащили.

Не хотел – не вышел бы из комнаты, бегло подумалось Фаине, но сейчас было не до того.

– Сладкого тебе надо меньше, – строго сказал кто-то, помогая ей подняться.

– Сама разберусь, – разозлилась она и отдернула локоть.

Ей было так стыдно, что целая толпа стала свидетелем ее слабости. Какой-то там сахар. Какая-то генетика! И ничего нельзя изменить. Ее дедушка умер от диабета. Так что, вполне очевидно, эти пока безобидные приступы вскоре перестанут быть просто временной слабостью.

Фаина не видела смысла лечиться от неизлечимой болезни. Никто не мог уничтожить ее крепкое убеждение в том, что ежедневно сидеть на таблетках и инсулине, контролировать уровень сахара постоянными замерами, придерживаться диет – ничуть не лучше, чем мучиться от симптомов. И то, и другое сложно назвать полноценной жизнью.

В давящей тишине Денис отвел ее в комнату и уложил на кровать. Фаина попросила закапать ей глаза, но уснула прежде, чем парень нашел капли.

Глава 6, в которой Фаину губит любопытство

«Боже мой, в нем нет ничего человеческого! Он более походит на троглодита. А может быть, это случай необъяснимой антипатии? Или все дело просто в том, что чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает? Пожалуй, именно так, да-да, мой бедный, бедный Гарри Джекил, на лице твоего нового друга явственно видна печать Сатаны».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Очень странно, что дверь в 405-ую была приоткрыта.

Обычно Ян и Кирилл придирчиво заботятся о безопасности личного пространства, а сейчас... Пока Фаина купалась, мыла посуду, ходила в туалет, бегала по этажу в поисках салфеток, все время видела эту маняще приоткрытую дверь. Будто оба жильца ушли, позабыв замкнуть свою обитель.

В довершение ко всему оттуда не доносилось ни звука на протяжении довольно долгого времени. Фаину окатывали волны любопытства.

Совершенно детский восторг при мысли о шпионаже она поначалу пыталась унять с помощью йо-йо. Но сконцентрироваться на более полезных вещах вроде уборки, необходимости сходить в магазин или дописать отчет – не удавалось. Даже наблюдая за упругим вращением тяжеленькой красной катушки с золотыми драконами по обеим сторонам.

Обычно это помогало выбросить лишнее из головы, но сейчас лишь способствовало тому, чтобы сосредоточиться на единственной идее и кружиться вокруг нее, разглядывая пути решения со всех сторон.

Девушка переложила йо-йо в другую руку и потренировала кисть. Ей нравилось думать, что, совершая привычные манипуляции левой рукой, она развивает абмидекстрию, а значит, способность мыслить шире и принимать неординарные решения (где же она вычитала об этом?).

По крайней мере, почерку Леонардо она уже обучилась – писала от скуки сразу обеими руками так, что надписи отражались друг в друге. Все, кому Фаина это показывала, безуспешно пытались повторить ее действия. Это льстило, опять же, так по-детски.

Не помешало бы научиться для начала принимать *адекватные* решения, не говоря уже о нестандартных. С ответственностью у Фаины было туго. Ее пугали любые возможные изменения, но было легче, когда их источником являлась не она, а что-то извне. Будто ее подталкивали.

И кто только придумал эту дурацкую причинно-следственную связь? Почему любой поступок обязан иметь последствия, и ничего нельзя совершить бесследно? Девушку нервировал такой порядок вещей. Зачастую она противилась ему, отдавая себе отчет в том, насколько это глупо.

Если от нее требовалось принять решение, сулящее неизвестные изменения, чаще всего Фаина не делала ничего, опасаясь неверного выбора и последующих страданий. Нельзя вернуться назад, к моменту выбора, и сделать иначе. Это пугало больше всего. В этом виделась главная системная ошибка жизни, которую никто не спешил пофиксировать.

Девушка поймала себя на мысли о Яне и скривилась.

Неужели нельзя думать о чем-нибудь другом? Более приятном. На этой планете столько вещей, людей и явлений, а тебе охота каждый день размышлять об одном и том же. Эта зафик-

ленность раздражала, ею не удавалось управлять. Будто бы кто-то руководил ею пределами подсознания.

Мозг тем временем безостановочно искал предлоги, по которым можно побывать в заветной комнате, пока там никого нет. Фантазия подбрасывала все новые варианты, один интереснее другого. Любопытство наращивало обороты со скоростью летящей к полу и обратно катушки йо-йо.

То, чего ей хочется – нехорошо. Не смертельно, не преступно, но все же, если поймают за руку, будет крайне неприятно. Причем не ей одной. С другой стороны, всегда можно сделать вид, что пришла попросить что-нибудь, и вообще вот только вошла, искала, допустим, Кирилла.

Нет, нехорошо. Какую бы легенду она сейчас ни придумала, а когда дойдет до дела, когда Ян появится на пороге и окинет ее этим своим брезгливым взглядом, она забудет все слова, которые репетировала, она не сумеет даже оправдаться членораздельно, она едва ли что-либо произнесет.

И самое паршивое в том, что убежденность в подобной версии событий лишь подстегивала не тратить времени на придумывание вранья, а пойти и сделать то, чего требует сердце. Рискнуть. А уж потом решать проблемы, если они поступят.

Последней каплей стало воспоминание, молнией сверкнувшее перед глазами. Оно прервало череду плавных кистевых выпадов, отчего катушка обиженно зависла над полом, покрутилась вокруг своей оси и стала тихонько покачиваться на веревке, словно повешенный на ветру.

Фаина вспомнила, при каких обстоятельствах впервые увидела Яна. Казалось бы, сложно такое забыть, но ей это удавалось в течение долгого времени.

Гвоздь грубо зажат в зубах, халат распахнут на груди, брови сведены у переносицы. Мира не существует, все внимание сконцентрировано на металлической шляпке и молотке.

Заново прокрутив в голове картинку, Фаина впечатлилась даже сильнее, чем в тот раз. Чувствительность подскочила от волнения. Желания требовали себе твердой почвы под ногами, оправдания, и они его получили. Ян забивал гвозди в стену, чтобы повесить на них что-то. Девушка обязана узнать, что именно.

В этом ведь нет ничего криминального, верно? Проходила мимо, хотела посмотреть на картину, тем более, дверь была приоткрыта, вот и решила: кто-то есть внутри... Мозг ликовал от разрешения сложной задачки, а ноги уже несли в коридор.

Однако снаружи ожидало препятствие в лице Алека, домывающего посуду у раковины как раз неподалеку от заветной двери. Та была по-прежнему заманчиво отворена. И за ней все так же не было ни души. Фаина подошла к соседней раковине, чтобы умыть лицо холодной водой и привести себя в чувство. Щеки пылали.

– Кирилл не видел? – выдавила она.

– Не. А зачем он тебе?

– Так, забрать кое-что надо.

Алек промолчал, мимоходом оглянувшись на дверь. Он, кажется, никуда не спешил, намывая и ополаскивая одну и ту же тарелку несколько раз. Впервые в жизни Фаина была против такой чистоплотности.

– Слушай, совсем забыла, – воскликнула она, театрально хлопнув себя по лбу.

– А?

– Тебя же коменда искала.

– Меня? Точно? Я-то ей зачем...

– Тебя, точно, тебя. И это срочно. Связано с неуплатой, кажется.

– Ай, черт, стерва старая. Опять забыла меня записать, что ли...

– Слушай, ты иди к ней, а я за тебя домою, хочешь?

– Уверена? – Алек посмотрел подозрительно.

– Абсолютно. Как никогда. Точно. Просто, знаешь... Мало ли, что ей в голову взбредет. Может, составляет документы на твое выселение прямо сейчас.

Алек недовольно прочистил горло, вытер руки о штаны, закинул полотенце на плечо и быстрым шагом удалился. Девушка поспешно домыла его посуду (благо, оставалось немного) и двинула к 405-ой, пока еще кто-нибудь не нарушил ее гениальный план своим появлением.

Дверь не издала ни звука, закрываясь за спиной. Пока что все шло хорошо. А с Алексом потом разберемся, придумаем что-нибудь. Главное, чтобы сейчас ее никто не увидел.

Внутри резко пахло растворителем, мужским одеколоном, дезодорантом, сыростью и деревом. Привыкая, девушка прошла по небольшой комнате между двумя кроватями, жадно осматривая все, что попадалось на глаза.

Можно без труда определить, где чья территория.

На стороне Кирилла царствовали первосортный бардак и безвкусица. Стены облеплены распечатками цитат и древних демотиваторов, мятые вещи на всевозможных поверхностях перемежаются с грязной посудой у постоянно включенного ноутбука (он шумел, выполняя, наверное, какие-то операции в отсутствие хозяина). Стопки книг, блокнотов и канцтоваров громоздятся друг на друге Пизанскими башнями. Мелкий сор теряется на полу в переплетениях проводов.

Владения Яна не отличались разительным порядком, но налет хаоса здесь почему-то не казался бессмысленным. Таилась в расположении вещей некая незримая, но ощутимая системность, не поддающаяся логике, как ни парадоксально. Будто видишь перед глазами шифр, точно зная, что информацию можно прочесть, но код тебе неизвестен.

В общей бессвязности каждая отдельно выхваченная вещь стояла на своем месте. Не потому ли, что именно *сюда* ее поставила красивая рука с длинными пальцами?

Только Ян решал, где расположиться черной статуэтке-сфинксу с золотыми глазами, кружке с пахучим холодным кофе, карнавальной маске эпохи Ренессанса, кожаным туфлям, набору инструментов с тем самым молотком внутри, стопке книг по культурологии, наконец, боксерским перчаткам и гипсовому бюсту античной тематики...

Волей Яна принявшие определенное место, вещи эти уже не выглядели нелепым сочетанием несочетаемого, стремлением обычного студента уместить всю свою жизнь и увлечения на клочке пространства. Предметы вступали друг с другом в особые взаимоотношения, они были именно там, где им нужно быть. Где Ян *задумал* им быть.

На том самом месте висела довольно крупная картина. Фаина сразу узнала ее. Она слабо разбиралась в живописи, но это изображение трудно спутать с чем-то еще.

Блейк, «Великий Красный Дракон».

Странной случайностью казалось то, что здесь она обнаружила шедевр живописи, который чит как-то странной, таинственной любовью. Почему не что-то иное?

У них с Яном не могут быть одинаковые вкусы. Фаина далека от искусства, а Ян живет и дышит им каждый день в силу образования, которое получает. Ему нравится Блейк? Нравится этот стиль? Или он любит библейскую тематику? Или ему импонирует дьявольщина? Или он повесил ее тут как насмешку над мещанскими вкусами?

Что в голове у этого человека?

Девушка не могла заставить себя выйти из комнаты, хотя было уже пора. Она осматривала ее снова и снова, стремясь фотографически зафиксировать в памяти каждую деталь. Так, чтобы, закрывая глаза перед сном, можно было развернуть в воображении картинку и найти на ней что-нибудь интересное, чего ранее не заметил.

Выдохнув, Фаина отвернулась от окна, собираясь выйти, и встретилась глазами с Яном. Парень стоял в дверях. Как давно?..

Фаина приготовилась к худшему. Она знала, на что идет. Знала, что он тут, скорее всего, появится. В самый неподходящий момент. А спасение было так близко. Теперь нужно расхлебывать эту кашу. Главное – выбраться из комнаты. Все остальное решается.

На Яне была тонкая джинсовая рубашка и бежевые льняные брюки. Пышные темные волосы по обыкновению уложены назад, открывая приятный медовый лоб, а отросшие пряди за ушами едва касаются плеч.

Глубокий взгляд темно-зеленых глаз гипнотизировал, и Фаине сделалось дурно. Она не знала, куда спрятать руки, нелепо висящие вдоль тела как позорная обуза.

– Что ты здесь забыла? – бесцветным тоном спросил Ян, устало нахмурился и плотно закрыл дверь. Фаина заметила, что ноги у него босые. Это смутно обеспокоило ее, но, может быть, он успел разуться, пока она не замечала его.

– Ничего, – выдавила она, наблюдая, как парень обыденно вбрасывает с плеч рубашку, оставаясь в тонкой белой майке. Верхняя часть его трапецевидного туловища явно увеличилась за последний месяц. Записался в спортзал?

– Хотела что-то украсть?

А он знает, как заставить человека провалиться от стыда. Она переминулась с ноги на ногу и выпалила:

– Я заметила, что у вас открыто.

«Очень глупо с моей стороны. Теперь все выглядит так, будто я действительно воровка и пытаюсь оправдать свою kleptomанию».

– Открытая дверь – еще не приглашение.

«А закрытая – еще не запрет визита».

Фаина продолжала хмуриться, сжимая и разжимая кулаки. Не зная, что еще сказать или сделать, чтобы выбраться отсюда. Не понимая, как она оказалось здесь один на один с этим бездушным механизмом, от голоса которого во рту становилось шершаво и кисло. Хотя... Неважно.

Когда еще выпадет шанс задать ему какой-нибудь вопрос прямо в лоб, без посторонних, и чтобы он не мог избежать ответа или выставить ее душой? Однако, несмотря на потуги, ничего путного не посещало чертоги ее разума.

– Прочь отсюда, амеба. Избавь меня от своего присутствия.

Ян проговорил это с привычным безразличием, будто отмахнулся от назойливой мошки, но девушка уловила замаскированную провокацию.

Фаина была почти уверена, что это не паранойя, и она действительно слышит в его интонации желание вызвать ответную реакцию: грубые слова с вызывающей ленцией. Девушка все еще не знала, как ей себя повести – никогда прежде ее не унижали так открыто и целенаправленно. Но кровь шумела в висках и подгоняла произнести хоть что-нибудь, даже необдуманное.

– Кто ты такой, черт тебя возьми? – тихонечко спросила Фаина, ни на йоту не выдав своего возмущения.

Совсем не это следовало бы спросить, и не так робко. Ян же, напротив, скоропалительным вопросом заинтересовался. Чуть ли не впервые на дне его взгляда появился проблеск конкретного чувства, направленного в ее сторону.

Любопытства.

– Люди часто не замечают, что в их вопросе таится искомый ответ, – усмехнулся юноша, зловеще приподнимая брови.

Фаина слишком волновалась, чтобы уловить соль его ответа. А стоило ей хорошенько обдумать сказанное, и, возможно, она сумела бы догадаться о многих вещах чуть раньше, чем станет поздно. Однако в тот момент она не имела желания ни разгадывать ребусы, ни выслушивать оскорбления, а иной манеры общения у Яна не имелось в привычке.

– Я ничего не украла и зашла сюда не за этим. Мы с твоим соседом приятели. Можешь верить или не верить, дело твое. Просто позволь мне выйти. Я больше тебя не побеспокою.

– Нет, Фаина. Так не пойдет. Сначала объясни, что ты имела в виду? – парень пытливо осматривал ее, склонив голову под едва уловимым углом.

– О чем ты?

– Ты спросила, кто я такой. Почему именно это?

– Очевидно, потому что это самое глупое, что пришло мне в голову.

– Как раз наоборот, – Ян оценивающе хмыкнул. – В самую точку.

Фаина вздохнула и приподняла бровь. Парень выглядел озадаченным и, казалось, в данный момент решал, какой стратегии придерживаться далее – выпустить ее или продолжить странное интервью. Девушка не решалась двинуться к выходу без его позволения.

– Иди.

Снисходительно махнув кистью, Ян утратил и без того слабый интерес, но от двери не отошел. Лишь выжидающе сложил руки на груди, став еще шире от этой позы.

У Фаины дернулась верхняя губа, но она понадеялась, это осталось незамеченным. Увидев, что девушка не двигается с места, Ян уставился на нее с ухмылкой, которой прежде не бывало на его вытянутом лице.

– Боишься меня. Вот занятно. Почему?

– Отойди от двери, пожалуйста.

– Я ведь ничего тебе не сделаю.

Это даже звучало как издевка. Как что-то, что точно не является правдой, и оба об этом знают.

– Все равно. Отойди.

– Хорошо, давай поиграем. Я считаю до трех. Если ты не выйдешь, – рука его змеей потянулась к стене и зависла, – я выключу свет. И когда мы окажемся в темноте, я не сумею гарантировать тебе невредимость.

Чего-то такого она и боялась. Слова плавали в ушах, никак не укладываясь во что-то осмысленное. Фаина моргнула несколько раз, пытаясь сбросить противное оцепенение. Тщетно. Не мог тот, кого она знала, говорить ей подобные вещи. Не мог.

– Один, – буднично произнес Ян и нащупал выключатель длинными пальцами.

– Так нечестно, – задыхалась Фаина. – Ты не можешь ставить мне условия.

– Два, – его брови насмешливо приподнялись, и через весь лоб легла глубокая морщина.

– Да постой ты, что за детские иг...

Щелк.

Темнота.

Словно все фонари на улице тоже отключили. Лишь лезвие тусклого света проникает из коридора в нитевидную щелку между стеною и дверью. Перед глазами стоит последнее, что запомнил мозг, прежде чем свет погас – плотоядная улыбка на губах, которые никогда не улыбаются.

Какой-то сюр.

– Ян, пожалуйста... – всхлипнула Фаина, делая пробный шаг.

Ответом ей была тишина. Такая плотная, будто не было вокруг ни единой живой души в радиусе десятка метров.

Тьма может казаться совсем не страшной, если рассматривать ее как физическое отсутствие света. Но все это длится до определенного момента, пока паническая атака не начинает скручивать тебя в тугую спираль.

Инстинкты не интересуются законами физики. Они не желают знать, что свет – это временно волна и частица, а в темноте не водится монстров. Генетическая память первобытных времен на всякий случай бьет тревогу и умоляет тебя как можно скорее выбраться из

ловушки. А воображение услужливо искажает пространство, уничтожая убеждение, будто ты все еще находишься в хорошо знакомом месте, и никакой опасности нет.

– Ян? – шепнула девушка, хотя больше это напоминало всхлип.

Еще один осторожный шаг вперед был сделан. Глаза вращались, выискивая хоть что-нибудь, за что можно зацепиться в качестве ориентира. Девушка концентрировала зрение на каемке света у двери, но та была слишком тонкой, чтобы уверенно перемещаться в персональном аду.

Ладно, решила Фаина, это просто комната, а Ян – обычный человек. Что он может мне сделать? Нужно идти к двери, вот и все. Я ведь помню, где она находится.

Но вдруг ее как будто укололи сразу с нескольких сторон. Она ясно ощутила касание как минимум пяти игл – у левого плеча, на щиколотке, сзади на шее, на запястье и чуть выше колена. Фаина взвизгнула, подскочила на месте и бросилась к двери, распахнув ее фонтаном своего испуга. Касание было одномоментным, но весьма ощутимым и пугающим тем сильнее, что совершено было в темноте и неизвестно, каким предметом.

У себя в комнате Фаина сразу же заперлась, задернула шторы, разделась и долго осматривала тело на предмет уколов или иных повреждений, крутясь перед зеркалом. Так страшно ей давно не было. Она и без того всегда параноила по поводу биотерроризма. А вдруг он уколол ее использованными шприцами? Теперь она заболит чем-нибудь страшным. Неизлечимым, смертельным. Тем, что убьет ее гораздо быстрее диабета. И кому она докажет?

Фаина в судорогах рыскала фонариком по своей коже. Света лампы не доставало. Руки мелко тряслись.

Она проклинала себя за решение отправиться в комнату Яна, за отчаянную глупость, которой нет прощения. Стоило ли оно того? Ты увидела его вещи, но взамен... Было очевидно, что сосед навредил ей умышленно, и даром эта история не пройдет. Не сегодня так завтра появятся первые симптомы, и тогда все. О диабете больше думать не придется.

Что он ей вколол?

Фаине показалось, она увидела след от иглы на щиколотке. Комары оставляют такие же едва заметные точки. Девушка уронила себя на пол и разрыдалась. Никто не поверит ей, никто не поможет. Нужно взять себя в руки. Подавляя всхлипы, она еще раз осмотрела место укола. Но то ли из-за пелены слез, то ли потому что в действительности нога была чиста, в этот раз там ничего не оказалось.

Нужно увеличительное стекло, но где его взять? Для начала стоит успокоиться. Пусть ее рыдания слышал, наверное, весь этаж, а Ян еще и потешался, но если она хочет выйти из комнаты, на ее лице не должно остаться и следа слез. Не хватало встретить кого-нибудь, будучи в таком состоянии.

Коридор пустовал.

Фаина умылась ледяной водой, оттянула волосы на висках, разглядывая свое отражение, похлопала себя по щекам, пока они не заалели.

Так. Уже лучше. Спросим еще раз. Могло ли мне все это показаться от страха темноты? Нет, не могло. Я точно ощутила уколы. Сразу в пяти (или шести?) местах. Но как такое возможно? Он ведь не Шива какой-нибудь. Значит, рассуждая рационально, я преувеличиваю. Возможно, он и уколол меня. Подобрался бесшумно и уколол.

Чем? И куда конкретно? И зачем ему это нужно? Припугнуть? Что ж, это ему удалось.

Уловив какое-то движение со стороны балкона, Фаина поспешила скрыться. Не хотелось ни с кем встречаться глаза в глаза. Она пошла к лестнице, чтобы спуститься к Денису и попросить у него что-нибудь вроде лупы. Наверняка у него есть, он ведь художник.

Но едва Денис открыл дверь, по отсутствующему взгляду Фаина сразу поняла, что парень недавно принял дозу. Она не любила видеть его в таком состоянии. Это пугало.

Не было перед нею странного паренька, которого она знала. Был индеец, который минут пять назад употребил пейот. Кажется, он даже не узнал ее. Что уж говорить о том, чтобы он насторожился, заметив пятна на груди девушки, мокрые волосы, покрасневшие глаза...

– Денис?

– М-м-м-м...

– Ты в норме?

– М-м-м-м-м... да. Кажется...

– Ты можешь сделать то, что я попрошу?

– А кто ты?

– Фаина.

– Фаина.

– Пожалуйста, закрой дверь и вернись туда, где ты был. Никуда не выходи. Это очень важно. Хорошо?

– Хорошо? – переспросил Денис, будто передразнивал ее. Затем очень медленно закрыл дверь, продолжая смотреть куда-то сквозь девушку. И сквозь дверь.

Фаина почти забыла о собственном происшествии. Сейчас оно казалось страшным сном, который постепенно рассеивается, несмотря на пугающую реалистичность.

Возвращаясь на свой этаж, она решила завалиться к Гене (удачно избежав столкновения с Алеком) и попросить осмотреть ее. Своему зрению, которое видит предметы и лица там, где их нет и не может быть, Фаина уже не доверяла. А Гена был единственным, к кому можно обратиться с самой нелепой просьбой и не опасаться косого взгляда.

Приятеля дома не оказалось, хотя сегодня не его смена, это Фаина знала точно. Кажется, тут все сговорились. Саша сообщил ей, что Гену кого-то подменил, и собирался уже вернуться на свое место, как Фаина толкнула его внутрь, стремительно вошла следом и захлопнула дверь.

– Ты чего это? – опешил паренек.

– Мне нужна помощь.

– Эм... Какая?

– Смотри.

Сбросив с ноги тапок, Фаина подтянула стул и водрузила на него длинную узкую ступню.

– Ты что, плакала?

– Пожалуйста, посмотри внимательно, нет ли у меня на щиколотке или вообще на ноге следа от... чего-то вроде... иглы.

– Что-что?

– Это *очень* важно, – с нажимом проговорила Фаина. – Пожалуйста, сосредоточься. Я не уйду, пока ты не проверишь. У тебя есть очки, лупа или что-то такое?

Саша, наконец, понял, что от него требуется, и молча полез в выдвижной ящик. На удивление у него оказалось увеличительное стекло.

– Гена рассказывал, что ты странная, – признался он, включая на смартфоне фонарик, – но я не думал, что настолько.

– Поживи тут с мое, ничему удивляться не будешь.

– Ой, ну началось. Еще дедовщины не хватало. Давай сюда свою ногу.

– К чему этот недовольный тон? Я прошу о чем-то очень сложном? Невыполнимом? – голос Фаины задрожал от пережитого напряжения. – Или я сама тебе неприятна?

Саша поднял на нее растерянный взгляд и вздохнул. Тихо сказал:

– Перестань ты вот это.

Чтобы осматривать щиколотку, юноша опустил на колени. Фаина сжала губы и стала смотреть в потолок.

– Ничего нет, – выдал он в итоге.

– Точно?

- Да.
 - Ты уверен?
 - Абсолютно. Чистая кожа. Никаких следов.
 - Извини за травму. Мне следовало сначала побрить их, прежде чем просить кого-либо об осмотре.
 - Не будь такой вредной. Лучше расскажи, что за спесь на тебя нашла.
 - А что?
 - Ну... не каждый день меня о подобном просят. Интересно все-таки.
 - Расскажу как-нибудь потом. Ладно, раз ты уверен... Не хочешь взглянуть заново?
 - Могу, но ничего не изменится. Я уверен.
 - Откуда у тебя вообще увеличительное стекло? – спросила Фаина, обуваясь.
 - Привез с собой из дома. Хобби у меня было – модели клеить. Там без лупы не обойтись – мелкие детали. Но сейчас не до того. Вот и лежит без дела. На днях думал, выброшу этот хлам, и не стал почему-то.
 - Значит, мне повезло. Ну, бывай, салага.
 - Стой-стой, Фаин, ты это... Если еще надо будет где-то на теле что-то проверить, зови обязательно меня. У Гены, знаешь, зрение не очень, да и вообще...
- Фаина усмехнулась в дверном проеме и зашагала к себе, почти полностью успокоившись. Алека в тот вечер она больше не встретила. Наверное, и правда что-то было там неладное с оплатой, а она ткнула пальцем в небо и угадала.

Глава 7, в которой Фаине читают нотации

«...никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское обольщение: ведь демоны вообще не в силах принуждать к греху, они лишь побуждают к нему».

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

По окончании института Фаина почти ни с кем не поддерживала связь.

Многих она частично успела позабыть. Имена и лица выветривались из ее памяти с завидной скоростью. Хотелось бы так же быстро забывать свои оплошности и всякие неприятности.

Очень странно: Фаина отлично помнила фрагменты детства, даже не слишком яркие, а вот однокурсников, с которыми училась несколько лет назад, вспоминала с трудом. Будто вместе с ней сидели в аудиториях, засыпали на лекциях, умирали от голода и сдавали зачеты не такие же люди, как она, а блеклые тени людей.

Память Фаины выдавала порой удивительные петли. Однажды во время прогулки с мамой девушка сказала: «Я помню, здесь был аттракцион, такие странные круглые качели. Интересно, почему его снесли». Мама расширила глаза и заявила, что Фаина не может этого помнить. Аттракцион существовал, когда дочь была младенцем. Фотографий того периода в их семейном альбоме не сохранилось.

В то же время в школьные годы Фаина могла забыть, чем кормили в столовой, спустя пару минут после выхода оттуда. Будучи ребенком, а потом и подростком, она забыла почти все, что ей говорили или просили сделать в отсутствие родителей. А их раздражала ее «дырявая память» и порой полная невосприимчивость к внешней информации.

Они считали это недопустимой халатностью.

Провалы были частым явлением. С годами девушка убедилась, что не стоит искать в них какую бы то ни было системность. Они просто происходят. Как хотят и когда хотят.

Но был один человек, не позволивший Фаине забыть о себе, когда университетская жизнь подошла к концу. Мила. Девушка из параллельной группы, с которой Фаина даже не общалась во время обучения. Так часто бывает. Чтобы лучше узнать человека, достаточно отдалиться от него. Перейти в иной контекст отношений.

Обучение завершилось, испарился привычный коллектив, набор проблем и тем для разговора, и это позволило девушкам задержать свой взор и присмотреться друг к другу получше. За пределами «альма матер» быстро выяснилось, что Фаина и Мила – вроде как родственные души, несмотря на разительную несхожесть. Обоих это удивило, но быстро вошло в привычку. Они пришли к выводу, что студентками еще не были готовы дружить – не доросли умом на тот момент.

Тем вечером бывшие однокурсницы устроили себе традиционный променад по набережной. Было немногочисленно из-за безжалостного ветра первых весенних дней – совсем не теплых, как хотелось бы. Близость водоема тоже не играла на руку.

Фаине нравилось гулять с Милой по многим причинам. Во-первых, это случалось редко. Во-вторых, Мила не требовала от нее много разговаривать и даже поддерживать диалог. Она слишком хорошо знала Фаину и довольствовалась кивками, односложными ответами, иногда и многозначительной тишиной.

Немногословность подруги ее не раздражала. Мила ясно представляла себе, как много мыслительных процессов, словно вкладок в браузере, одновременно происходят внутри этой странной девушки, как они сложны и как тяжело ей выразить их вербально. Молчание вовсе

не означало, что Фаине нечего сказать, что она ничего не думает на этот счет, что ей с Милой неинтересно. Часто хватало одного жеста или выражения лица со стороны молчуньи, чтобы уловить суть ее мнения.

Фаина шла по пути наименьшего сопротивления. Зачем выдавать больше, если того же эффекта можно добиться минимумом? Она называла это «бритвой Оккама»¹¹, кажется.

Мила была в числе тех немногих, кто знал все подробности о состоянии здоровья Фаины. Как и прочих, ее возмущало наплевательское отношение к себе, с каким подруга привыкла жить и какое теперь привело ее к недобрым последствиям.

Весь вечер Мила посвятила тому, чтобы вливать в уши бывшей однокурсницы ценные наставления, советы и даже угрозы. Ее очень беспокоила судьба Фаины. Жаль, что саму Фаину это никогда особо не беспокоило.

– Ты пойми, Фэй, так нельзя. Ты молода, симпатична, уникальна. Я знаю, ты уникальна. Именно потому, что не стремишься быть «не как все». Именно потому, что тебе на это плевать хотелось. Ты вообще выпадаешь из известной мне системы взаимоотношений между людьми – выпадаешь, ничего для этого не делая. И не спорь со мной. Это противозаконно на твоём месте – так хреново к себе относиться. Представь, сколько событий и впечатлений ждет тебя впереди! Целая жизнь! Долгая и радостная! А ты от нее отказываешься. Я не понимаю, почему. И не смотри так на меня.

– Долго и радостно люди с диабетом не живут, – мрачно отозвалась собеседница.

– Да плевать! Почему какая-то болезнь должна тебе указывать, как жить? – всегда эмоциональная Мила сейчас особенно разозлилась. – Почему ты обязана ставить на себе крест? Поверь мне, если ты сделаешь все, что в твоих силах, болезнь отступит. Я могу тебе это гарантировать. Перестань пить. Перестань объедаться сладким. И не надо этих ухмылок, Фэй! Ты ничего не делаешь для того, чтобы жить счастливой и здоровой жизнью.

– Гены все сделали за меня.

– Да что ты говоришь?! Ты у нас все знаешь, ты все решила, и иначе события никогда не складываются. Только так, как тебе в голове придумалось. Ты меня раздражаешь, – Мила почти фыркнула.

– Я знаю, – Фаина звучала самодовольно.

– Ты не должна давать болезни почувствовать себя хозяйкой твоего тела. Понимаешь меня? Ты обязана бороться и воевать. Ты это можешь, просто надо начать. Ты очень, очень сильна. Нельзя сдаваться в самом начале пути, Фэй! Разве это так сложно понять?

– Уже давно не начало пути.

– Ты ошибаешься. Тебе с этим всю жизнь жить, так что сейчас – как раз самое начало пути. Сражайся, мать твою! – Мила уже жестикулировала на ходу, изображая борьбу с невидимым противником. – Нельзя отдавать болезни свое юное тело. Нельзя. Да, я понимаю, что это не лечится. Но ведь живут другие люди с этим. И счастливо живут! Принимают меры, и болезнь отступает. Не навсегда и не насовсем. Но ее можно усмирить. Держать в узде. Не усугублять, как ты! Можно вести полноценный образ жизни, ощущая лишь временные неудобства. А ты позволяешь диабету уничтожать себя! Да как ты можешь? Ведь все это очень серьезно, как же тебе это вбить в твою чугунную голову?

Фаина не ответила, лишь поежилась на ветру. Она внимательно слушала поток нравоучений, но прекрасно понимала – это еще не все. Запал Милы не исчерпан. А ей полезен этот гипертрофированный голос здравого смысла. Может быть, хоть что-то в голове щелкнет.

– Ты должна лечиться. Фэй? Пожалуйста. Не откладывай в долгий ящик. И лечись нормально. По инструкции. Не так, чтобы принимать таблетку лишь тогда, когда совсем станет

¹¹ Бритва Оккама – это методологический принцип, который гласит: «При равных объяснениях следует предпочесть наиболее простое». Его сформулировал в XIV веке францисканский монах Уильям из Оккама.

плохо. А остальное время делать, что хочется. Надо за себя взяться. Надо найти силы. Ты же понимаешь не хуже меня: добром такое отношение к своему здоровью не кончится. Ты не сумеешь вечно делать вид, будто ничего страшного не происходит. Оно происходит, Фэй. И ты должна на это посмотреть широко раскрытыми глазами. Твой организм молод и силен, да, сейчас он еще может справляться со всем этим. Но он устанет. Рано или поздно. И тогда...

Мила глубоко вздохнула, покачала головой и смолкла. «Выговорились», – подумала Фаина.

Некоторое время они молчали, медленно бредя по набережной. Внизу шумели холодные волны, врезаясь в сырые каменные плиты, поросшие темно-зеленым мхом. В воде отражались цветные огни. Город переходил в режим ночной жизни.

Несколько парней совершили тщетную попытку познакомиться с Милой. Но, получив отказ, покрутились в хвосте, посвистели вслед и соскочили. Всегда находился кто-нибудь, желающий познакомиться с Милой. Ее внешность вполне оправдывала имя. Но начать стоит даже не с этого.

В мировоззрении Фаины Мила укладывалась в формат «неплохой человек». Может, потому что она хорошо ее знала. Но многих раздражал такой типаж и модель поведения, которых придерживалась эта девушка с замашками вечно страдающей и «отвергнутой обществом» личности. Слишком сложной, чтобы найти общий язык с толпой.

Шаблон, который Мила на себя неумело пришила, был прозрачен и прост, как целлофановый пакет, но издавал слишком много шума для подобной безделицы. Мила была четко прорисованным эскизом неуверенного в себе творца. Она всегда стремилась прослыть загадочной и скрытной, а выходило, что все те черты, которыми она больше всего кичится, выпирали наружу даже при беглом взгляде.

Мила виделась Фаине вывернутой наизнанку – настолько ей всегда хотелось казаться кем-то, а не быть. Поставить жирную линию там, где стоило едва коснуться бумаги. И это было так непохоже на Фаину, буквально противоположно ей. Ведь сама она была из тех, кто и вовсе отложит карандаш в сторону, оставив лист пустым.

Совершить действие – значит нарваться не неизбежное. Лучше ничего не предпринимать, пока это возможно.

Бывшая однокурсница много курила, любила послушать грустную музыку по ночам, сидя на подоконнике, из алкоголя пила исключительно красное вино или портвейн, писала печальные стихи, вымученные собственными неудачными отношениями, мечтала о сильной драматичной любви со слезами, скандалами и, наконец, красивой свадьбой. Как в викторианских романах.

В литературе Мила остановилась на двух-трех модных авторах с депрессивно-философским уклоном, каких обычно превращают в попсу, полагая, что обладает нестандартным чувством вкуса, эрудицией и начитанностью. Но саму ее легко было представить персонажем беллетристики, что продается на вокзалах.

Скорее всего, Мила воспринимала себя героиней куда более сложной, отвергнутой внешним миром, отчаявшейся в своей борьбе. И, несмотря на это, она все же была неплохим человеком. Ни разу не сделала Фаине дурного. А вкусы – это вкусы. Чтобы изменить их или хотя бы понять, придется отправиться в далекое прошлое.

Подруге страшно не везло в отношениях. Недавно Мила рассталась с очередным героинчиком. Парень неоднократно поднимал на нее руку, но в этот раз переборщил. Доверчивая девушка не училась на своих ошибках, зато щедро раздавала советы.

Если бы она хоть раз последовала своим же наставлениям, ее жизнь изменилась бы до неузнаваемости.

Главной ее проблемой была неспособность оценивать себя и свое поведение со стороны. Только слепой не засматривался на Милу, а она с удовольствием таяла от мужского внима-

ния, умея ловко им манипулировать. Миловидная, с пухлыми щечками и ямочками, большими светлыми глазами, полными губами, Мила вдобавок красила волосы в яркие цвета от синего до розового, чем и делала контрольный выстрел в сердца тех, кому нравятся дерзкие и яркие пташки.

Годами наблюдая за жизнью подруги, Фаина поняла, что той нравится экспериментировать как с внешностью, так и с отношениями. Да, все они неудачны и непродолжительны, зато парни осыпают ее подарками, питается она бесплатно и в неплохих местах, всегда имеет карманные деньги, часто ходит в кино, развлекается, в общем, берет от жизни все.

Без этого опыта частой смены парней, считает она, ей ни за что не найти своего единственного. А он ведь существует и ждет, пока Мила пройдет свою дорогу и будет готова ко встрече с ним, чтобы навсегда изменить свою жизнь. Фаина назвала бы это проще: никак не может нагуляться, но при этом хочет встретить принца и выйти замуж.

Эти желания ей непонятны. Слишком примитивно. Так глупо. И так по-человечески.

Повторяющаяся с каждым поколением история, которой много тысячелетий. И почему эта история все еще никому не наскучила? Почему каждый человек, даже наделенный интеллектом, теряет голову, едва услышит слабенький зов инстинкта? Ведь все это случалось с миллионом твоих предшественников и случится с миллиардом твоих последователей.

Одно и то же. После подъема йо-йо опускается вниз. И все начинается по-новой.

– Давай выпьем пива, – предложила Фаина, прервав затянувшееся молчание.

– Ты же знаешь, я не люблю этот гадкий мужланский напиток, – вздохнула Мила. – Но мне сейчас грустно, так что давай. Это только ради тебя, поняла?

Фаина усмехнулась. Вскоре они нашли свободную скамью недалеко от фонаря и расположились под темной кроной. Девушка подумала о том, что пройдет каких-то два месяца, и густая сочная листва на этом дереве будет шуметь, перебивая волны. Но пока что на ветвях лишь крохотные почки.

Все большое начинается с малого, и это казалось Фаине одной из самых прекрасных вещей на свете. Любой путь можно начать, сделав один крошечный шаг.

– Ну что, давай за этот чудесный вечер, когда мы, наконец, увиделись? – предложила Мила, едва подруга откупила бутылочки открывашкой, всегда болтавшейся на ключах.

– Надо видаться чаще.

Они звякнули донышками и отпили по глотку.

– Приходи ко мне в общагу на неделе, – подумав, предложила Фаина. – У меня будет свободное время в четверг.

– Да вообще без проблем. Приду и буду следить за тем, чтобы ты не ела сладкого. Принесу тебе здоровой пищи, посмотришь хотя бы, как она выглядит.

– Ну, хватит драматизировать.

– А вообще, я даже понимаю, почему тебе не хочется лечиться, ухаживать за собой и полноценно жить. Это, знаешь, как готовить самому себе, когда живешь один. Думаешь: а, да что мне надо, бутербродом обойдусь. Зато когда приезжают гости, становишься кулинаром и получаешь от этого удовольствие. Понимаешь, о чем я? Мы себя не любим. Почему-то. И не умеем жить для себя. Только для кого-то другого.

Фаина, наконец, поняла, к чему подруга клонит.

– Не начинай. Старая песня, я от нее устала.

– Думаешь, я не устала смотреть, как ты тратишь лучшие годы своей жизни на одиночество, дрянную еду и работу до обморока?

Фаина включила режим «слушать вполуха», точнее, он включался автоматически, стоило Миле поднять эту тему. Изредка прикладываясь к горлышку, Фаина рассматривала людей, скопившихся неподалеку, у ресторана японской кухни.

– ...тебе нужны новые отношения, хочешь ты этого или нет. Потому что даже если мозгами ты этого не хочешь, тело твоё остаётся телом молодого животного, а против природы ты не поправишь, будь у тебя хоть три мозга.

– Ты знаешь, кто такой Луи Пастер?

– А к чему это ты тему переводить?

– При жизни у него было кровоизлияние в мозг. Он едва выжил. После этого он совершил свои самые лучшие открытия. Когда Пастер умер, оказалось, что большая часть мозга у него разрушена.

Мила недовольно помолчала.

– Ты это к тому, что количество мозга не влияет на интеллект? Не цепляйся к словам. И вообще. Дай мне закончить, язва.

– Ради бога, – Фаина недовольно отвернулась.

– Я все это к тому, что жизнь в своей биологической сути проста: найти себе пару и спариваться, пока гормоны того требуют. Мы ещё не научились это игнорировать или контролировать. Неужели тебе самой не хочется иногда, ну... чтобы сильный волосатый мужик в два раза больше тебя нагло прижал к стене и выключил свет?

Фаина вздрогнула. «Выключил свет».

– Нет, – отмахнулась она, приглядываясь к кому-то.

– Ой, враки. Ты не фригидна, я это знаю.

– Да-а? – Фаина ухмыльнулась. – Откуда же?

– Тебе необходимы новые отношения, новые впечатления, Фэй. Ну послушай же ты меня хоть когда-нибудь. Не отрицай, что телу, как и уму, нужно развитие, а не застой. Появится парень – душу себе подлечишь, поднимешь самооценку, какую-никакую малую цель в жизни обретишь. То, ради чего глаза по утрам открывать хочется.

– У меня есть, ради чего открывать глаза. И закрывать тоже.

Фаина все рассматривала человека в толпе, начиная его узнавать.

– Мужское внимание вообще благотворно действует на организм женщины. Я уж не говорю про любовь. Флирт, симпатия – так же важны в повседневной жизни, как тишина и сон. Будут отношения – спать будешь крепче, да даже ногти и волосы станут лучше расти, по себе говорю.

– Ты так рассуждаешь обо всем этом, будто... – Фаина устало выдохнула и повернулась к подруге, – будто всем так же просто, как тебе, обзавестись парнем – только пальцами щелкни, наберутся кандидаты, выбирай.

– Ой, ну началась моя любимая тема. Себя не любим – за собой не следим – выглядим плохо – себя не любим. Все! Сансара!

– А за что мне себя любить? Ты софизмом занимаешься. Не погрязай в иллюзии о том, что было раньше: курица или яйцо. Это опасно для мышления.

– Но я же...

– Тихо, – Фаина предупреждающе подняла ладонь.

– Что такое? Ты кого-то там увидела? Знаешь его?

– Это Кирилл. Он в общаге напротив меня живет.

– Который?

– Вон тот, слева от большой цветочной фигни, в голубой рубашке.

– Красивая у него девушка. Вот видишь! У Кирилла есть отношения, посмотри, как он светится! Человеку нужен человек!

– Именно из-за этого ореола счастья я его сначала и не узнала, – протянула Фаина, нахмурившись. – Он несколько месяцев был в депрессии. Влюбился. Не взаимно. Столько страдал... жить не хотел. А теперь я его не узнаю. Кажется, это она и есть. Та самая. Миниатюрная блондинка с длинными волосами и маленькой ножкой.

– А что удивительного? Ну, добился парень своего. Молодец.

– Ты не понимаешь. Он опустил руки уже давно. Он долго пытался. Она любила без памяти какого-то придурка без денег и без имени, а Кириллу раз за разом говорила категоричное «нет».

– А теперь они на свидании. И посмотри на них. Они счастливы, Фэй. Оба.

– Да-а уж.

– Ну что еще? В этом-то что плохого?

– Я не говорю, что это плохо. Но это очень-очень странно. Слабо верится, что она так резко изменила свое мнение. Да и с чего бы?

– Такое тоже случается.

– Нет, Мила, не случается, – Фаина выбросила бутылку в урну, та загремела. – Это только в низкопробных романах да в голове у таких, как ты, такое случается. То, что я вижу сейчас, так же далеко от реальной жизни, как я от здорового питания. Просто этого не может быть, вот и все. Не знаю, как тебе еще объяснить.

– Но как ты можешь отрицать то, что видишь собственными глазами? Кажется, она тоже счастлива. Улыбается, смеется, обнимает его. Смотри. Может, у них все как-то сложилось быстро и удачно. Она его разглядела, оценила его упорство... Может, ее жестоко бросил бывший. А Кирилл оказался рядом. Да все может быть. Результат-то все равно один. И он перед нами.

– Реальность – не последняя инстанция истины. Мы видим не полную картину. Я более чем уверена. Эта стерва посылала его, унижала, выбрасывала с балкона его подарки, скорее отдалась бы бомжу, чем Кириллу. Понимаешь? Хотя он неплохой парень. Вполне себе. Не урод и не тупица. А теперь они гуляют вместе. Будто произошло какое-то... Приворожил он ее, что ли?

– Ты можешь быть хоть тысячу раз циником, но поверить в чудо тебе придется, – усмехнулась Мила.

Фаина сердито промолчала. Она вновь посмотрела в сторону ресторана. Кирилл выглядел влюбленным по уши, как в старые добрые времена. Ни следа депрессии, запоя. Он никого не видел вокруг, кроме этой маленькой светловолосой девушки. Он был ослеплен. И, что самое странное, блондинка улыбалась и смеялась ничуть не фальшиво, не натянуто, а искренне и тепло.

Такого не бывает. Фаина не знала, как, но все это казалось ей связанным с Яном. Она еще не знала, как приклеить его к этой ситуации. Но совершенно точно без его проделок тут не обошлось.

– Ты, Фэй, бываешь невыносима в своем категорическом нежелании раскрывать рта. Ты самый неразговорчивый человек, которого я знаю, а мысли твои – темный лес, где самому черту станет страшно.

– Приму как комплимент.

Пока Фаина провожала подругу домой, они договорились, что Мила придет в гости, они поиграют в покер и посмотрят какой-нибудь фильм. Мила жила аккуратно напротив остановки, с которой легко было уехать к общежитиям – автобус подъезжал полупустой, но ехать приходилось долго.

Девушки тепло распрощались. Мила, как всегда, погрозила пальцем и попросила хорошенько подумать обо всем, что она сегодня сказала. Фаина, как всегда, кивнула в ответ.

По пути домой она размышляла над тем, почему могут дружить так тесно и почти бесконфликтно два совершенно разных человека. Несмотря на все, что было в Миле, с ней не было напряжения, неловкости, закрытых для разговора тем. С ней было комфортно, почти как в одиночестве.

Фаина вошла на первый этаж общежития за десять минут до того, как его закроют. Комендант пустила ее с выражением лица, которое едва начинало приобретать черты ежедневного, выверенного недовольства.

Сейчас, после полуночи, начнется «великое студенческое возвращение». Придется выслушивать одни и те же отговорки, что ей приходится слушать на протяжении вот уже пятнадцати лет. И ничего новенького. Будто фантазия у молодежи замерла на одном месте. Или они считают ее слишком глупой и старой, чтобы изощряться в оправданиях.

– Фаина, поди сюда.

Комендант занервничала так внезапно, будто только что вспомнила нечто очень важное.

– Что случилось, Таисия Пална?

– Присядь, подмени меня на десять минут.

– А Вы куда?

– Да там на седьмом этаже хлопчики в гостях задерживаются. Надо идти разбираться, выгонять.

– А Вы не боитесь сами?

– Чего мне бояться, я тут больше проработала, чем они на двух ногах ходят, – комендант показала девушке плотно свернутую газету, сжатую в руке на манер скалки. – И не таких выпроваживали. Ты садись, садись. Я скоро.

– Ладно...

Это был не первый раз, когда Фаина выручала коменду. Почему бы и нет, если она не спешит? Такая помощь всегда оборачивается плюсами в будущем. Несложная работенка, которая сулит блага, не может быть в тягость.

Фаина по-свойски расположилась на допотопном стуле, который противно шатался и давно бы развалился, если бы его десяток раз не перевязывали тряпками в разных местах. Ей было известно, как работает пропускной турникет – несложно нажать на кнопку, чтобы перекладина разблокировалась и позволила человеку пройти. Многие студенты забывают пропуска или слишком долго их достают. Девушка взяла ручку и принялась от скуки разгадывать кроссворды, оставленные Таисией Павловной.

Вскоре пожаловала первая запоздавшая компания. Фаина знала среди них одного человека, поэтому молча пропустила студентов. Еще две девушки, ежась от холода, появились на первом этаже и прошли по своим пропускам, одарив Фаину подозрительным взглядом под нахмуренными бровками.

Затем Арина вернулась с очередного свидания и, заметив на посту соседку, даже не стала лезть за пропуском. Они немного поболтали.

– А Тая где?

– Ушла на седьмой, там сегодня кто-то застрял.

– Давно ушла?

– Уже минут пятнадцать как.

– Ну-ну. Удачи тебе тут.

– Займи мне очередь в душ.

– Может, тебе еще и пожарить приготовить? – обернулась Арина уже у лифта.

– Ну, если тебе хочется, я не против.

Девушка махнула рукой на манер «ладно уж» и скрылась за створками лифта.

Несколько минут длилось затишье, но с улицы доносились голоса и шум мотоциклов. Фаина положила подбородок на сложенные на столе руки. Коменды не было уже гораздо дольше, чем она просила ее подождать. Очевидно, возникли трудности, и свернутая в трубку газета их не разрешила. Может, стоит подняться и помочь? Но нельзя же оставить местный КПП без присмотра.

Фаина уже начала задремывать на своем посту, как распахнулась входная дверь, впуская внутрь Яна в сопровождении уличного шума. Парень ничуть не удивился присутствию соседки на месте коменданта. Он был в приподнятом настроении и машинально подошел к зеркалу, дабы поправить одежду и волосы.

Девушка наблюдала за ним с сонным любопытством, не поднимая убаюканной на руках головы.

Надо отметить, такому типу фигуры и цвету глаз идут джинсовые куртки и жилетки грубого покроя, без пуговиц, молний и прочей шелухи, которой вечно обшивают джинсовые вещи. Эта ткань хороша сама по себе, без излишеств. Простота как раз и делает ее элегантной. Яну хватало чувства стиля, чтобы это понять.

Фаина не сразу заметила, как юноша подошел к турникету и стал хлопать себя по карманам. Если он забыл пропуск, это ее шанс отыграться. Она его не выпустит. Уже за полночь, имеет полное право не пустить. Не стоит, конечно, растрчивать мст на такие мелочи. Но очень хотелось. Когда еще будет возможность?

Фаина смотрела на Яна, чуть улыбаясь и подперев кулаком подбородок. Взгляд ее говорил: ну и что же ты будешь делать дальше? Неужели раскроешь рот, чтобы заговорить с простой смертной и попросить ее об одолжении?

Ян глянул на нее исподлобья, будто только что заметил.

– Ты собираешься меня пропустить?

Фаина отрицательно покачала головой и сжала губы. Она даже руки убрала подальше от кнопки, чтобы случайно на нее не нажать. Ян прищурился и отвернулся. А затем произошло нечто, от чего девушка привстала на своем месте.

Парень положил *пустую* ладонь на красный диод. Считывающее устройство подало сигнал, и турникет истошно завопил. Затем внезапно смолк, шелкнул и загорелся зеленой лампочкой. Ян спокойно прошел, откинув перекладину. Фаина отчетливо видела его профиль. Он ухмылялся.

Девушка ощутила странную теплоту на лице. Будто ее касались влажной губкой. Она провела пальцами под носом, чтобы прогнать навязчивое ощущение. Тепло перешло к губам, стало каким-то... жидким?

Фаина осмотрела собственные пальцы. Фаланги были темно-красными. Девушка поморщилась, не сразу сообразив, откуда взялась кровь. Затем, сложив два и два, бросила взгляд в сторону лифта, и как раз вовремя. Дверцы съезжались, стискивая мужскую фигуру в нитку. Ян подмигнул ей в самый последний момент. Фаина без сил опустилась на стул.

Глава 8, в которой Фаину укачивает

«Его наружность трудно описать. Что-то в ней есть странное... что-то неприятное... попросту отвратительное. Ни один человек еще не вызывал у меня подобной гадливости, хотя я сам не понимаю, чем она объясняется. Наверное, в нем есть какое-то уродство, такое впечатление создается с первого же взгляда, хотя я не могу определить отчего. У него необычная внешность, но необычность эта какая-то неуловимая. Нет, сэр, у меня ничего не получается: я не могу описать, как он выглядит. И не потому, что забыл: он так и стоит у меня перед глазами».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Узор на спинке автобусного кресла вращался и разрастался нелепой серо-зеленой мандалой с микро-вкраплениями высохшей грязи и пыли.

Рисунок шевелился в нескольких сантиметрах от глаз, будто тысячи клопов или мелких серых личинок копошились в нем, создавая оптическую иллюзию. Вспоминалась теория Дениса о фракталах.

Несмотря на отвращение, Фаина так увлеклась разглядыванием причудливого орнамента, фрагменты которого, как ей виделось, сливались то в черты лица, то в силуэты животных, что после десяти минут подобного гипноза на фоне жужжания переговаривающихся пассажиров ее замутило.

И в этом не было ничего удивительного. Вестибулярный аппарат Фаины в течение жизни оставлял желать лучшего. Она свылась, что в самый неподходящий момент от него можно ожидать очередной выходки, но никогда не была к ним готова.

Будучи семилетним ребенком, Фаина целую неделю училась ездить на велосипеде, в то время как ее сверстники и даже дети помладше справлялись с задачей с раздражающей неприужденностью. Выстоять на одной ноге она не могла и десяти секунд, зато споткнуться и упасть умела даже без причины. Всегда спокойнее, если под рукой мебель и стены. Особенно сейчас, когда начались приступы.

Девушку укачивало в любом транспорте, кроме, пожалуй, электричек. Усугубить и без того неприятный процесс можно было чтением или продолжительным рассматриванием экрана телефона: тошнота подступала еще более настойчиво. Фаина завидовала остальным пассажирам, которые приятно проводили время в плену гаджетов, пока ей приходилось всю дорогу пялиться, словно зомби, на обивку кресел или мелкие трещины в стекле, да и то без гарантии избежать неприятных ощущений.

И вот, едва во рту накопилось чрезмерно тягучей слюны с привкусом ржавого железа, пришлось прервать свое головокружительное занятие. Пытаясь найти в плотной человеческой массе более приятный объект для созерцания, Фаина напоролась на пару буравящих глаз и мелко вздрогнула.

Она не сразу их узнала, эти тяжелые свинцовые угли, что умеют нагнать мурашек своей бесстрастностью. Тошноту как рукой сняло, зато на лбу и шее выступила испарина, руки покрылись гусиной кожей.

Фаина отвернулась, услышав, как хрустнул шейный позвонок. Она намеревалась весь оставшийся путь не поворачивать головы в ту сторону, а глядеть на дорогу, даже если будет одолевать нестерпимая тошнота. Лишь бы не встречаться взглядом с тем, кто лицемерно притаялся в толпе обычных горожан и наблюдал за нею исподтишка.

«Волк в овечьей шкуре. Страшно представить, как долго он наблюдал за моей прострацией, пока я тут ловила фрактальные приходы».

Поток мыслей раскрошил привычную колею и выплеснулся в иное русло, меняя его форму. Нельзя было не думать о Яне, кожей ощущая, что он находится рядом, едет с тобой в одном автобусе среди десятков ни о чем не подозревающих людей, которые просто спешат домой и ни на кого не обращают внимания.

Вот он, сидит в паре метров от тебя. Молчит. И неотрывно смотрит, презрев правила вежливости и приличия.

С ним что-то не в порядке. Это не вызывает никаких сомнений. Там, где появляется он, происходят необъяснимые вещи. И никому, кроме Фаины, нет до этого дела. Может, она и параноик, но не настолько слепа, чтобы упускать из виду череду подозрительных совпадений, начавшихся аккурат с заселением Яна. И не имеет смысла кому-либо доказывать свои наблюдения.

Реальность редко бывала на ее стороне.

Забавно, как этот человек, вызывающий у Фаины ассоциации с трупным гниением, умеет становиться другим, если речь идет о девушках или иной личной выгоде.

Сейчас находиться под его взглядом невыносимо. Однако каждую неделю с момента заселения в постели Яна пребывает новенькая. Как они выносят эти глаза, это впечатление, будто тебе грозят серьезные неприятности, если ты продолжишь играть с ним в гляделки? Как они выносят всего Яна в принципе? Его властность, его... наглость, лицемерие и холодность к чувствам других.

Через 405-ую прошло много девиц даже для героя-любownika. Бурные романы, как правило, длились несколько дней. Ян напоминал машину, запрограммированную определенным образом: новая неделя – новая жертва. И полное безразличие к предыдущей.

Даже странно, что этот робот развлекается с противоположным полом как отпетый Казанова. О нет, сначала он ведет себя очень галантно, всячески внушает симпатию и доверие, пользуется простейшими приемами из психологии. Фаина не раз становилась свидетелем его уловок.

В общежитии мало что можно скрыть от соседей. К сожалению. Очень хотелось бы не знать подробностей личной жизни Яна. Это знание причиняло дискомфорт.

Вкупе с внешностью и репутацией темной лошадки несложные мужские хитрости, старые как мир, сносили барышням голову. Не составляло труда убедить их, будто именно они – те самые, единственные, которые исправят сластолюбца и вернут его на истинный путь моногамии.

По глазам бедных девушек Фаина не раз читала безоговорочную уверенность в своей исключительности, которую Ян им с легкостью внушал. И это вполне естественно – поверить в то, что ты – не такая, как все, если самый желанный мужчина общежития говорит тебе об этом, сжимая предплечье и гипнотизируя взглядом.

Они все как одна самозабвенно обожали его. Боготворили. Считали его идеальным, а себя – недостойными, на которых снизошла манна небесная.

У женской половины жильцов Ян стал главной слабостью – и как объект похоти, и как главный вызов природному женскому любопытству. Наверное, в их глазах он и был идеален, потому что позволял им видеть только то, что хотел. Если бы не одно «но». Он быстро пресыщался.

И скоро, после трех-четырех проведенных вместе ночей, вышвыривал девушек без лишних церемоний. Вышвыривал в тот же самый момент, как впервые ощущал докучливость и приземленность избранницы.

Он оставался металлически холоден к слезам и мольбам ничего не понимающих девиц, что среди ночи оказывались в коридоре в полуголом виде. Им удавалось самое легкое – зата-

щить его в постель. Но ни одна из них так и не сумела узнать о нем что-нибудь важное. Что-то, чего она не знала до отношений с ним, но так хотела бы выведать.

Ян ни перед кем не раскрывался. Никто не знал, что он такое на самом деле. Стоило Фаине об этом подумать, и в теле появлялась странная дрожь.

Из-за подобного поведения Ян прослыл человеком скрытным, непредсказуемым и вспыльчивым, ибо очевидно, что лишь в гневе можно вытворять все то, что он себе позволял. И только Фаина догадывалась, в чем истинная причина.

Скука.

Ян смертельно устал. Устал жить, устал испытывать все те же ощущения, что и вчера, и год назад, и пять лет назад. У него было все, что может желать молодой мужчина. Но он жаждал чего-то большего. Того, что не могло ему дать привычное существование.

Многие здесь хотели бы себе иной жизни, мечтали вырваться из организма коммуны, но тот не спешил отпускать психологически. Неужели Ян в этом плане – такой же человек, как они все? Изнывая, он почему-то не мог покинуть это прогнившее, забытое богом место.

Их всех удерживают здесь собственные страхи и комплексы.

По крайней мере, так казалось Фаине. Именно эту усталость – экзистенциальную – она замечала в выражении его лица.

Но никогда не следует исключать вот какого момента: все мы склонны от той же скуки мистифицировать субъектов, нас окружающих. Придавать им смысл, о котором они и не догадываются. Фаина не исключала, что многое о Яне додумывает, пользуясь бурной фантазией. Как может она быть уверенной в чем-то, если даже зрение показывает ей силуэты и образы там, где их нет? Может, воображение работает аналогично: ради разнообразия дополняет картину так, чтобы жить становилось интереснее.

Размышляя над всем этим, Фаина украдкой косилась на Яна. Парень занимался тем же самым, но без утайки – взгляд его был открыт, прям и холоден, как обледенелая стрела, выпущенная сильной рукой и зависшая в воздухе. Он был одет в простые темные брюки и джинсовую ветровку темно-синего цвета, распахнутую на груди; под нею виднелась светло-серая, словно выпцветшая от стирки футболка.

У него определенно пристрастие к синему.

Сложно не заметить, как изменилась внешность Яна за последнее время. Из стройного и гибкого, будто тростник, парня, который заселился в общагу несколько месяцев назад, с течением дней Ян превращался в обросшего мясом молодого мужчину именно той степени мускулистости, которая нравится Фаине: без фанатизма из бугров и опухших вен.

Пропорции его комплекции приближались к идеальным, что давало постоянные темы для бесед в общежитии, особенно на четвертом этаже. Он знал, как привлечь к себе внимание. Но делал ли он это нарочно?

Кроме того, Ян как-то незаметно отпустил бородку и усы, что прибавило его возрасту лет семь. Да, теперь он выглядел на все тридцать, но разве густая и красивая растительность могла его испортить? О, нет. Эти жесткие темные волосы стали последним штрихом, который кто-то нанес сухой кистью, завершая образ Яна.

Повлияла ли так жизнь в общежитии или какие-то иные факторы, но Ян огрубел и заматерел. Девушка не знала, как ей к этому относиться. Да и вообще, стоит ли хоть как-то на это реагировать. Будто кому-то по-настоящему интересно ее мнение.

Фаина протерла глаза кулаками, чтобы тайком бросить взгляд на объект своих размышлений. Боковым зрением она поймала на себе взгляд с выражением, не поддающимся дешифровке. У людей не бывает, точнее, не должно быть подобного взгляда. У молодых людей, наслаждающихся жизнью, – тем более.

Вновь стало не по себе. Изнутри томило что-то неприятное, едва уловимое. Она знала – эти ощущения в ней вызывает Ян. Стоит ему исчезнуть – исчезнут и они.

«Хватит на меня пялиться».

Приближалась их остановка. Очень аккуратно, стараясь не потерять равновесия и оттого крепко держась за поручни, девушка поднялась и направилась к выходу. Ян тенью проследовал за нею и встал позади, нависая над ее психической нестабильностью, словно кондор, парящий над ущельем в поисках падали.

Девушка машинально опустила руку в карман за мелочью и была охвачена приступом паники. Денег не было. Тех жалких двадцати пяти рублей, что она собрала специально, чтобы не идти домой пешком, тех последних денег, на которые она могла бы купить себе целых две булочки с маком на обед, но не стала, тех звонких монет, что она собственноручно положила в карман в начале поездки. Сейчас их там не было.

– На остановке, будьте добры, – прозвучало прямо у затылка, и девушка могла дать руку на отсечение, что рот, сказавший это, ухмылялся.

Она судорожно шарила по карманам, но мелочи не появлялось. В сумке тоже ничего не оказалось. Руки мерзко вспотели, и Фаина не знала, что делать. В подобной ситуации ей еще не приходилось оказываться. Ехать до конечной, а там объяснять водителю, что потеряла деньги на проезд? А потом идти домой еще километров десять. Замечательный план.

Можно было, конечно, и сейчас испытать удачу, но пускать в ход женские штучки при Яне не хотелось. Проклятые монеты, куда же они запропалились! Может, сблефовать, сказав водителю, что у нее только тысяча одной бумажкой?.. Вряд ли ему будет досуг полвека отсчитывать ей сдачу, лишая себя всей мелочи и выбиваясь из расписания.

Пока Фаина прокручивала в голове возможные сценарии, автобус остановился, двери распахнулись. Девушка растерялась, не успев сориентироваться и выбрать стратегию поведения, но делать этого и не пришлось.

Когда сзади ее легонько подтолкнули, она принялась невнятно лепетать что-то, заглядывая в ярко-голубые глаза шофера, тонущие в грубых складках смуглых морщин. Белые кустистые брови приподнялись.

– За двоих, – Ян вытолкнул Фаину наружу, оставляя купюру в окошке.

Она еще не успела ничего понять, как автобус, щедро обдав ее выхлопными газами, отчалил от остановки. Дымок быстро рассеялся порывами обезумевшего ветра, и рядом с девушкой проявилась высокая мужская фигура. Фаина поправила сумку на плече, не зная, что еще можно сделать в ее ситуации. Она, конечно, поражена столь рыцарским жестом, но виду подавать не собирается.

Ян отошел на пару шагов, откинул полу ветровки, достал из внутреннего кармана сигареты и со вкусом закурил, не глядя на нее. Ветер играл с его темными волосами, то и дело откидывая их со лба, и парень щурился, чтобы пыль не попала в глаза. Девушке приходилось делать то же самое.

Ян будто давал понять, что сейчас у нее есть шанс обратиться к нему с парой слов. Потом будет поздно.

– Не стоило, – процедила Фаина.

Она вдруг ощутила себя подопытной мышью, каждый шаг которой контролируют люди в белых халатах и сверкающих очках, склонившиеся над лабиринтом с блокнотами. Все сильнее верилось в то, что Ян над ней издевается.

Юноша глубоко затянулся и выдохнул массивное сизое облако в сторону. Ветер ревностно разорвал его на клочки, не позволив и секунды провисеть в воздухе. Все еще не глядя на Фаину, он произнес нечто вроде «как знаешь», не пытаясь подавить свист ветра своим вельветовым голосом, не заботясь о том, чтобы она его услышала.

Девушка прищурилась, но переспрашивать не стала – не хотелось делать эту ситуацию еще более нелепой. Они и так стояли здесь вдвоем уже слишком долго для людей, находящихся по разные стороны пропасти. Может, все-таки стоит прыгнуть с обрыва и заговорить?..

Ян изящно выстрелил недокуренной сигаретой на проезжую часть и зашагал прочь, спрятав руки в карманы и втягивая голову в плечи. Ветер пронизывал насквозь и не позволял сору улечься на землю, закручивая его в вихри. Воздух был перенасыщен пылью.

Фаина закашлялась, вытаскивая волосы изо рта. Ладони воняли потом – своим и чужим. Отвратительно. Не стоило держаться за поручни. Не стоит вообще ни к чему прикасаться в общественном транспорте. Но без этого равновесия не сохранить.

Несколько мгновений она смотрела вслед быстро удаляющейся фигуре, затем присела на остановке, чтобы избавить себя от перспективы идти вслед за Яном и выглядеть так, словно догоняет его. Много будет чести.

Слегка надавив на глазные яблоки, дабы вывести наружу соринки вместе со слезами, девушка вспомнила о мелочи, таинственным образом испарившейся со своего законного места. Ладонь машинально потянулась к карману и без труда нащупала в нем монеты. Фаина нервно рассмеялась – она подозревала, что так будет, и принялась уже обеими руками растирать глаза, как делают маленькие дети, настырно раздражая кожу до покраснения.

Пот и грязь с ладоней попали на слизистую, глаза защипало. Так мне и надо, подумала она. Затем тебе глаза, если ты недостаточно внимательна, чтобы узреть невидимое?

Забавно все с этими монетами получилось. Я не сошла с ума, скорее, у нас в общежитии объявился иллюзионист. А глаза все-таки надо промыть. И как можно скорее.

Поболтав ногами над землей и дотошно изучив свои ботинки, чтобы скоротать время, Фаина спрыгнула с сидения и направилась к жилым блокам.

На первом этаже ей сообщили, что в ближайшее время ожидаются перебои с электроэнергией: запланирована смена проводки. Девушка никак не отреагировала внешне, но про себя подумала, что торчать несколько часов без света и интернета – не самая приятная перспектива, особенно если в этот день к ней пожалует Мила.

Глава 9, в которой Фаине помогают согреться и мешают поесть

«Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны, они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками. Отсюда – необыкновенные способности черта, дьявола».

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

Глубокой ночью Фаина проснулась от нарастающего чувства тревоги.

Ей снова казалось, будто в темной комнате есть кто-то, кроме нее. Если замереть и не дышать, слышались невнятные шорохи и поскрипывания.

Девушка проверила дверь, не без страха преодолев несколько метров в непроглядной черноте. Заперто. Разумеется. Иначе и не могло быть. Но паранойе плевать на причинно-следственную связь. Замки уже давно не спасают всех нас от навязчивого беспокойства.

Выпив стакан воды, Фаина ощутила резкий и болезненный позыв к мочеиспусканию. В последнее время, в связи с повышением сахара в организме, ей казалось, что жидкости из нее выходит куда больше, чем она употребляет.

Все время хочется пить, во рту то и дело сухо, хоть лопни, а организм все равно обезвоживается. Впрочем, врач об этом предупреждала. Жажда, которую не утолить. Ибо чем больше ты пьешь, тем хуже становится.

Девушка замычала и упала на кровать, стараясь уснуть быстрее, чем наступит тот момент, когда желание помочиться станет нестерпимым. Спать хотелось слишком сильно, неужели это не может подождать до утра? Оказалось, не может.

Смирившись, Фаина вышла в уборную. Одета она была легко – невесомое ночное платье, а под ним ничего. Ноги шаркали, почти не отрываясь от пола, голова своей тяжестью кренилась к стенам, как переполненный чугунный котел.

В сонном состоянии легкий хлопок за спиной показался незначительной мелочью. Про себя Фаина отметила, что на улице сильный ветер, а в коридоре сквозняк, но особого смысла этим обстоятельствам не придавала – засыпала на ходу.

Сейчас хотелось только одного: поскорее сделать свои дела и вернуться в постель, укутаться в одеяло, как *гусеница в кокон*, одну руку засунуть под прохладную подушку и сладко заснуть...

Заснуть, чтобы сбежать из реальности, где было столько нерешаемых проблем и трудностей, заснуть, чтобы не думать о болезни, с которой придется жить оставшуюся жизнь. Заснуть, чтобы не вспоминать о соседе и его странных выходках. Заснуть, чтобы не корить себя за что-нибудь. Всегда находилось, за что.

В ночной тишине смыв бачка прозвучал оглушительно, но это никого не побеспокоило. Сон, окутавший редко спящее общежитие, всегда был крепким и терпким, как дурман. Разбудить здесь кого-то среди ночи было тяжелой задачей. Если человек не соблюдает режим сна, как делают это местные жители (ибо по большей части это студенты), то, когда этот сон наступает, он излишне долог, глубок и наутро оборачивается головной болью и ломотой во всем теле.

Возвращаясь к себе, девушка поняла, что дверь в ее комнату захлопнулась намертво.

Несколько минут она слабо дергала ручку, соображая, как выбраться из ситуации. Толкала дверь от себя, тянула на себя, колотила в нее, приподнимала, тянула, прислушиваясь, не щелкнет ли замок от череды произвольных механических воздействий.

Дверь не поддавалась.

Такого никогда не бывало прежде. Фаина дергала и дергала злосчастную ручку, но ничего не происходило, словно дверь залили бетоном, и он успел застыть за то короткое время, пока она отсутствовала.

В безуспешных попытках Фаина провела четверть часа на сквозняке в своем тонком ночном одеянии. Неужели какой-то гений раскрыл балконную дверь на ночь? Летом так делали часто, но сейчас еще недостаточно тепло.

Девушка прошла немного, выглянула из-за угла. Громко шумели ветви тополей. На балконе кто-то курил, любуясь предзвездным небом. Определенно этот человек был последним, к кому бы она хотела обратиться за помощью.

Что он здесь делает в такой час? Неужели даже ночью нельзя не встретиться с ним случайно?

Фаина задумалась, обхватив себя руками. Гусиная кожа плотно покрыла плечи и колени. От испуга и холода сон практически испарился. Нужно действовать. Неловко, конечно, беспокоить всех глубокой ночью. Она с трудом могла предположить, который час, но догадывалась, что ближе к четырем: примерно в это время она имела склонность вставать по нужде.

Двери, в которые девушка стучала, ожидаемо не открывались. Разумеется, в это время все крепко спят. За исключением особенных личностей. Вроде Яна, который, казалось, мог не спать вообще, будто его организму этого не требуется.

Столь странную особенность за ним успели заметить практически сразу. Жильцы переговаривались между собой о новом соседе, и вскоре его ночное бодрствование перестало быть для кого-либо секретом. Впрочем, Ян и не пытался скрыть свое пренебрежение ко сну.

Фаина где-то читала, что отпетые шизофреники могут не спать сутками, погруженные в свои бредовые идеи, но даже им Ян давал фору.

Неловко было будить людей, но она уже настолько озябла, что исполнилась решимости покончить с этим как можно скорее. Когда в ней поселялось подобное состояние, все средства были хороши, включая несвойственную ей наглость.

Никто не откликнулся на требовательный стук, и тогда девушка, вздохнув, направилась на балкон. Ей снова не оставили выбора, в этом не было сомнения. Словно чей-то злой умысел раз за разом подстраивал такие обстоятельства, чтобы заставить контактировать с неприятным субъектом.

Ян никак не отреагировал на появление соседки. Только глянул из уголка глаза, машинально фиксируя ее присутствие. Фаина растерялась и принялась сбивчиво объяснять свое появление, обнимая себя руками от холода.

– Знаешь, у меня дверь... в общем, она захлопнулась. Я не могу попасть внутрь. А очень хотелось бы. Не думай, что я сразу пошла к тебе. Просто все спят, и никто не... не может мне помочь сейчас. А ты не спишь. Поэтому я...

Все это звучало как глупое оправдание. На балконе было зябко, туманно и влажно. Ветер рвал на девушке платье и ненавистно швырял волосы, и без того лохматые от беспокойного сна. Фаина переминалась с ноги на ногу, ожидая хоть какой-нибудь реакции.

Затянувшись в последний раз, Ян выбросил окурок и молча ушел. Показалось, а может, так и было, но стеклянная дверь за ним хлопнула слишком громко.

Фаина осталась на балконе. Предутренний холод, усиленный ветром, пронизывал тело, волосы лезли в глаза и в рот, как тысячи мелких змей, стремящихся забраться внутрь. Оче-

видно, досыпать придется снаружи. А это чревато воспалением легких – в ее-то одежде. Будто бы без этого мало проблем со здоровьем.

Иногда кажется, что умереть куда проще, чем жить и постоянно принимать множество разных решений, дабы обезопасить себя от страданий, а в итоге все равно мучиться. Человек – раздражающе хрупкое создание.

Жаль, что комплект ключей к ее комнате существует в единственном экземпляре. Дубликат безвозвратно утерян бывшей соседкой при переезде. Девушка облокотилась о перила там, где только что упирался локтями Ян, и глянула вниз. Дерево еще хранило тепло его тела.

Серый влажный асфальт четырьмя этажами ниже текстурой и оттенком напоминал шкуру старого кита, выброшенного на берег. А ветер кругом шумел так, что, если закрыть глаза, можно представить, будто рядом плещутся монументальные, как на картинах Айвазовского, волны-цунами.

Фаина все чаще зевала – и от холода, и от сонливости. Ей представилось вдруг, будто она замерзает где-нибудь в суровый снежный буран и медленно умирает. Это было даже приятно. Думать, что впереди – никаких забот. Сейчас все закончится...

На грани сна она задумалась, почему Ян презирает ее. Она ведь не то чтобы не сделала ему ничего дурного, она вообще ничего не успела сделать по отношению к нему. Чем был заслужен отказ в помощи, когда помощь так нужна, трудно понять.

Сейчас не раздражала его надменность. У Яна, очевидно, нет сердца, если он оставил ее в таком положении. Но без сердца люди не рождаются, значит, кто-то сделал его таким. Нас всех меняют. Мы уродуем друг друга, упиваясь кровью и гноем, текущими из нанесенных нами ран. Мучаем себя и близких.

– Иди сюда, – позвали со спины, но Фаина оглянулась неторопливо, ощущая себя мухой, только что очнувшейся от зимней спячки.

Ян стоял в коридоре, используя свою руку как вешалку для одежды. Преодолев тяжелую стеклянную дверь, Фаина с тревогой приблизилась, и парень неохотно накинул ей на плечи тот самый темно-синий халат, в котором она его впервые увидела. Невпопад пришло в голову, что в английском языке этот цвет называется «паву».

Халат оказался велик – можно вместить туда двух, а то и двух с половиной таких, как она. Полы его доставали Фаине до пяток, широкие рукава скрывали ладони. Ткань была шершавой, как драповое пальто, и пахла кондиционером для белья. Что-то вроде жасмина. Слабый и приятный аромат.

Кто-то рассказывал Фаине недавно, будто Ян заставляет своих многочисленных поклонниц стирать и гладить его одежду. Точнее, лишь просит, а они с радостью выполняют любое его пожелание. Насколько правдивы эти слухи? И если правдивы, то как он это делает? Только ли пользуясь их трепетным обожанием к себе, или у него в рукаве есть еще какие-то козыри, о которых пока никому не известно?

Девушка закуталась поплотнее, запоздало поблагодарила Яна – его появление слегка выбило из колеи – и заметила в его руках две спицы: первая была длиною в указательный палец и прямая, вторая – короче и причудливо изогнута.

– Отмычки? – коротко усмехнулась Фаина, не веря своим глазам. – Так вот, кем ты работаешь.

Ян шутки не оценил и одарил ее одним из тех своих тяжелых взглядов, от которых хотелось отвернуться, крепко сжимая зубы. Умеет навести жути минимумом усилий.

– Ты все еще хочешь попасть внутрь?

Фаина с готовностью кивнула, будто малыш, у которого спросили, готов ли он поехать в парк аттракционов. Было сложно сохранить серьезное лицо: воображение успело разгуляться.

Слушая поскрипывания и лязг в замочной скважине, а также глубокое мужское дыхание, Фаина представляла, как стоящий рядом парень с фонариком в руке и в черной маске с вырезом для глаз вскрывает по ночам чужие квартиры.

Что ж, это, по крайней мере, объясняло бы, откуда у него столько денег, чтобы готовить себе что-нибудь эдакое и стильно одеваться. А проживание в общежитии можно использовать как неплохое прикрытие.

Шутки шутками, а все же интересно, откуда у Яна навыки взлома? Получается, он может попасть в любую комнату, когда хозяин отсутствует?

Замок глухо шелкнул, и дверь приоткрылась под нажимом длинных пальцев. Ян выпрямился. На них обрушилась гробовая тишина спящего общежития. Даже снаружи ни одной ранней птичке в голову не пришло издать хотя бы слабый писк. Все будто впало в летаргический сон.

Ян не спешил уходить, и Фаина, нахмурившись, без стеснения рассматривала его лицо, силясь отыскать в этих хорошо знакомых чертах ответы на свои вопросы и претерпевая привычное поражение.

В полумгле коридора как никогда хорош был очаровательный носик Яна. Прямой, симметричный, матово-бархатный, как и вся его кожа. Темные волосы до плеч приятным образом лежали назад, огибая красивые уши. Хотелось бы Фаине иметь такую послушную шевелюру.

Ян вытащил спицы из замка и спрятал куда-то, словно их не было. Фокусник, одним словом. Почему он не уходит? – этот вопрос лавиной накрыл сонное мышление девушки, и тело ее пробрал озноб, возвращая утерянную бдительность.

– Спасибо еще раз.

Ян ничего не ответил, выжидаяще глядя на нее. Прошло несколько мгновений, в течение которых Фаина неожиданно вспомнила, что у нее под ночнушкой нет абсолютно ничего. Эта мысль заставила ее поежиться.

Сосед медленно протянул к ней руку ладонью вверх. Промозглые утренние сумерки впрыскивали свинец в темную зелень его взгляда. Фаина прочистила горло. Ей очень хотелось спать и не очень хотелось выяснять, что здесь происходит и чего от нее, черт возьми, хотят этими взглядами и движениями.

Ян все еще держал руку протянутой в почти пригласительном жесте. Выражение лица становилось все более нетерпеливым, с налетом брезгливости. Фаина уже не могла отличить реальность от сновидения. Вполне возможно, все это я сейчас вижу во сне, подумала она. А если я осознаю это, значит, вот-вот должна проснуться.

Но она не проснулась. Вместо этого ощутила тяжесть в районе талии. Это Ян, устав ждать, развязывал на ней пояс своего халата. Чувствуя себя законченной идиоткой, Фаина встряхнула плечами и сбросила с себя любезно предоставленную, пусть и на время, королевскую одежду. Ян ловко подхватил ее.

– Прости, совсем забыла. В нем так уютно.

Провалиться бы сквозь землю прямо сейчас, а еще лучше – проснуться и перевести дух, радуясь, что все это было не по-настоящему. Разумеется, он не уходил, потому что хотел забрать свою вещь, дура! Зачем бы еще ему стоять перед тобой с протянутой рукой и многозначительно пялиться?

Разозлившись на себя, Фаина ретировалась в комнату и гулко хлопнула дверью. Не на что было выместить внезапную злобу, и пришлось поступить очень глупо, фальшиво. Хлопнуть дверью у его носа. Ну и как тебе такое? В ее настроении тоже бывают неожиданные перемены. Знай это наперед, паршивец.

Едва эхо удара стихло, Фаина приблизилась к двери, чтобы послушать удаляющиеся шаги. Но ничего слышно не было, если не считать биение собственного сердца и нервное сгла-

тивание слюны. Девушка походила по комнате с недовольным лицом: теперь ей едва ли удастся лечь в постель и поймать сон за хвост.

Вздохнув, она налила себе стакан воды, но эта непрозрачная, излишне хлорированная жидкость не лезла в глотку уже после второго глотка.

На улице рассветало.

Девушка потрогала батареи и включила маленький обогреватель. Механизм зашумел, нагревая воздух. Постель успела настыть, и под двумя одеялами все равно не хватало синего махрового халата.

А еще лучше – горячего мужского тела, прижавшись к которому, можно забыть о холоде даже в собственной душе. Фаина залезла в свое гнездо, покрылась мурашками, постучала зубами. Приняв свою любимую позу, она сомкнула веки и попыталась уснуть.

Несколько дней спустя Фаина выпрыгнула из душа и столкнулась с Яном.

В буквальном смысле – ударилась о его плечо, потеряв равновесие на скользком полу. Проявив отменную реакцию, он крепко схватил ее за предплечье и не позволил упасть.

Не стоило скакать тут подобно серне, но настроение было хорошим, почему бы и нет? Фаине нравилось выпрыгивать из душевой кабины, даже зная, что может поскользнуться. Ян посмотрел на нее с безразличием и отпустил. В руках у него было пушистое белое полотенце. Фаина виновато опустила голову, забыв извиниться, и поплелась к себе, контролируя каждый шаг, чтобы снова не потерять равновесие.

Почему-то, когда он смотрел на нее вот так, девушке было стыдно за свое существование. А уж если доводилось поймать на себе разгневанный взгляд соседа, и вовсе сковывало оцепенение. Вспоминалось то ужасное состояние из детства, когда в чем-то накосячил, и отец вот-вот узнает об этом. Либо только что узнал, и теперь тебе не поздоровится.

По пути в комнату Фаина встретила Дашу. Та возвращалась с балкона с пустым тазиком. Они немного поболтали. Соседка поведала, как только что ее чуть не убили баскетбольным мячом. Кто-то сверху бросал его на веревке, пытаясь сбить бутылку, примостившуюся на выступающем кирпиче.

– Это еще что, – заверила Фаина, – я недавно выходила на балкон, так меня чуть не облевали с пятого этажа. Чудом успела увернуться.

– Буду осторожнее, – засмеялась Даша.

– С пятым этажом шутки плохи.

– Держу пари, третий этаж то же самое думает о нас.

– «Нравственная иерархия коммунальной общины». А что, тема для исследования.

– Не жизнь, а сплошная общага. Ты, кстати, не знаешь, кто пару дней назад ночью ходил по этажу и в двери стучался?

Пришлось пожать плечами.

Минут через сорок, едва Фаина досушила свои слишком густые волосы, к ней постучали. Это оказался он. В махровом синем халате на мокрое блестящее тело, небрежно запахнутом на талии.

V-образный вырез предоставил прекрасную возможность лицезреть гладкую кожу груди в капельках воды. Однако сейчас Фаину мужская нагота не волновала. Вчера она отжималась и приседала, а сублимация спортом неплохо справляется с интимными импульсами. Больше интересовал сам факт появления Яна у двери в ее комнату.

– Что случилось? – спросила девушка, убавив волнение в голосе.

Непонятно откуда у парня в руках очутилась небольшая пластмассовая бутылка. Ярко-голубая, с рыжими брызгами облепиховых веточек и золотой крышечкой. Фаина тут же ее узнала. Лицо Яна оставалось непроницаемым, когда он протянул ей шампунь.

– Забыла.

– Угу.

Машинально кивнув, девушка забрала злосчастную бутылку. Их пальцы соприкоснулись, после чего Ян медленно опустил руку вдоль тела, сжимая и разжимая кулак, что не осталось незамеченным.

Девушка закрыла дверь прежде, чем вновь увидеть точеное, но мертвое лицо, на котором почти не бывает эмоций. При взгляде на это лицо представлялось, будто густой янтарный мед стекает по гладкой матовой поверхности вроде черепа доисторического хищника.

Эффектно, но ничего красивого в этом нет, и уж тем более приятного.

Поставив шампунь на полку к дезодоранту и ватным палочкам, девушка вернулась к делам, и лишь спустя некоторое время ее осенило. «Как он понял, что шампунь именно мой? Забыть его в душе мог кто-либо другой до меня. Да и какое Яну дело до несчастного флакона, зачем искать владельца – неясно. Мог бы просто оставить его там».

К счастью, на таких несущественных мелочах она не имела привычки заикливаться. И, уставившись в монитор, вскоре выбросила инцидент из головы.

Но на этом странности и не думали кончаться.

Спустя некоторое время Фаина стояла на кухне, варила сосиски и мурлыкала себе под нос песню, которая вот уж неделю не желала выйти из головы. Порой это мурлыканье перерастало в нечто большее с пританцовыванием и желанием использовать ложку в качестве палочки дирижера, но Фаина осаждала себя, опасаясь, что кто-нибудь может ее услышать, а еще хуже – увидеть.

Чтобы выбить из головы навязчивую мелодию, нужно было найти тему, которая стопроцентно отвлечет внимание. Единственной такой темой был Ян. Его поведение. И внешность. И...

Фаина принялась вспоминать и анализировать все, что ей рассказывали о новом соседе, а также то, что она сама успела о нем узнать. Слухов было гораздо больше, чем личных наблюдений, что показательно.

Многие испытывали в отношении Яна скрытую симпатию, если не восхищение. Вопреки бытующему стереотипу, живется в общаге по большей части скучно. Потому, когда появляется подобная экзотика – статный загадочный парень со сложным характером – вокруг нее начинается продолжительный ажиотаж.

Аборигены молча наблюдали за Яном, не решаясь заговорить: смотреть на себя он позволял, но один его взгляд пресекал любые попытки диалога. Зато, когда Яна не было рядом, все только о нем и говорили. Точнее, всем хотелось обсуждать его, но, по большому счету, обсуждать было нечего.

Парень не позволял разузнать о себе что-либо, ни с кем не делился вкусами и интересами, кроме, может быть, соседа по комнате. И как же беседовать о человеке, который мало тебе знаком? Правильно – создавать сплетни или додумывать то малое, что известно.

Впрочем, были и очевидные факты, подтверждение которым Фаина неоднократно видела своими глазами. А иногда и слышала по ночам.

Девушки на Яна вешаются, хотя он далек от растиражированного архетипа смазливой плохиши, экзальтирующего противоположный пол движением брови. Впрочем, женщины во все времена были без ума от улюлюканий, которые ноги о них вытирают. Поэтому неудивительно, что Ян пользуется большим спросом, буквально примагничивая к себе студенток по всей общаге.

Так же неудивительно наблюдать затем их истерики, вполне предсказуемые слезы отчаяния, проклятия и вопли. Иными словами, все, что угодно, кроме логичного разочарования или презрения, которые они должны бы испытывать к Яну после разрыва. После всех пережитых от него унижений.

О, нет, Ян весьма оправдывает даже завышенные девичьи ожидания. Но свои собственные, очевидно, не способен удовлетворить бушующим вокруг себя примитивом. Поэтому и вышвыривает особь за особью за дверь каждую неделю, оставаясь смертельно безразличен к слезным мольбам не лишать их своего общества.

Вульгарно.

В целом Ян ведет себя как большинство мужчин, что вполне естественно в его возрасте и с его внешностью. Вот только есть в нем странное нечеловеческое самообладание, либо же вовсе полное отсутствие эмоций. Это и настораживает больше всего.

То, как он смотрит на них, рыдающих, ползающих по полу, хватающихся за его брюки как за последнюю надежду. То, как он захлопывает дверь перед ними и никак не реагирует на крики и истерики. То, с каким лукавством на лице приводит новенькую на следующий день.

И с каким безразличием избавляется от нее, пресытившись...

– Restless... I feel so... restless...¹² – напевала Фаина, так глубоко задумавшись, что не слышала ничего, кроме вращения маховика внутренних рассуждений.

Буйные волосы после долгой сушки феном электризовались от вязаной кофты. А может, дело было в шампуне. И без того пышные, они теперь поднимались вверх и торчали во все стороны. Фаина не обращала на это внимания. Ей было хорошо известно, что через часик, когда охалка просохнет до конца, она расчесется, и власть электричества на ее голове уймется.

Фаина выключила газ под миской и, продолжая тихо напевать слова, принялась перекладывать сосиски на тарелку, протыкая каждую вилок так, чтобы лопнула пленка. Только бы не обжечься, как это все время случается.

Но тут девушка ощутила, что кто-то стоит у нее прямо за спиной, и замерла. В груди неприятно ёкнуло. То же самое чувство посещает ее по ночам, в кромешной тьме, когда она вдруг просыпается без видимой причины.

Чья-то рука опустилась на ее волосы.

Фаину ударило током, она крупно вздрогнула и выронила тарелку на пол. За спиной оказался Ян, хотя девушка была уверена, что это Гена. Подкрадываться и пугать – выходка в его манере.

– Ты? – она не сдержала эмоций и стыдливо пригладила волосы, виновные в этом происшествии.

Ян выглядел испуганным. Вероятно, его тоже неплохо наэлектризовало.

Но зачем он сделал это? Зачем коснулся ее? Парень жмурился, сжимая и разжимая ладони на уровне груди. Фаина села на корточки, чтобы собрать осколки тарелки, а заодно и свой неудавшийся ужин.

Парень последовал ее примеру.

– Они всегда такие?

– О чем ты?

Сосед не ответил, нахмутив густые брови. Будто подозревал ее в том, что она прикидывается. Фаина засмотрелась, как черная водолазка приятно обтягивает плечи и руки, пока он помогает ей, и не сразу сообразила, что случилось, когда палец кольнуло.

– Ой. Что это?

Она поднесла ладонь к лицу, не веря, что могла так глупо порезаться. Кровь шла слишком обильно для неглубокой ранки.

– Промой, – приказал парень, не отрывая взгляда от пореза.

Девушка послушалась, а Ян выбросил осколки и испорченную еду.

– Покажи, – он больно сжал мокрый палец в своей руке, но теперь глядел вовсе не на него. – Это я виноват.

¹² Restless – New Order

Фаина скривилась. «Поесть не дадут спокойно. И чего тебе приспичило лезть к моим волосам? Они тебя не трогали, и ты их не трогай».

– Просто они... – Ян будто услышал ее мысли и теперь спешил оправдаться, но не находил нужных слов. – Забудь.

Он коротко хмыкнул, убрал тяжелую прядь с лица Фаины, кончиками пальцев касаясь ее щеки, и поспешил уйти. Весь такой неотразимый в облегающей водолазке, что смотреть было тошно.

Девушка засопела. Она ощущала себя так, словно проехавшая мимо машина обдала ее грязью с ног до головы. И отняла у нее сосиски.

Пришлось ужинать бутербродами с майонезом и огурцами. Это не слишком утолило голод, наоборот, раззадорило.

Только у себя в комнате спустя полчаса девушка заметила, что никакого пореза на пальце больше нет. Фаина усмехнулась и взяла йо-йо, чтобы успокоить сердцебиение.

Глава 10, в которой Фаине снится странный сон

«Именно сам Сатана, который преобразается в ангела света, пленяет женщину, подчиняет ее себе, понуждает к отпадению от веры, затем принимает образы и подобию различных лиц и ведет с нею во время сна демонскую игру, показывая ей то веселые, то печальные виды, то знакомых, то незнакомых лиц».

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

Фаина стояла в супермаркете недалеко от дома.

Одной рукой она держала пластмассовую красную корзину с надломленным бортиком, другую опустила вдоль тела. Помимо энергетика, купленного в надежде приглушить последствия недельной бессонницы, на борту имелись: пачка дешевых сосисок, апельсиновый сок, туалетная бумага, ржаной хлеб, десяток яиц, шоколадное печенье, конфеты «Коровка», славящиеся своей чрезмерной сладостью, несколько творожных сырков, а также мороженые куриные бедра.

Сегодня Фаине выдали зарплату.

– А я ему говорю: быть того не может, я только вчера ее купил, – рассмеялись прямо за спиной, и девушка дернулась от неожиданности.

Двое молодых мужчин прошли в алкогольный отдел, оживленно беседуя. Фаине не нравилось, когда кто-то нарушал личное пространство настолько, что вклинивался в поток ее мыслей. Неважно, друг, приятель или незнакомец – никто не имеет права касаться ее или дышать в шею, пока она сама не позволит.

Жаль, далеко не все понимают это, казалось бы, простое и логичное правило поведения.

Каждый раз, когда кто-нибудь оказывался слишком близко и касался Фаины, сам того не замечая, она вздрагивала и пятилась. Почему это вызывало столь негативные ассоциации, она не знала. Да и выяснять не хотелось. Несмотря на это, девушка не могла бы назвать себя тактилофобом. Ей в голову не приходило выяснять, что конкретно с нею не так. Она понимала, что слишком многое.

Искусав губу до капелек соленой крови, девушка закинула в корзину пять пачек лапши быстрого приготовления, а в следующем ряду столкнулась с неразрешимой дилеммой. Тратить ли целых 64 рубля на детский орбит, который она не жевала уже лет десять, или поберечь деньги? Очень хочется вновь ощутить этот специфический вкус на языке, закрыть глаза и представить себя в ином возрасте, в ином месте, с иными проблемами, которые сейчас покажутся чепухой и вызовут снисходительную улыбку.

Очередь у кассы продвигалась медленно, любезно предоставляя время на раздумья. Если тратиться на подобные прихоти, зарплата действительно не останется через неделю. Нет, лучше вечером купить шаурму. Это, конечно, раза в два дороже, зато больше и сытнее в десять раз.

Когда решение принято, сомнениям не остается места. Жить становится легче. Жаль, далеко не от всего можно отказаться с той же легкостью, что и от жвачки.

– А нельзя ли открыть вторую кассу! – зычно осведомились в хвосте очереди.

Кассир вздохнула, скривила рот и нажала на кнопку под прилавком. Помещение огласил омерзительный звонок, похожий на стрекот будто стеклянных крыльев крупного насекомого. Очередь в негодовании перешептывалась. Лишь единицы свободны выразить недовольство во весь голос. Фаина к таким не относилась. Она всегда терпела, что бы там ни было.

– Иду, – недовольно отозвались из молочного отдела. Вмешаться означает навлечь на себя последствия.

Открылась вторая касса, но Фаина для верности осталась на своем месте. Кофта у кассира была странной расцветки, с таким ужасным психоделическим узором, что девушка успела рассмотреть на ней две львиные морды, стаю бабочек и голову лося, увенчанную мощными ветвистыми рогами.

Всего этого там, разумеется, не было, но Фаина, наклонив голову, будто в трансе глядела в одну точку, вокруг которой вращались и росли динамичные узоры. Может, что-то похожее под веществами наблюдает Денис? Тогда понятно, почему до него не достучаться.

Только когда кассир объявила сумму, не позаботившись о дикции, девушка моргнула и подняла глаза.

– Что?

Женщина повторила таким тоном, будто перед нею стоял прокаженный. У нее была родинка под глазом и помада неприятного оттенка. Что может быть хуже кораллового? Выкидыш запретного союза красного и оранжевого, недостойный касаться сетчатки глаза.

Фаина кожей ощущала, как ситуация буквально ускользает из восприятия, водой обтекает ее с обеих сторон и уносится прочь. Она вновь заикливалась на посторонних вещах, избегая реальности текущего момента.

– Извините.

Она расплатилась и принялась неловко складывать продукты в пакет, с ужасом понимая, что проворонила момент, когда это можно было сделать своевременно и не мешать очереди продвигаться. Она ненавидела себя за эти внезапные волны транса, накатывающие, когда им вздумается. Уже не в первый раз они выставляли ее идиоткой в глазах окружающих. Никто не любит заторможенных.

Снаружи полегчало, но ненадолго.

Фаина шла к студгородку, стараясь выбросить из головы недобрые взгляды кассира и людей из очереди (они еще долго будут стоять перед воспаленными от недосыпа глазами), как в поле видимости показался новенький. Он как раз выходил из здания почты с маленьким крафтовым свертком в руке, по форме напоминающим книгу.

Заметив знакомую фигуру в темных джинсах и распахнутой ветровке, девушка ускорила шаг, чтобы траектории их движения не пересеклись. Но это не помогло. Ян заметил ее и зачем-то заспешил в ее сторону, словно у него было к Фаине срочное дело. Что как минимум странно, учитывая то, что они не общаются.

Манеру его передвижения сложно спутать с чьей-то еще. Он по-особенному двигал ногами и работал плечами, словно за все эти годы так и не привык к своему телу – телу человека, пусть и дьявольски привлекательного.

Фаина быстро шагала по разбитому тротуару, разглядывая свободную ладонь, – какая она потная и блестящая после того, что было в магазине, и как от соли пощипывает в линиях, по которым гадают, и как испещрены ниточками впадин сгибы между фалангами пальцев.

Она слышала, как шелестит куртка преследователя. Парень следовал за нею, тихо посмеивался и звал по имени, будто это была невесть какая забава. Девушка сгорала от стыда за свою нелепую походку. Она хорошо знала, как это выглядит со стороны, особенно если сопровождается сильным волнением. Каждый шаг казался ей нелепым и некрасивым. С каждым шагом она все более ощущала собственную неполноценность.

– Фаина. Ну, Фаина? – мурашки бежали по телу от этого брезгливо-вопросительного тона.

Ненавидела она эти оклики из-за плеча. Так звали только в школе, когда хотели поиздеваться или сказать что-то неприятное. Фаина резко остановилась и позволила Яну прибли-

зиться, почти врезаться в себя мощным торсом. В самый последний миг он притормозил, демонстрируя завидный самоконтроль над телом.

На таком расстоянии как никогда безупречной казалась его младенчески чистая кожа лица и шеи. Неиспорченный чем-либо лишним, нежный смугловатый оттенок – ни родинок, ни морщин, ни веснушки. Волосы светлее, чем при электрическом освещении, и эти густые короткие бакенбарды... Кто вообще их носит в наше время? А глаза при свете солнца совсем изумрудные, выразительные в тени ресниц, как листва дремучего леса. И смотрят пытливо, жестко, ядовито.

– Как поживаешь, Фаина?

– Что тебе от меня нужно?

Ян отправил выбившуюся прядь за ухо, загадочно улыбаясь одними губами – чуть пухлыми, как оказалось при близком рассмотрении. Фаина отметила про себя, что ранние залысины делают его лицо более вытянутым, чем следует. Впрочем, это ничуть не умаляет иных его достоинств. Вроде изумительного разреза глаз или длины пальцев. На которые, к сожалению, нельзя смотреть постоянно. Так что пришлось отвернуться, пока не вырвало от приторной ухмылки этого демона, который не собирался отвечать на ее вопрос.

– Как узнаешь, сообщи.

Тем же образом они продолжили путь: Фаина первая, кожей чувствуя неуклюжесть каждого шага и проклиная свои некрасиво идущие ноги; Ян сразу за нею. *«Зачем он идет за мной? Зачем окликает? Что ему нужно? Как все это глупо и неестественно. Мне словно это снится. Я очень хочу проснуться. Пожалуйста, пусть я сейчас проснусь, пожалуйста, сгинь».*

И она со всей силы жмурилась, но это не помогало. Девушка вздрагивала от холодка на спине, куда упирался взгляд преследователя и, казалось, дыхание тоже. Он больше не звал ее, а шел по пятам подобно неотступной смерти, от которой нет спасения, где бы ты ни прятался.

Фаина угрюмо сопела и хмурилась. Вся эта ситуация максимально напрягала ее. Хотелось оказаться в своей комнате и взять йо-йо, чтобы привести в порядок мысли и эмоции.

Ручки пакета истончились от веса продуктов и резали ладонь. То и дело приходилось переключать из одной в другую и разминать пальцы. И почему она не плюнула на свою гордость и не вручила Яну пакет, если уж ему вздумалось с нею контактировать?

Так происходящее могло обрести смысл.

Фаина глядела то под ноги, чтобы не наступить на зазевавшихся насекомых, то перед собой, чтобы не врезаться в прохожих. Второе волновало ее меньше. Скорее она даже надеялась на небольшой инцидент, который позволит пропустить Яна вперед и вздохнуть, наконец, спокойно. Очень раздражает, когда кто-то дышит тебе прямо в спину и никак не перегонит. Особенно если так поступают намеренно.

С какой целью он это делает? Хочет довести ее до срыва?

Мысли прыгали с одной темы на другую без какой-либо ассоциативной цепочки, и временами удавалось забыть.

Она вспомнила, как в соседнем блоке на днях потеряли ключи и выламывали дверь молотком, какой шум и ругань стояли, как нелепо это выглядело со стороны. И почему же Ян со своими навыками взлома не помог им? Вопрос позабавил.

Несдержанно улыбаясь, Фаина в очередной раз вскинула голову, прервав созерцание собственной обуви, и обратила внимание на идущую навстречу девушку. Обычная вроде она была, эта девушка, только что-то у нее случилось. И очень даже нехорошее. Фаина нахмурилась и замедлила шаг, чтобы лучше ее рассмотреть и помочь, если понадобится.

Нет, сначала все было в порядке. Первые несколько мгновений. А потом прохожая перевела взгляд с Фаины на того, кто тенью шел за ней.

Она моментально узнала его, в этом не было сомнений. Лицо у нее оплыло, как воск, а глаза чудовищно расширились. Ужас барахтался в этом взгляде и забрызгал Фаину капельками безумия, заставил вздрогнуть, задумавшись, что может настолько испугать человека.

«Не на меня одну он нагоняет жути», – подумалось ей.

Едва встречающая поравнялась с Яном, Фаина прошла немного вперед и остановилась на безопасном расстоянии. Сердце у нее колотилось в ожидании неясного, но очень значимого события. Ян выглядел растерянным и мрачным. Все замерли, словно время остановилось.

А в следующий миг проходящая закричала, разрывая прочную ткань реальности:

– Женья?!

Ян попытался отпрянуть, но та уже схватила его за куртку, да так остервенело, будто хотела ее разорвать, лишь бы доказать свою правоту. От ее крика волосы шевелились на голове.

– Женечка! Как это может быть, Женья?!

Она вся тряслась, будто ей только что сообщили самое дурное известие, которое только можно представить. Сжимая пакет в кулаке, Фаина переминалась с ноги на ногу, наблюдая за происходящим. У нее не было никаких идей. Но вмешиваться она не собиралась.

Может, это просто одна из многочисленных бывших с излишне бурной реакцией. Или обознались.

– Ты же... у-умер... Женья?.. Ты до-олжен быть не здесь! Не должен по улицам... ходить...

Девушка захлебывалась слезами и подвывала. Устав молотить кулаками грудь Яна, она осела на землю от внезапной слабости. Лицо у нее было белым, словно она сама только что вышла из могилы.

– Мы же тебя похоронили... три года как.

Фаина не верила своим глазам. Она будто даже услышала, как растягивается ее лицо и отвисает челюсть.

Ян успел подхватить проходящую прежде, чем та повалилась на тротуар, и теперь пытался поставить ее на ноги, придать слабому телу вертикальное положение, вдохнуть в него крупную энергию. Он так ничего и не ответил на странные обвинения, будто все это его не касалось.

Или будто он ожидал, что подобное рано или поздно случится. Такое с ним не в первый раз?

Наблюдая за этим театром абсурда, Фаина медленно пятилась. В уме у нее начинала складываться крайне мутная, но от этого не менее пугающая картинка, отдающая прохладным душком могильной гнили.

Поймав на себе взгляд исподлобья, она быстрым шагом ринулась прочь, уже не чувствуя веса пакета. До общепита она почти все время бежала, не оборачиваясь. На первом этаже позволила себе перевести дыхание. Здесь есть комендант. Жильцы. Если что, она поможет спастись.

«От чего, хотелось бы знать?»

Этого Фаина еще не могла сформулировать, но на подкорке остался четкий отпечаток, кричащий о том, что Яна с этого момента *необходимо* избегать. Хотя очевидно, что задача эта невыполнима, пока они живут в соседних комнатах.

Девушка сделала все, чтобы не пересекаться с Яном остаток дня. К спеху позвонила мама, они пообщались о здоровье Фаины (тут, конечно, пришлось много и отвратительно обманывать), о культуре питания (да, мам, я ем супы, иногда...), о развлечениях (ну, гуляю изредка, в кино там хожу и все такое...), о том, когда Фаина собирается приехать в гости.

Мама звала на поминальный день (на этой фразе Фаина вздрогнула). В этом году как раз девятнадцать лет, как не стало дедушки. Того самого, которого сгубил не вовремя обнаруженный диабет.

Чтобы не расстраивать маму, Фаина обещала подумать и, возможно, выбить себе пару выходных – маловероятный исход событий. Ее заботило, что почти каждый разговор с род-

ственниками превращался с ее стороны в череду вранья и смиренного выслушивания в попытках не задеть собеседника.

Ибо собеседник имел в уме представление о Фаине, которое далеко не совпадало с действительностью. Родители знали какую-то другую девушку, ту, что уехала учиться в город шесть лет назад. Но никак не ту, которая ненавидела себя и не знала, что ей делать со своей жизнью дальше. И стоит ли что-то делать, есть ли в этом хоть капля смысла?

Беседуя с мамой, Фаина фоном размышляла о странном происшествии. Распрощаться удалось только через полчаса, когда истратился весь запас общения на пару дней вперед. Мама могла болтать часами, Фаина же придерживалась тактики говорить только в том случае, когда без слов уже никак не обойтись, зато думала слишком много.

Она читала где-то, что дневной запас слов, должных быть выговоренными, для мужчин составляет семь тысяч, а для женщин – двадцать одна тысяча. Что ж, мужчиной Фаина не была, но с трудом могла себе представить, чтобы за сутки ей пришлось сказать так много. Даже на работе этого от нее не требовалось. За неделю – ближе к истине.

Девушка поставила телефон в режим полета и забросила куда-то за подушки. Найдется, когда сработает будильник. На самом деле даже хорошо, что мама позвонила. Помогло отвлечься. С проблем внешних на проблемы семейных отношений, всегда лежащие где-то на дальней полке, как давно протухший кусочек еды, который лень выбросить. И ты надеешься, что со временем он настолько засохнет, что перестанет испускать неприятный запах.

Фаина накрыла лицо ладонями и заставила себя ни о чем не думать хотя бы несколько минут. Добиться пустоты в голове всегда трудно. Но у нее был свой особенный способ.

Все, что приходило на ум, она представляла на бумаге. Затем воображала, как берет испитый лист, мнет его и выбрасывает. Или разрывает. Мозг отвлекался от слов на действия, так удавалось ненадолго избегать мыслей о том, что навязчиво застряло в голове.

Фаина хорошо слышала смех, доносящийся, судя по всему, из 403-ей. Слышала, как терзает струны парнишка этажом ниже. Раз в несколько дней он садится на лестничной клетке, играет и поет. Обычно это что-то из классики рок-н-ролла, и выходит у него недурно. По крайней мере, недовольства в его адрес Фаина не слышала и не испытывала сама. Наоборот, здорово, что есть ненавязчивое местное радио, которое включается само по себе. Никогда не угадаешь, в какой момент ожидать концерта и что конкретно будут исполнять.

Вспомнив о покупках, Фаина разложила продукты по холодильнику, вывернула жестяной ключ на банке энергетика и взяла йо-йо. Пенистая зеленая кислота с шипением наполняла рот и резкими газами ударила в нос, пока катушка крутилась у правой ноги, бегая по петле то вверх, то вниз.

Кажется, снова возвращалась жажда, та самая, что заставила Фаину посетить врача больше двух месяцев назад.

На улице темнело, по дорогам сновали первые байкеры – вестники приближающейся ночи. Как же они надоели. Неужели город настолько мал, что им больше негде устраивать свои гонимые шоу?

Попивая энергетик, Фаина села за стол и раскрыла блокнот, что делала крайне редко. Прежде чем записать новую заметку, она перечитала несколько предыдущих, параллельно опустошая упаковку любимого печенья.

Казалось, только сладкое и делает жизнь сносной. Слишком часто Фаина глушила негативные эмоции пирожными и кексами, шоколадом и леденцами. С ними становилось терпимо. На время. Выручали еженедельные акции на сладости в супермаркетах – можно было за небольшую цену поддерживать в себе желание жить.

«Придумала, как отомстить Гене за прозвище, которое он мне дал. Буду называть его Фосген».

«Опять сломали смыл в туалете, чертовы свиньи. Ненавижу жить здесь. Ненавижу жить».

«Сахар снова скачет. Пью препараты с трудно произносимым названием и какие-то витамины, но уже не могу смотреть на них. Не могу через силу запихивать внутрь. Там будто бы нет для них места. Тело сопротивляется».

«Сегодня к Наташе опять приходил тот бугай. Шумел, пытался выломать дверь. Ушел под утро. Поспать не удалось. Я уже говорила, что ненавижу здесь жить? Мне хочется избить его».

«Видела на небе моржа с зонтиком. Очень четко, как в раскраске. Заполни белое пятно».

И так далее. Фаина подумала и приписала ниже: «Разве она могла его с кем-то перепутать? Не могла».

В дверь нагло постучали, но за миг до этого Фаина услышала громкую механическую трескотню, будто кто-то нашел и включил допотопное радио. Она вскинула голову, но с места не сдвинулась. Чувствовала: внутрь войдут и без разрешения. Не ошиблась.

Дверь приоткрылась, впуская в комнату громкую волну помех, среди которых с трудом можно было разобрать мелодию. Гена стоял на пороге в каком-то идиотском наряде, со взъерошенными волосами и нелепой улыбкой. Источник звука – большой прямоугольный магнитофон с круглыми черными динамиками в пыли и паутине – стоял у Гены на плече и выглядел так, будто его только что нашли на помойке где-нибудь в середине прошлого века.

Удерживая бандуру одной рукой, Гена принялся отплясывать по комнате, отчаянно не попадая в такт. Фаина наливалась яростью, прислушиваясь, как в песне повторяли ее имя и бесконечно напевали последний слог.

Какой наглостью надо обладать, чтобы найти где-то настолько древний магнитофон, да еще и кассету к нему, отыскать там определенную песню, включить на всю громкость и заявиться сюда! И все ради чего? Ради того, чтобы взбесить соседку. В стремлении поиграть на нервах Гена отныне занимал второе место сразу после Яна.

Фаина решила действовать молниеносно, чтобы расправиться с наглецом, пока тот не сбежал. К счастью, Гена настолько вошел в раж, что потерял бдительность.

Девушка схватила подушку и бросилась на него. Несколько ударов по голове удалось нанести на своей территории, но добивала она его уже в коридоре. Захлебываясь хохотом от своей проделки, Гена сбежал к себе и захлопнул дверь. Фаина осталась одна в коридоре, все еще воинствующе сжимая оружие мести. Тяжело дыша, она не знала, куда деть излишки гнева.

Слишком поздно ее зрение заметило фигуру в распахнутом халате и трусах-шортах на черно-белой резинке с какими-то словами. Ян умывался, согнувшись над раковиной, и глядел на себя в кусок зеркала, нелепо приклеенный к стене на кусочках пластилина. Кажется, он сдержанно улыбался, став невольным свидетелем этой сценки. Буквально краешком рта.

Его вполне человеческий вид и в первую очередь стандартное молчание позволили Фаине успокоиться и не принимать близко к сердцу увиденное накануне. Сейчас он ведет себя, как обычно – она его не интересуется, и никто не кричит, что Ян на самом деле мертв, да и зовут его иначе, так что об этой неприятной истории можно и забыть на время.

Она вернулась к себе, закрылась изнутри и залпом допила энергетик. Странное дело, но ей захотелось спать. Кофеин не оказывал на Фаину того воздействия, о котором она мечтала. Поэтому энергетики приравнялись к обычной газировке, а кофе – к безобидному какао.

Аппетита не было, поэтому планы относительно шаурмы было решено перенести как минимум на сутки. Не переодеваясь, Фаина упала на кровать и практически сразу уснула, несмотря на нарастающий треск мотоциклов, что вместе с прохладным воздухом доносился с улицы через приоткрытое окно.

Впервые за долгое время ей приснился сон с полноценным сюжетом. Виной тому были полученные за день острые ощущения.

Сначала было темно и холодно, но со временем рассвело. Неравномерно смешанные сумерки висели над землей клоками то темнее, то светлее. Воздух был слоистым, слегка синеватым. Под ногами шумела сухая трава. Пахло серостью и гнилью, как в склепе.

Фаина шла долго, не разбирая, куда идет и что ее окружает. А потом на крошечном *перекрестке* двух разбитых дорог, похожих на проселочные, встретила Яна. Он сидел на земле, будто ждал ее здесь, в самом центре, все это время. А стоило ей подойти, юноша поднялся, выбросив мелкий блестящий предмет куда-то в траву.

Они ничего не сказали друг другу, просто пошли дальше плечом к плечу. С появлением Яна реальность сна стала более осмысленной, детализированной. На улице прояснилось, и Фаина заметила, что воздух повсюду пропитан ярко-красными прожилками. Они висели тут и там, будто тлеющий пепел огромного костра. Попадали в нос и в глаза при передвижении, но не причиняли боли или неудобств.

Фаина брела уже не бесцельно и с изумлением рассматривала все, чего касался взгляд. Теперь она могла фокусироваться на окружающих вещах, элементах пейзажа, своих ощущениях. И вскоре поняла, что идет по бесконечной дороге сквозь кладбище. Без начала и без конца. Могилы, памятники, кресты, искусственные цветы, ржавые заборчики, овитые черными лентами венки с позолоченными буквами и цифрами.

Снова. И снова. И снова. Цикл.

Вот странно, подумала Фаина и посмотрела на Яна, чтобы задать вопрос. Она хотела спросить, зачем они здесь, но не смогла. Будто горло было забито.

Кто-то надрывно плакал далеко позади, но оборачиваться было нельзя. Фаина прислушивалась к эху, пытаясь определить, плачет женщина или мужчина? Ребенок? Ян остановился и указал на одну из могил. Вместе они спустились с дороги и прошли к ней по узким проходам между огороженными ячейками.

– Это я.

Фаина попробовала прочесть, но буквы на могильной плите были словно неизвестного ей языка, и в то же время такие знакомые. Она с трудом разобрала имя и возраст: Евгений, 25 лет. Остальное осталось набором символов, не поддающихся расшифровке.

– Тебя и правда похоронили? – произносить слова получалось медленно, заторможенно. Двигаться тоже.

– Ты не должна была об этом знать.

– Но почему Евгений? Тебя же зовут Ян, я точно знаю.

– Ты ничего не знаешь, Фаина. Ничего.

Тут земля у нее из-под ног стала стремительно ускользать, а зрение ухватило последний образ, чтобы потом надолго задержать в памяти: молодой парень опускает голову и поднимает руки, словно хочет снять с себя слой кожи. Но ладони и пальцы так и не встретились, оставив додумывать ужасную картину.

Фаина проснулась.

В комнате было очень темно, будто все фонари на улице погасли. Ей снова казалось, что в комнате кто-то есть, причем довольно давно. Стоит и наблюдает, как она спит. И мучается во сне от болезненного бреда. Вот тебе и поминальный день, мама.

С трудом она заставила себя подняться и, размахивая руками перед собой, по памяти прошла к двери, чтобы проверить, закрыта ли она. Дверь была заперта изнутри. Значит, никого тут быть не могло. Фаина включила настольную лампу, выпила воды и снова уснула без задних ног, забыв взглянуть на время.

Утром, стоя в очереди в душ и наблюдая за тем, как Ян не спеша умывается, чистит зубы и тщательно бреется у раковины, вытягивая лицо, Фаина уже с трудом могла вспомнить свой сон. Но смутные тревожные ощущения, которые он после себя оставил, подкрепленные внешним видом Яна воочию, не давали покоя, заставляли то и дело хмуриться и с тяжестью на душе вздыхать, ища успокоения и ни в чем не его находя.

Нечто нехорошее трепетало внутри. И оно росло, пока Фаина рассматривала спину и затылок соседа.

В проборе его волос, как и в направлении их роста, таилось что-то благородное, отличающее от остальных парней, коих Фаине доводилось разглядывать. Никто не сумел бы сказать, что особенного в том, под каким углом и с какой плотностью волосы юноши покрывают кожу головы за аккуратными ушами, складываются в пряди от шеи до овального затылка. Никто не обратил бы внимания на такую мелочь, но не Фаина, которой не раз приходилось подолгу рассматривать вышеупомянутый затылок в утренних очередях.

Ян вел себя невозмутимо, будто вчера ничего не произошло. Ни Фаину, ни кого-либо еще он так и не окинул своим таинственным темно-зеленым взором. Удостоиться его личного внимания было делом затруднительным. Вывести на эмоции – еще сложнее.

Обычно Ян вел себя так, словно вокруг него ни души. Поначалу это раздражало, а потом стало ясно, что из подобной манеры поведения проистекает удобная возможность в любой момент наблюдать за ним и оставаться незамеченной. Просто потому, что ему до тебя нет дела.

После душа, чтобы избавиться от внезапной эмоциональной нестабильности, Фаина открыла свой псевдодневник. И тут ее осенило. Затаив дыхание, она позволила руке выводить слова. Из нее, наконец, вылилось все то тревожное, сладостное, пугающее и болезненное, что занозой сидело внутри с момента первой встречи с Яном.

Откровение, освобождение, просветление, свобода, которую можно осязать. У этой свободы была шероховатость бумаги и приятный запах чернил.

Кожа твоя, медом гладким покрытая,
медью на скулах жестоких блестящая,
полупрозрачным текущая вниз янтарем

Зелень таинственная, приглушенная
грешного яблока переспелого
под звериным оскалом бровей твоих
притаилась

Скошенная трава в густых сумерках,
золотистым сиянием припудренная —
вот глаза твои хищные

Вены твои аскаридные, пошлые
под волосами животными вспухшие
всюду на теле чудовища,
что не ведает силу свою

Дьявольски, дьявольски мерзок
и притягателен взгляд твой
и все, что его окружает

Белые зубы, едва перламутром тронутые,
мясо высматривают свежее, нежное,
из-под сочных вишневых губ показываясь,
вульгарных и ярких, как ядерный гриб

Все в тебе тайна, и ужас, и дерзкое отвращение
вместе с желанием сдать тебе,
позволить впустить аккуратно

и будто бы робко
свой мефистофельский яд,
и умирать от клыков твоих целую вечность,
и ничего иного не чувствовать

Отрава твоей прямолинейности
разбежалась по венам моим, разбушевалась.
Мягкая злоба зеленого взгляда,
Смуглым золотом обрамленная,
чудится мне в темноте

Сажа и пепел волос шоколадных мучительно
овивают лицо твое длинное, благородное,
с легким налетом лукавства извечного,
которому тысячи лет

Так умертви же меня без остатка,
не нужно ждать,
ибо каждая жила в теле моем
подвластна тебе
и подобна сиянию смерти
в своем безупречном обличье

Тебе это будет несложно, я обещаю,
взгляни на меня, заговори, дай надежду,
и заструится гремучая кровь для тебя,
дабы ты, зверь изумрудный и алчущий,
выпил ее и забыл обо мне навсегда

Никогда прежде Фаина не писала стихи, но этот показался ей превосходным, ведь в нем уместилось абсолютно все, что она думала, ощущала и предчувствовала в отношении Яна.

Глава 11, в которой Фаина распускает руки

«Задать вопрос – это словно толкнуть камень с горы: вы сидите себе спокойненько на ее вершине, а камень катится вниз, увлекает за собой другие камни; <...> Нет, сэр, у меня твердое правило: чем подозрительнее выглядит дело, тем меньше я задаю вопросов».

Роберт Льюис Стивенсон – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Свет действительно отключили, но гораздо позже, чем обещали.

К тому моменту Фаина успела десять раз позабыть о предупреждении. Ее мысли занимали совсем другие вещи, а именно – те странности, что стали одна за другой происходить в последнее время. Совпадение или нет, но все они косвенно связаны с Яном. Этот сукин сын стал осью для множества параллельно вращающихся шестеренок. Вынь его – и все рассыплется.

Иногда становилось невыносимо думать о ребусах, которые тебе не по силам решить, и в такие моменты Фаина заставляла себя забыть о пропавших из кармана монетах, о быстро зажившем пальце и уколах в темноте, о глупе турникета, о крови из носа и, наконец, о девушке, которая признала в Яне мертвеца...

Несомненно, Ян был стержнем происходящего. Либо же одно его существование заставляло фантазию и паранойю бушевать в агонии. В любом случае у Фаины накопилось к нему множество вопросов. Хаотично перемещаясь в голове, они сводили с ума. И больше всего расстраивало то, что она была единственным свидетелем – никто не мог бы подтвердить ее слова. Пожалуй, это тоже неспроста. Над нею будто издеваются.

Фаина не знала, что ей думать, какую версию событий принять. Интуиция подсказывала: с этим парнем что-то не так, это ведь очевидно, подожди еще немного, и ты в этом убедишься. Ошметки здравого смысла из последних сил убеждали: прекрати страдать ерундой, ты все придумываешь, не руби с плеча, вот увидишь, все это – череда совпадений и твое больное воображение. Подожди, не торопись, ты убедишься, что рано подняла панику.

И Фаина выжидала. В ее положении стало бы непростительной ошибкой кому-то доверить свои подозрения. Необходимо всего лишь выждать момент, когда произойдет нечто, отчего либо она окончательно съедет с катушек, либо с нею съедет кто-то еще.

Ей не хватало терпения, не доставало нервов. В постоянном ожидании, что вот-вот Ян выбросит что-нибудь еще, и это будет сводить ее с ума, Фаина почти отчаялась. Хотелось пойти к Гене или к Денису, или даже к Даше, черт с ними, и все выложить, все подчистую. Пусть ее посчитают больной, хотя бы совесть она облегчит.

Однако внешне Фаина оставалась невозмутимой, насколько это возможно в ее положении. Их отношения с Яном застопорились на этапе многозначительного молчания и взглядов, полных взаимной неприязни. Ничего занятного она в этом не находила, но то, что Ян хотя бы перестал с нею заговаривать, значительно облегчало жизнь.

Девушка возвращалась из магазина, на ходу закидывая в рот и с хрустом пережевывая любимые сырные крекеры. Она старалась не выглядеть свиньей, но, к сожалению, когда дело касалось еды, именно так она и выглядела. Скорость поглощения крекеров не оставляла ни единого шанса ловить и съедать все крошки, а они разлетались взрывом при каждом укусе, чтобы осесть на груди.

Да и плевать. Это общага. Перед кем тут изображать благовоспитанность?

На локте у Фаины висел пакет приятной степени тяжести, а в голове, помимо въедливой мелодии, сновали мысли о предстоящем времяпровождении – с крабовыми чипсами, кисло-сладким энергетиком и интересным сериалом о временной петле.

Иногда для счастья нужно так мало. Но чаще всего даже этой малости у нас нет.

На улице стремительно темнело, будто солнце бежало с кем-то наперегонки и планировало выиграть забег. Окружающие предметы и здания меняли цвета на более приглушенные, их формы и контуры размывались, загорались фонари и первые блеклые звезды. В контраст с ними приветливо мигали яркие вывески кальянных, ларьков, шашлычных, шаурмичных, сгустившихся вокруг территории студгородка практически друг на друге.

Дешевое и не слишком здоровое питание – в чем еще нуждается студенческая диаспора? Для торговцев это рыбное место, да и молодежь не голодает.

Едва начинало темнеть, сомнительные заведения наполнялись такой же сомнительной публикой, но за столько лет жизни в этих злчных краях можно привыкнуть ко многому. Фаина без опасений проходила мимо, слыша, как хохочут и поют представители ночного контингента, как пьянеют их голоса, как звучит из припаркованных рядом машин музыка, которую она по собственной воле не стала бы слушать никогда.

Фаина уже приближалась к воротам, когда по дороге у нее за спиной пронеслась первая волна байкеров. «Опять», – устало подумала она и прислонила пропуск к мигающему огоньку. Снова будут шуметь, гады, хотят испортить ей вечер. Нет! Кулаки сжались и тут же ослабли.

Никто не испортит ее настроения. Она просто возьмет наушники и перестанет, наконец, обвинять всех вокруг себя. Хватит этим заниматься. Пустое дело. Проблемы надо решать, а не бесконечно ныть о них.

– Приветствую, Фаина! – выкрикнул кто-то из темноты под шумящей листвой абрикосового дерева, что раскинуло крону у входа во внутренний двор.

Девушка не узнала голоса, но вся компания обернулась на нее, покуривая в ожидании ответа. Очертания их лиц терялись в неверном свете фонаря, рассеянном листвой. В какой момент на город окончательно опустилась тьма?

– Не знаю, кто ты, но и тебе привет, – вяло отозвалась она и продолжила путь.

Компания издала смешки и стеклянные позвякивания ей вслед. Кто это был и зачем позвал ее, Фаина так и не поняла, но эта выходка очень в духе общаги. Тебя могут знать те, о ком ты и не ведал. Скоро она забыла об этом инциденте, так как в корпусе ее ожидал привычный цирк.

Поднимаясь к себе через две ступеньки и отряхиваясь от крошек, девушка проходила мимо грязной кухни на третьем этаже, как вдруг оттуда с криком выскочила незнакомая девушка и, зажимая рот, с выпученными глазами понеслась в сторону уборной. Фаина успела отпрыгнуть – ей показалось, девушку вот-вот вырвет. Судя по звукам, так и случилось, едва та свернула за угол.

На всякий случай Фаина заглянула на кухню. Там надрывала живот от хохота еще одна девица, наверняка подруга первой. Изгибом брови Фаина поинтересовалась, что же смешного здесь произошло. В луже воды на полу валялся чайник. Пол, стены и стол были грязными, впрочем, все знали, что на третьем этаже живут люди абсолютно непритязательные в плане чистоты и уюта, не привыкшие себя утруждать.

Девушка пыталась оправиться от смеха, хлопая себя по щекам. В то же время снаружи стали доноситься стоны и проклятия.

– Из чайника решила попить, – объясняла она, сияя, как новогодняя елка, – прямо из горлышка, представляешь? Думала, кипяченая вода лучше, чем из-под крана. Хорошо, что не успела глотнуть. Выплюнула горсть тараканов. Одного крупного и много-много мелких. Похоже, матка залезла в чайник водички попить, а прямо во рту решила дать потомство.

От этого рассказа Фаина тоже ощутила дурноту. Не стоило больших усилий представить себя на месте несчастной.

– Мерзость, – сказала она, подкрепив свое мнение крепким словом. – Ну вы бы прибирались тут хоть изредка. Иначе скоро ваши маленькие питомцы и к нам пожалуют.

– Извини, я должна ей помочь.

– Это уж точно.

По пути к себе Фаина не могла нарадоваться, что в их блоке хотя бы на кухне тараканов нет – вывели в свое время борной кислотой и нашатырным спиртом, они с тех пор и уса не показывали. Фаина гордилась этим достижением, к которому была причастна.

Приготовление пищи и насекомые никак не пересекались в ее взглядах на жизнь. Она искренне не понимала тех, кто относится к тараканам как в домашним животным, неотъемлемой части любой общаги, да еще и пытается убедить остальных: привыкнешь. Не та это вещь, с которой стоит привыкать.

Жильцы третьего этажа так не считали. И теперь им придется убирать рвоту, а впредь проверять посуду, из которой ешь и пьешь. Фаину передернуло.

На родном четвертом этаже пахло чьей-то стряпней, духами, освежителем воздуха и сигаретами. Можно дать руку на отсечение, что готовил снова Ян, кто-то собирался на гулянку, кто-то задумчиво курил на балконе одну за одной, возможно, переругиваясь с бойфрендом по телефону, а кто-то только что покинул туалет после долгих посиделок.

К душу выстроилась небольшая очередь. Арина, Наташа и Гена стояли, прислонившись к стене, перекинув через плечо по полотенцу, в руках – мочалки и бутылочки с шампунями. Они лениво трепались о том о сем, пока не подошла Фаина.

– Хотите мерзкую историю? – спросила она вместо приветствия, распечатывая энергетик и делая глоток, пока ей не ответили.

– Я хочу, – с готовностью отозвался Гена.

– Пока Даша выйдет из душа, вечность пройдет, – Арина закатила красиво подведенные глазки.

Фаина несколько секунд боролась с пощипыванием в носу и горле – напиток оказался излишне газированным, но ей такое нравилось. Апельсиновая пена лопалась на языке, как крошечные петарды.

– Что ты скривилась, как лепрекон? Давай уже рассказывай.

– У них куча золото, если верить легендам. Так что я не прочь стать одним из них.

– Ага, чтобы купить тонну мармелада и счастливо умереть. Так ты расскажешь или нет?

– Только что девчонка с третьего этажа хлебнула водицы из чайника.

– Ну и что? Обожглась?

– Лучше бы обожглась. В носике была огромная тараканиха.

– Господи, Фаина! Это, по-твоему, смешно?

Гена, тем не менее, криво улыбался. Фаина сделала еще один глоток и удовлетворенно крякнула. Сложно сказать, что понравилось ей больше: вкус энергетика или отвращение и негодование соседок.

– Я и не говорила, что будет смешно. Я предложила мерзкую историю. Хотя самое забавное я все еще не рассказала.

– Это еще не все? – с упоением спросил Гена.

– Не-а. Тараканиха решила дать многочисленное потомство прямо во рту. Наверное, так понравились новые апартаменты.

– Меня сейчас вырвет, – слабо сказала Наташа и побледнела.

Арина неосознанно накрыла рот ладонью.

– Вот и ее вырвало. Через пару метров после того, как она выскочила на меня из кухни.

Девушки в недоумении посмотрели на Гену, который крочился от смеха и отвращения. Фаина подмигнула ему, дала отведать волшебного зелья и направилась к себе с видом весьма самодовольным. Соседок затошнило.

– Умеешь поднять настроение! – крикнула Арина ей вслед.

Девушка отсалютовала им, открывая свою комнату и поддерживая пакет коленом.

– Будьте осторожны с посудой, друзья.

После хлопка двери остановился и шум воды. Даша вышла из кабинки в полотенцах вокруг тела и головы. Румяная и веселая, в отличие от соседей в очереди.

– С кем вы тут болтали?

– Фаина вернулась, – Наташа закатила глаза.

– И чем ты недовольна?

– Да юмор у нее...

– По-моему, это смешно.

– Что смешно? – спросила Даша, но на нее лишь махнули рукой.

– Опять ты пропустила самое интересное. А вот вышла бы из душа пораньше, а не заставляла нас ждать тут битый час, знала бы историю.

– Ой, ну и не надо, – девушка фыркнула и пошла к себе. Шлепанцы смешно чавкали от влаги.

Первым делом Фаина переделалась в удобную домашнюю одежду, а именно огромную растянутую временем и стирками футболку, больше напоминающую платье, и махровые белые носки, натянув один выше другого. Волосы были собраны в удобный хвост и крупными кольцами ниспадали на лопатки. Девушка убрала продукты по своим местам, раскрыла пачку чипсов, вдохнула изумительный запах морепродуктов.

Дело оставалось за малым – переставить ноутбук так, чтобы можно было смотреть сериал лежа, положить рядом вредную еду и наслаждаться этим вечером.

Едва все было предпринято, Фаина услышала громкий щелчок снаружи, затем девичий визг и чье-то недовольное «вот те на – хрен в томате!». Она моргнула пару раз и только потом поняла, что ничего перед собой не видит.

«Свет!» – тут же пронеслось в голове.

Но почему именно вечером? Почему не днем, когда все были на учебе или на работе? Почему сейчас, когда люди вернулись домой уставшие и просто хотят отдохнуть за просмотром сериала, освободить мозги от ежедневных сложностей? Неужели они решили, что нам не нужно электричество, будто мы так рано ложимся спать?

Фаина рассвирепела, но не могла двигаться быстро в такой темноте. Даже с улицы в комнату не попадало никакого света. Похоже, фонари в квартале тоже обесточены. Прекрасно.

Снаружи доносилась возня. Кто-то не успел домыться и вынужден был вернуться в комнату, очередь тоже рассосалась. Кто-то пошел узнавать у коменды, сколько это продлится.

Девушка осторожно отложила с колен ноутбук, приподнялась, выставила руки перед собой. Стараясь ничего не задеть, пошла к двери, не зная, зачем. Может, у кого-то найдется свеча. Как постоянный источник света она лучше, чем телефон, да и батарейку сажать не хочется.

Быть в темноте одной – некомфортно. Просыпаются гены первобытных людей? Темнота – плохо, страшно, быть одному *нельзя*. Кто кричит это нам из глубин подсознания? – нам, цивилизованным людям, равно далёким как от мистических суеверий, так и от саблезубых тигров. Почему без света нам неуютно? Только лишь потому, что мы лишены способности видеть привычные предметы и очертания?

Фаина не без облегчения нащупала дверную ручку. Не видя собственных рук, но вытянув их перед собой, она потихоньку выбралась из комнаты и очутилась в уже смолкшем коридоре. Зачем она куда-то идет? Здесь так же темно, как и внутри. Не рациональнее ли оставаться на своем месте и ждать решения проблемы, которой занимаются вместо нее?

Девушка вспомнила о сотовом. Подсветки экрана вполне хватило бы, чтобы развеять край сумрака. Почему она не подумала взять его с собой? Испугалась.

Фаина ни за что бы себе не призналась, что боится темноты. Она отрицала этот детский и унижительный страх, въедливый, как щелочь, не ослабевающий в течение всей жизни. Откуда

он появился – загадка. Но никто о нем не знал, и даже сама она не признавала наличие серьезной фобии.

До того самого момента, пока не оказывалась в такой тьме, что если выколоть глаза, разницы не заметишь.

«Темнота – это просто отсутствие света. Все предметы на своем месте, успокойся, Фаина. Иди. Тебе нужен человек. Какой-нибудь. Станет легче».

Она вспомнила, как тонула в таком же непроглядном киселе, когда забрела в комнату Яна, а он решил пошутить над нею. Знал ли он о ее страхе? Неоткуда ему было знать. Тем не менее, он это сделал, и в тот раз Фаине было куда страшнее, чем сейчас.

Щелчки зажигалок, перешептывания.

Казалось, девушка движется черепашными шажками и не отошла на метр от двери. Света отчаянно не хватало. Пальцы шарили в воздухе, пытаясь нащупать хоть что-нибудь. Дабы обмануть себя, Фаина крепко зажмурилась. Пусть мозг думает, что темнота – ее собственное желание. Будет не так противно.

– Ой! – девушка испуганно отдернула руки и отпрянула всем телом, наткнувшись на что-то упругое. – Кто это? – добавила тише.

С ответом тьма не торопилась, и пришлось повторить вопрос. Фаина понимала, что здесь ей не грозит ничто, чего действительно стоит опасаться. В темноте не таятся ни хищники, ни маньяки, ни ловушки с ножами. Максимум, что ее ожидает, это встреча с кем-то из соседей. И вот, встреча эта произошла.

Так почему же она вся дрожит?

– Кто это?..

– Это я.

Голос показался очень знакомым (откуда эта фраза? Где она ее уже слышала?), но в то же время слишком мягким. Будто говоривший хотел успокоить Фаину. Будто знал, чего она боится. В темноте даже привычное кажется непознанным, так что рано паниковать.

– Гена?.. Ты?

Девушка понимала, что для Гены этот некто слишком молчалив. Вот и теперь незнакомец не спешил отвечать. Но он все еще был рядом, Фаина слышала его ровное, глубокое дыхание. Тогда она протянула руки, чтобы проверить.

Да, все еще здесь. Может, над ней просто решили пошутить? Припугнуть. Таинственно молчать в темноте, ха-ха, как остроумно.

Фаина принялась ощупывать стоящего перед собой, приблизившись на расстояние шага. Явно мужская грудь. Оголенная, приятная на ощупь кожа. Ее хочется гладить, прижаться к ней щекой и закрыть глаза. Пальцы нащупали две очевидные выпуклости, и Фаина, ужасно смутившись, тут же опустила ладони к животу незнакомца, остановившись в районе пупка. Рядом стоящий клопочуще прочистил горло, вызывая мурашки.

– Ты не Гена, – выдохнула она и стыдливо опустила голову. Голос надломился – то ли от возбуждения, то ли от страха.

– Мхрф, я определенно не Гена.

Можно было дать руку на отсечение, что не-Гена ухмылялся, издавая эти странные звуки.

– Это *ты*, – девушка безвольно опустила руки, будто пойманная с поличным.

– Я, – признался голос.

Имена были лишними.

Они и так поняли друг друга.

Сейчас, не видя его брезгливого взгляда, с ним было легче разговаривать. Никто из соседей не поверит, *кого* ей довелось облапать, пока отключали свет... Девушка старалась поддерживать диалог, насколько ее хватит. Нечасто выдается возможность побеседовать с самим Яном без посторонних.

– Прости, что руки распускаю, – спохватилась Фаина. – Не думала, что здесь будешь ты. Так глупо.

– Тебе легче, когда света нет? – тихо поинтересовался он. И снова это странное «мхрф», будто какой-то присвист к речи, которого не было раньше.

– Я бы так не сказала.

– Тебе легче, когда ты меня не видишь, – понял голос. Фаина даже представила себе, как его обладатель кивнул.

– Вроде того, – призналась она и нервно рассмеялась. – Но куда все делись? Минуту назад я слышала голоса. И был какой-то свет.

– Зачем тебе остальные, м?

Она не сразу нашлась, что ответить.

Слышать голос Яна без самого Яна было странно. И в то же время очаровывало. Словно речь отделилась от тела и парила в воздухе сама по себе. Властный и немногословный, Ян был вездесущ. Ему хотелось повиноваться. Опустился перед ним на колени и мечтать, чтобы он коснулся костяшками пальцев твоего лба...

Фаина прогоняла странные мысли из головы, хмуря брови в темноте.

– Мне нужны остальные. Кто-нибудь из них. Я к ним шла, – почти бессвязный набор слов, но ничего осмысленного выдать не удалось.

– Ты боишься темноты.

– Мне нужна свеча. И я вышла взять ее у кого-нибудь.

– Не обманывай себя. Ты вышла ко мне.

Тут Фаина ощутила, что ей сжали запястье и поднимают его на уровень талии, переплетая пальцы. Она хотела отпрянуть, но ее не отпустили. Сердце съежилось в точку от укола иглой.

– Ты чего?

Волосы на голове зашевелились. Либо от ужаса, либо Ян играл с ними свободной рукой. Фаина уперлась ему в живот, чтобы вырвать ладонь из тисков, но с каждым ударом из груди вылетало лишь довольное уханье и все новые звуки, слабо похожие на людские. «Мхрф».

– Не надо со мной играть. Ты ведь не такая, как остальные.

– Именно поэтому я хочу уйти.

– *Перестань*, – внезапная грубость и твердость стали. Больше с ней никто не собирается любезничать.

И Фаина перестала, ибо голос так повелел. Казалось, все люди на этаже на время куда-то телепортировались. Лишь они вдвоем увязли во тьме.

– Кожа твоя, медом гладким покрытая, – начал Ян, и у нее все обледенело внутри.

Как? Что? Откуда он?..

– ...медью на скулах жестоких блестящая, – не без удовольствия продолжал сосед, смакуя каждое слово приятным баритоном, – полупрозрачным текущая вниз янтаре.

– Замолчи, – сквозь зубы зашептала Фаина. – Замолчи!

Так стыдно ей не было еще никогда. Но как он мог узнать?! Какой позор... он прочитал. Он все понял. И понял неправильно.

– Зелень таинственная, приглушенная...

– Это не про тебя, – выпалила она, краснея так, что темнота стала спасением от дополнительного позора. Щеки пылали, в висках издевательски шумела кровь.

– Но мне больше нравится другая строфа. Очень меткая.

– Замолчи, Ян. Ради твоего же блага, выпусти меня и дай уйти.

– Дьявольски, дьявольски мерзок и притягателен взгляд твой, и все, что его окружает. Ты почти нащупала. Но я слишком подсказываю, а не должен.

– Довольно! – Фаина так разозлилась, что вырвала руку, словно обиженный ребенок. – Если ты не знал, читать чужие дневники – плохо.

– Ты не представляешь, насколько я плох, Фаина. Я неразрывно связан со всем плохим, что происходит в мире. Не стоит за это меня винить. Таков уж я.

– Ты... невыносим! И не смей больше трогать мои вещи, взломщик!

– Фаин, ты чего кричишь?

– Что?

Пришлось вскинуть руку и прикрыть глаза от резкого луча света. Какая-то сцена из «Секретных материалов».

– Это я, Гена. Мы нашли батарейки и фонарик. Ты чего тут одна в темноте делаешь?

– В каком смысле?

Фаина посмотрела перед собой.

Там никого не было.

Глава 12, в которой Фаина оставляет вопрос без ответа

«...Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дочерьми смертных».

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

Закинув ногу на ногу, Фаина расположилась за кухонным столом и читала книгу, попивая черный чай без сахара, такой терпкий, что щипало во рту.

Около получаса назад она прикончила большую белую шоколадку – пористую, пьяняще сладкую, воздушно тающую на языке. Это были чудесные несколько минут непрерывного чревоугодия. То, ради чего стоит жить.

Теплая бежевая масса нежно обволокла желудок, остатками ублажая рецепторы. Губы и язык еще хранили вкус, который ни с чем не спутать. Вкус, от которого мутилось в голове. Белый шоколад...

Фаина всегда была к нему равнодушна. Плитка этой прелести могла вывести ее из душевного равновесия, заставить забыть о диете, болезни, подарить истинное счастье. Пусть и на время. Но разве не в этом смысл любого счастья – в его краткости на фоне бесконечных пучин ненависти к себе и к жизни?

Девушка увлеченно перевернула страницу и отпила из кружки. Все бы ничего, вот только снова обожгла язык. Торопилась ощутить то, что напоминает о детстве – полный рот сладостей плавится от горячего крепкого напитка, и тебе хорошо настолько, что остается зажмуриться.

Но Фаина быстро расправилась с шоколадкой не только поэтому. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел, как она вновь вредит себе, отклоняясь от наставлений врача. В блоке уже знали о ее болезни и симптомах, время от времени напоминающих о себе.

Соседи за ней приглядывали, порой слишком пристально. Даже усталость и плохое настроение принимали всерьез, отправляя пить лекарства и отдыхать. Не знал о диабете разве что Ян – но ему было плевать на все, кроме собственных увеселений.

А вот если бы на кухню в момент шоколадного грехопадения зашел Гена или Кирилл, Фаине бы не поздоровилось. Она спрятала смятую упаковку и фольгу поглубже в помойное ведро, присыпала мусором. Заметить не должны.

В ближайший час появится Мила. Еще одна причина избавиться от улик. Подруга так усердно промывала Фаине мозги по поводу здоровья, что проще делать вид, будто слушаешься ее, чем противостоять напористой опеке. Всегда легче притворяться, словно мнение окружающих что-то значит для тебя. Но поступать по-своему.

Прежде Мила никогда о ней так не беспокоилась. Даже когда случилась та страшная ангина. В те две недели казалось, что и правда висишь на волосок от смерти. Когда ночью просыпаешься от удушения, потому что в горле отек, когда не можешь ни спать, ни есть от ужасной боли, которой нет конца, сложно представить, что впереди тебя ждет прежняя жизнь.

А сейчас подруга готова таблетки пересчитывать, дабы выяснить, все ли из них приняла Фаина и в нужное ли время. Неужели и правда происходит что-то очень серьезное? Почему же она не чувствует себя на краю гибели? Эта болезнь обосновалась в ней и разрастается невидимо глазу. Если ангина ни на миг не прекращала мучить тело, то диабет делает это изредка, весьма избирательно, как хитроумный садист в маскировочном костюме.

Фаина всегда наплевательски относилась к телу – оболочка из мяса и крови не заслуживает большого внимания. Так все и было, пока эта оболочка не стала давать серьезные сбои. А хотелось хотя бы до тридцати не волноваться о последствиях.

Теперь приходилось лечиться, стараясь соблюдать диету. Но пару раз в неделю она обязательно теряла контроль и компульсивно объедалась небольшой дозой сладкого втайне от всех. Отказать себе в эйфории было выше ее сил. Чем крепче опутывала болезнь, тем ярче проявлялось пристрастие ко всему, что ей способствует.

Замкнутый круг.

А еще этот Ян... Каждое воспоминание о нем мучительно, словно жажда. Каждая мысль о нем превращает в засушенный ад и без того безрадостное существование.

За что он появился здесь, за что эта кара обрушилась на ее голову? Она сходит с ума. Иначе происходящее не объяснить. Но вот вопрос на миллион – что доконает ее быстрее: диабет или сумасшествие?

Размышляя об этом, Фаина упустила нить повествования, механически пробежав глазами целую страницу и не уловив смысла. Она нахмурилась и отложила книгу. Нужно сделать еще чая. Его запах успокаивает, помогает думать. Пусть даже думать над тем, что хотелось бы забыть.

Этажом ниже на лестничном пролете местный музыкант терзал струны, исполняя лучшие хиты Джонни Кэша в своей «грязной» манере. На кухню четвертого этажа доносились лишь самые звучные аккорды, но и по ним можно было узнать мелодию.

Фаине представлялось, будто парень курит и смотрит из-под полов широкой ковбойской шляпы – вдаль на красный шар уходящего солнца... Захотелось посмотреть какой-нибудь фильм подобной тематики.

Внезапно раздался шум, рассеявший иллюзию, и в помещение вбежала Наташа. Прикрывая ладонью запрокинутое лицо, она ринулась к ближайшей раковине и включила воду во весь напор. Фаина не успела понять, что произошло, пока соседка коротко не обернулась. Нос и губы – в крови. Неужели новый ухажер все-таки припоймал ее? Может, хотя бы теперь перестанет ломиться в двери по ночам.

– Что случилось? Наташ? – Фаина подошла к ней, чувствуя себя неловко. Не знала, чем тут можно помочь.

– Да понятия не имею, – голос девушки был ровным и спокойным. Значит, ничего сверхъестественного не произошло. – Никогда такого не было. И тут – на!

– То есть, тебя никто не ударил?

Наташа посмотрела на соседку, искренне вскинув брови.

– Что ты имеешь в виду? Кому и зачем меня бить?

– Ну... даже не знаю, – Фаина пожала плечами. Тон ее намекал на то, что обе они прекрасно знают, кто это мог быть.

– Говорю же: просто пошла кровь. *Без причины.*

Наташа выпрямилась, вытирая лицо полотенцем, и добавила:

– У Лизы, кстати, то же самое было на днях. Это странно... Может, какой-то вирус? Или магнитные бури? От чего идет кровь обычно?

– От... – Фаина задумалась, склонив голову набок, – облучения?

Наташа скривилась, приняв это за издевку.

– Надо провериться, – помрачнела она вдруг, будто вспомнила нечто неприятное.

– Не думаю, что это венеричка.

– А что тогда?

– Чем ты занималась, когда это случилось?

– Да ничем таким... вешала белье на балконе.

– Ты была одна?

– Ну да. Поначалу да. А потом выходил курить *этом* из 405-ой, – Наташа даже закатила глаза, так ей не хотелось называть имя соседа. – Пробыл там пару минут и ушел. А какое это имеет значение? Мы с ним даже не разговаривали.

Фаина тихо опустила на стул и уставилась в книгу. Наташа говорила что-то еще, а потом ушла, так и не дождавшись ответа. Наверняка, когда кровь пошла у Лизы, Ян тоже находился поблизости. Совпадение? Или организм, как и психика, тяжело справляется с присутствием этого человека.

Накапливает что-то и в конце концов не выдерживает.

Если и раньше вокруг его фигуры происходили необъяснимые вещи, то почему бы и нынешние странности ему не приписать? Это было бы логично. Не только у Фаины открылась непереносимость Яна. А что, если у него дурная энергетика или что-нибудь в этом роде? И все, кто долгое время контактирует с ним, заболевают? Бред, конечно. Но разве есть другие версии?

Нет более закономерной в мире вещи, чем совпадение.

Фаина преисполнилась решимости со всем этим разобраться. Никто не поверит ее теории, даже если у всего блока, кроме Яна, одновременно хлынет носом кровь. Ее сочтут еще более странной, нежели сейчас.

Люди отмахиваются от всего, что не могут объяснить. Зачем утруждать себя поиском истины, если можно сделать вид, будто ничего не было? Возможно, все само собой рассосется. Никто ведь не запрещает на это надеяться. А пустые надежды так нравятся людям.

Необходимо каким-то образом заставить Яна сказать правду. Ведь даже черту ясно – он тут замешан. Вот и пусть объясняет то, что Фаина видела и испытала, но не может никому рассказать, не прослав помешанной. Он будто специально хочет выставить ее умалишенной перед всеми. Довести.

Что ж, у него почти получилось убедить Фаину в собственной неадекватности. Но она не собиралась сдаваться.

Допустим, некоторые случаи еще можно объяснить рационально. Монеты она и правда могла упустить в панике – они, может, спрятались в складке внутреннего кармана, и при большом волнении она не сумела их нащупать. Турникет – заглохнул, такое бывает. Штопор украли. Та девушка на улице могла и обознаться. Уколы? Примерещилось со страха. И так далее.

А вот откуда Ян узнал, что Фаина пишет в своем дневнике? Очень просто. Если он один раз сумел взломать дверь в ее комнату, сможет и еще раз. Другой вопрос – зачем ему это нужно? Проникать в крошечную комнатку, захламленную, безо всяких ценностей?

Фаина представила себе, будто юноша рылся в ее вещах, обнюхивал их, словно животное. Возможно, что-то забрал себе. Какую-нибудь мелочь, пропажу которой она нескоро заметит.

Мысли эти угнетали и раздражали одновременно. Фаина выдохнула и размяла лицо твердыми прямыми пальцами. Едва она попыталась сосредоточиться на сюжете книги, на кухню, легкий на помине, вальяжно вплыл Ян.

Его движения казались вызывающе томными, полными потаенной сладости и неги. Он часто так передвигался, по-кошачьи, когда не обременял себя лишней одеждой. Без нее он ощущал себя по-настоящему в своей шкуре, щеголяя соблазнительным телом.

Ян был в свободных светлых брюках, босой, словно какой-нибудь святой мученик, сошедший прямо с облака на землю, несущий за собой свет и благословение господина. Эти длинные жилистые ступни... На них хотелось смотреть непрерывно, без стыдливости. Будто раскроешь какую-то тайну, наблюдая за тем, как кожа обтягивает суставы и мышцы.

Молодой мужчина легко подхватил чайник, набрал воды и поставил на плиту. Зашумел синий цветок огня, облизывая ржавое дно, испаря лишнюю влагу. Не обратив внимания на Фаину, сосед нашел свою кружку и принялся тщательно мыть ее под струей воды.

Как всегда, в его жестах было некое таинство. Словно лишь ему одному во всем мире известны самые точные движения, самые выразительные взгляды, самые верные слова... и он не имеет права тратить их на ерунду. Как и разглашать.

Ян вел себя непринужденно, позволял наблюдать за собой и ничуть не интересовался зрителем. Прирожденный актер. Может, зря он отказался от роли в спектакле? Прав был тот парниша – дьявола должен играть только такой ублюдок, как Ян.

Гладкая матовая кожа его спины, груди и рук бросалась в глаза как нежный медовый бисквит на пустом прилавке. Она должна быть сладкой на вкус, уверяла себя Фаина, настойчиво глядя в книгу и не разбирая ни строчки. Она обязана быть сладкой, как нуга или карамель.

Или как белый шоколад.

Ян неожиданно громко прочистил горло, будто в тишине зарычала собака, срываясь на лай. Фаина вздрогнула, подпрыгнув на стуле, подняла глаза на соседа, который снова испытывал ее нервы на прочность. Тот едва улыбался, будто слышал все, что она подумала.

Но это, разумеется, невозможно. Просто игра воображения. Ее фантазию поймали с поличным. Вы арестованы за желание укусить человека. Все, что вы подумаете, будет использовано против вас на суде божьем. Аминь.

Присмотревшись, девушка разглядела на спине Яна свежие царапины, а на левом плече – след зубов. Значит, кто-то уже попробовал его на вкус. А ему все равно, блуждает с обнаженным торсом и глазом не моргнет.

Фаине стало противно. В голове пронеслись вполне естественные картинки совокупления с очередной дурехой, что радостно раздвинула перед ним ноги и вскоре была выброшена, как одноразовая посуда. Поели и хватит. В следующий раз возьмем новую.

Фаина скривилась, чего юноша не заметил, но сделала бы то же самое, даже если бы он наблюдал за нею. Представить этого насквозь фальшивого человека в порыве страсти затруднительно. Как это существо может любить? Целовать кого-то? Гладить по волосам, шептать на ухо, быть нежным?.. Разве есть в нем хоть одна искренняя черта, кроме высокомерия?

Ожидая закипания чайника, парень сомкнул руки в кольцо над головой, зевнул, потянулся, хрустнул позвонками. От натяжения кожи на мгновение прорисовались несколько ребер. Обыкновенный, вроде бы, человек. Зевает, значит, все-таки спит, кости есть. Внутренние органы, пожалуй, тоже, раз уж он питается. Все это глупо, конечно, но ничто так не напоминает нам о человечности и, в первую очередь, смертности, как подчеркнутая физиологичность.

Фаина прислушалась к ощущениям. Не пойдет ли снова кровь? Не стоит дожидаться, пока это случится. Нужно отсюда уйти и впредь избегать оставаться наедине с этим пышущим здоровьем и красотой мужчиной. Который словно с каждым днем по крупице обкрадывает живущих по соседству людей, насыщаясь чужой энергией.

Их взгляды пересеклись.

Теперь чай точно подождет.

Морально тяжело находиться один на один с существом, которое нельзя ничем смутить, нельзя вывести на эмоции, нельзя заставить произнести хоть слово или отвести глаза, если оно того не хочет.

Несмотря на множество вопросов, которые имеются у Фаины в его адрес, сейчас она не намерена его расспрашивать. Момент слишком неподходящий, плюс скоро придет Мила, плюс необходим хороший план. Или последняя капля, что переполнит чашу терпения.

Девушка поднялась под неотрывным взглядом темной августовской листвы – взглядом надменным и подстегивающим. Подъем вышел излишне резким – голова ушла в крутое пике, ноги, затекшие от долгого сидения, не справились с простой задачей.

Большая доза сахара дала о себе знать, будто попала в кровь лишь тогда, когда девушка начала активно двигаться. Фаина пошатнулась и почти рухнула на пол, с грохотом схватившись за стул. Тот подскочил и громко ударился о стол, но все-таки спас ее от позорного падения. Крепко держась за мебель, будто за край обрыва, девушка поднялась на дрожащих ногах, избегая назойливого взгляда.

– Что с тобой? – нахмурился Ян.

Она повернула к нему голову и обожглась стыдом.

– Ничего.

– Врать *мне* бессмысленно.

– Да от тебя вообще трудно что-либо утаить. Включая собственные мысли.

Девушка выпрямилась и старалась привести в порядок дыхание. Казалось, еще минута на ногах, и она отключится. Как бы добраться до кровати?.. Эти несколько метров от кухни до комнаты в таком состоянии казались непреодолимыми. А присутствие Яна лишь усугубляет ситуацию.

За ошибки и слабости приходится платить.

И плата велика.

– Ты вредишь себе, – Ян скрестил руки на груди, осматривая ее исподлобья. – И тебе становится хуже.

Он становился все более раздраженным с каждым сказанным словом. И в то же время его тело напряглось – он готов был ринуться вперед и поддержать Фаину, если потребуется.

– Неужели? – она попыталась удивиться его непобедимой логике, но голос охрип. – Как ты до этого додумался?

Даже сейчас, на грани обморока, она язвила в адрес Яна, сама не зная, зачем. Очень хотелось пить. Как никогда прежде. Она – пустыня. Сейчас рухнет и рассыплется, забьется песчинками в каждую ямку и трещинку, останется здесь навсегда. Сухая и шуршащая, вечно выпрашивающая половой тряпки.

Ад.

– Сарказм тебе не поможет.

– И что же ты предпримешь на этот раз? – пришлось закашляться, чтобы продолжить, – сделаешь так, чтобы у меня снова пошла кровь? Или что-нибудь серьезнее на сей раз? Я вся трепещу перед... твоим очередным фокусом.

– Этот тебе точно не понравится, – пообещал сосед.

– Можно подумать, мне нравились предыдущие.

Фаина не совсем понимала, о чем они говорят, но считала своим долгом поддерживать туманный диалог, щедро удобряя едкими высказываниями. Не так уж часто Ян заговаривает с нею, чтобы упускать шанс что-нибудь выяснить или хотя бы уколоть его. Ну, или еще больше запутаться.

В голову словно киселя влили, мутного и густого, и теперь он там болтался, неравномерно застывший, ленивыми волнами катаясь от одного уха к другому. Мешал думать.

– Напрасно ты так с собой.

– Сама разберусь.

Нужно было уходить, но как заставить тело слушаться?

– Мне это надоело.

– Что именно? – скривилась она, глядя мимо него.

– Твое отношение к себе.

– Это вообще не твое дело.

Ян нахально ухмыльнулся, чем вызвал пренебрежительный взгляд собеседницы. На каждый его оскал у Фаины имелся антидот в виде глубокого (пусть и напускного) безразличия, граничащего с отвращением. Ян мог влиять на людей своей мимикой и жестами, умел убеждать, заставлять, совращать, но относительно Фаины все его уловки были безнадежны – они отскакивали от ее непробиваемого панциря, как пластиковые дроботы от бетона, оставляя лишь мелкие царапины.

Он мешал ей жить, на этом его влияние оканчивалось. Глубже в мысли и эмоции девушки ему не удавалось проникнуть, как он ни старался. Хотелось верить, что он бесится от этого.

Фаине надоела бессмысленная перебранка, и она, пошатываясь, заставила себя уйти. Ян проводил ее взглядом, полным неприкрытого желания помочь, проводить до постели, чтобы она не упала, ведь была так слаба, что у него сами собой поджимались губы.

Это показалось Фаине странным, особенно в свете того, что каждая его фраза звучала как угроза. Впрочем, резкие смены настроения свойственны Яну так же, как и смена цвета – хамелеону, и не стоит удивляться, когда его гнев легким движением брови превращается в сочувствие. Или же наоборот.

Коридор расплывался перед глазами, бледно-зеленые стены кружились в медленном вальсе, обманывая – на них нельзя было опереться. Сознание оставляло ее. Не без труда дотащив бунтующее тело до двери, а потом и до кровати, Фаина упала и пролежала до тех пор, пока силы вновь не прильнули к ней.

Затем приняла таблетки и измерила уровень сахара. Глюкометр показывал число гораздо выше допустимой нормы. Плохо. А чего еще стоило ожидать, объевшись шоколада? И каким чудом отказать себе в сладком, если твою дерьмовую жизнь можно разбавить только маленькой ложкой меда?

Даже при смерти Фаина не сумела бы запретить себе конфету. Она сдерживает себя во многом, стала есть полезную (отвратную) пищу, ограничила потребление сладкого и алкоголя...

Казалось бы, за такие жертвы организм должен сказать спасибо, но и этого ему недостаточно! Если мозг не получает радости ниоткуда, кроме вкусовых рецепторов, больше ничего не остается, кроме как вредить себе.

Через четверть часа Фаине полегчало, и она отбросила мысль написать Миле с просьбой на сегодня отменить визит. Пусть приходит. Пусть ругает ее, вправляет мозги, сетует на ее безалаберное отношение к себе. Пусть. Она виновата и заслужила это. Если Мила отчитает ее, может, это приглушит совесть.

Фаина отлеживалась, раздумывая над тем, что сулит ей обещание Яна, оставленное без разъяснений, пока не явилась Мила. Та с порога заявила, что подруга выглядит слабой и похudevшей.

- Да нет, – отмахнулась Фаина с натянутой улыбкой. – Простыла немного.
- Сладкое ела сегодня, руку даю на отсечение.
- Я похожа на камикадзе? Точно не в день твоего визита.
- Да?.. А выглядишь так, будто приступ был недавно.
- Я всегда не очень себя чувствую после дневного сна. Сама ведь знаешь.
- Да? Ну ладно...

Фаина не собиралась лгать. Но почему-то так вышло самой собой. Мила, кажется, поверила. И тут же начала щебетать о своих делах.

– Ты зна-аешь, я так много симпатичных парней встретила, пока шла по студгородку, ну просто кошмар! В том плане кошмар, что надо мне тут почаще бывать, а то чего добро пропадает-то?

- Действительно, – по привычке откликнулась Фаина, растирая затекшую шею.

Сейчас, когда Мила оказалась, наконец, рядом, все дурное вдруг отступило. Фаине действительно становилось легче в присутствии этой легкомысленной девушки. Не так страшен становился диабет. Не так уж мистична вся ситуация с новым соседом. А сам Ян вообще отменялся на задний план.

Они деловито расселись на полу и устроили долгожданный покерный турнир. Мила была в нем хороша и имела страсть к азарту, а Фаина всегда играла ради удовольствия, оставаясь безразлична к победе или проигрышу. Именно поэтому ей так везло.

Три раза она заставила Милу нервно ударить по полу от досады. *Тройка на валетах*, пара тузов и стрит до десятки. Не такие уж сильные комбинации, но Миле сегодня карта отчаянно не шла.

– Как говорил один киногерой, проиграв в казино: «Это значит, сегодня мне повезет в другом»¹³, – заметила Фаина, стараясь поддержать подругу.

Посреди партии, когда вот-вот мог сложиться симпатичный червовый флеш, лицо Милы приобрело испуганно-растерянное выражение. Она не мигая глядела подруге за спину, на дверь, приоткрытую из-за духоты. Фаина обернулась, продолжая сидеть в позе лотоса. В нешироком проеме виднелась полоса мужского тела и часть лица с пугающе зеленым глазом, будто горящим изнутри.

Сосед просто стоял и смотрел на них. Без эмоций, но слишком пристально. И кто-то считает его нормальным? Фаина поморщилась и поднялась на ноги. Не теряя времени на расспросы, она громко захлопнула дверь и замкнулась изнутри. Сердце колотилось, как заводная игрушка.

– Извини за нескромный вопрос, но... кто это, черт возьми, был? – дрожащим голосом спросила Мила, забыв о картах.

– Так... местный псих. Не бери в голову.

– И часто он вот так?

– К сожалению, да. Открой-ка форточку, а то мы тут задохнемся.

– Он странный, – Мила не двинулась с места, находясь под впечатлением.

– У него не все дома. Ты, кстати, побледнела. Как себя чувствуешь? Нет странных ощущений?

– В смысле? – заволновалась Мила.

– У тебя когда-нибудь кровь из носа шла?

– О чем это ты?

– Ни о чем.

– Ты меня пугаешь.

– Забудь.

– Мурашки по коже, смотри, – Мила продемонстрировала руку. – С такими соседями надо быть осторожнее. У него взгляд маньяка.

Фаине вспомнилось, как Ян всадил в ее тело сразу несколько игл, выключив свет, и слова подруги показались не такими уж далекими от истины. С той ситуацией надо будет тоже разобратся при случае.

– Этот засранец на многое способен, но, к счастью, пока никого не убил.

– Пока?! Звучит тревожно.

– Выбрось его из головы, я серьезно. Так будет лучше.

– Ладно. Постараюсь. На чем мы там остановились?

– Ты будешь повышать или нет?..

Девушки продолжили игру, но сосредоточиться на ней стало невозможно. Ян словно какой-то вирус, опасный паразит. Если зацепил хотя бы раз, то уже не отвяжется. Сначала поражает центральную нервную систему, затем память, координацию... Все в организме постепенно выходит из строя. А потом начинаются кровотечения и недомогание. Логично? Даже очень. Нет, нужно отбросить бредовые мысли.

Играть больше не хотелось, и девушки включили Футураму.

Миле нравился этот мультсериал, а вот Фаина смотрела его только за компанию. Ни за что бы не променяла она свою любовь к Спанч Бобу на что-то еще. Забавно, как в разные

¹³ Фразу произносит Тони Старк в фильме «Железный человек», 2008.

периоды своей жизни девушка воспринимала себя в качестве разных жителей Бикини Боттом. Лишь недавно она поняла, что сравнивает себя с ними, будто они ее личные архетипы.

Иногда она была как мистер Крабс – пыталась заработать все деньги мира, пахала как проклятая, задерживалась допоздна, берегла лишнюю копейку, брала дополнительную работу на дом.

Временами в ней просыпался ворчливый Сквидвард, и она ненавидела окружающих, особенно жизнерадостных, ведь их счастье загораживает обзор и искажает объективную картинку. Как и Сквидвард, Фаина была апатична, необщительна и саркастична – больше ничего не остается, когда тебе не суждено быть понятым хоть кем-то.

И еще один пример для подражания – Патрик. Девушка часто ощущала себя такой же неуклюжей тупицей, неизвестно как ускользнувшей от властной руки естественного отбора.

Обучаясь в вузе, она успела побывать и в роли Сэнди Чикс. Испытывала жадное любопытство к миру, задавала слишком много вопросов, грезил философскими системами и этическими экспериментами. Пока не поняла, что люди спокойно живут без этого. Им это просто не нужно, да и ей тоже.

Но чем старше становилась Фаина, тем сильнее ей хотелось походить на главного героя. Верить в чудеса и в доброту людей, уметь радоваться сущим пустякам, встречать каждый день с улыбкой, находить плюсы в самых дрянных ситуациях. Смеяться и плакать *искренне*. И все менее достижимой становилась эта мечта.

Пока Фаина пялилась в экран, ничего не видя перед собой, Мила следила за сюжетом, смеялась и комментировала что-нибудь, не замечая, что подруга не отвечает. Подобное с ней происходило часто. Но стоило Миле напрямую обратиться к ней, та вздрогнула и вернулась из глубин сознания.

– Фэй?..

– А?

– Говорю, в туалет хочу.

– И в чем проблема? Выход там.

– А если там будет *он*?

– Кто? – не поняла Фаина.

– Ну, тот самый. Маньяк.

– Ну и что? Просто не стой рядом с ним долго.

– Почему?

Фаина вздохнула и посмотрела в окно. Не стоило раскрывать всех карт. Все равно ведь не поверит.

– Просто поверь мне на слово. Его лучше избегать.

– Да что у вас тут происходит? – с подозрением прищурилась Мила.

– У нас тут общага, тротил мне в зад! – Фаина пригрозила кулаком неизвестно кому, пытаясь развеселить и отвлечь подругу. Та была испугана и не скрывала этого.

– Ладно, я пошла. Если что, буду кричать.

– У нас, конечно, грязные туалеты, но не настолько же, – подыграла Фаина.

– Ты сегодня прям шутница, – Мила состроила рожицу и изменила голос на самый противный, чтобы сообщить это.

– Иди уже, пока в очередь не попала. Я за тобой полы мыть не буду.

Девушка достала из сумочки бумажные платки с миньонами и тихонько вышла. Пользуясь отсутствием бдительной подруги, Фаина потянулась к секретному отделению, достала конфету, сорвала этикетку, спрятала ее в карман, бросила блестящий леденец в рот и тут же раскусила.

Как жаждала она ощутить этот желанный и запретный яблочный привкус, кисло-сладкий. Но вместо этого во рту сделалось гадко, будто жуешь большую таблетку парацетамола, не запивая водой, и своей горечью она вяжет тебе язык.

Пришлось выплюнуть на ладонь кусочки леденца, битое зеленое стекло, поднести к лицу, обнюхать. Полупрозрачные, мокрые от слюны, они пахли и выглядели абсолютно так, как и полагается конфетам. Фаина тронула их кончиком языка. Горчит. Бред какой-то.

Пришлось выбросить эту и достать новую в надежде, что это был глюк – ее ощущений или самой жизни – и надо скорее сделать вид, что не заметил его. Но и вторая конфета отдавала горечью, и третья.

Фаина грязно выругалась. Что происходит? Это уже не смешно. Карамель не бывает горькой, конфеты не могли испортиться, ведь там сплошной *sachar*.

Вкусовые рецепторы сошли с ума. Бывает ли такое при ее болезни? Никто не упоминал о подобных симптомах – ни врач, ни на форуме в интернете, хотя, казалось бы, на форумах обожают приплетать все возможные и невозможные признаки.

Выбросив все три конфеты в мусорное ведро, Фаина испугалась. Нужно было срочно убедиться, что она не сходит с ума. А что еще поможет убедиться в этом, как не алкоголь? Девушка протиснулась за шкаф и достала оттуда тяжелую бутылку золотистого рома, жадно сорвала крышку, глотнула из горла, не опасаясь, что за столь неприглядным занятием ее может застукать Мила.

Нет, с ромом все было в полном порядке. Пиратское пойло из золотых запасов отправилось на законное место, ждать самого черного дня. Как будто он еще не наступил.

Фаина глубоко вздохнула. Все хорошо. Просто, возможно, с ее рецепторами и правда что-то не так. Например, так организм сопротивляется новой дозе сладкого сразу после приступа.

Наверняка это некие непознанные внутренние механизмы, и всему найдется рациональное объяснение. Просто не нужно паниковать и придумывать глупости. Ну кто мог подложить тебе горькие конфеты, чтобы поиздеваться? Или обмазать твои конфеты чем-то... не надорвав фантика? Все это бред. Нужно подождать до завтра и попробовать снова.

Но где же Мила? Как-то слишком долго ее нет. Почему не возвращается? Неужели и правда попала в очередь? Сколько времени прошло, пока Фаина пыталась разобраться со своими ощущениями? Девушка обулась и вышла из комнаты, предчувствуя неладное.

Этаж казался пустым, если смотреть от балкона, и неестественно тихим. Не к добру это.

Фаина ускорила шаг. Она заглянула в туалет, на кухню, на лестничный пролет, но не нашла подруги. Звать ее по имени казалось глупостью. И тут зазвенел в спертom воздухе колокольчик – робкий смех Милы, смех маленькой девочки, которую рассмешил взрослый дядя, и она не смеет показать своих эмоций во всю полноту, как не смеет и не показать их вовсе.

Фаина нахмурилась и сжала зубы.

Она обнаружила Милу у раковин рядом с душем, в другой части этажа, далековато от функционирующего туалета. Мила была не одна, компанию ей составлял Ян. Молодой мужчина нависал над нею стеной из лакомой плоти, облокотившись мускулистой рукой о стену над розовой головой Милы.

Девушка вжималась в эту стенку лопатками, запрокинув личико вверх, чтобы Яну было удобнее гладить ее подбородок и губы, что-то тихо и непрерывно нашептывая. Они глядели друг другу в глаза так, словно ничего извне не могло бы нарушить эту связь. Мила то и дело хихикала, тая от прикосновений грубых мужских пальцев к своей нежной коже.

Она вся превратилась в мягкое податливое тесто в умелых руках этого мерзавца. Еще немного, и он сможет делать с нею, что хочет. Прямо сейчас взять за руку и увести, дабы воплотить самые грязные фантазии.

Оба не заметили Фаину, что не на шутку разозлило ее.

– Мила, а ну-ка идем отсюда. Эта компания не для тебя.

Мила медленно повернула голову на звук, с трудом заставляя себя оторваться от зеленого взгляда. Она выглядела зачарованной. Потерянной и сонной. Пришлось взять ее за руку и насильно вырвать из гипнотического плена. Тело девушки подавалось как мармеладная тянучка.

Ян и не думал препятствовать. Он глядел на Фаину с интересом и даже неким вызовом. Мила была словно не в себе, но, оказавшись на расстоянии от Яна, более-менее очухалась. Грозно посмотрев на соседа напоследок, Фаина увела подругу. Та еле переставляла ноги и то и дело оборачивалась, приоткрыв рот.

Минут двадцать продолжалась бессмысленная беседа, больше похожая на допрос проблемного подростка строгими родителями. Мила будто ничего не могла вспомнить, как и ответить за свои поступки. Сколько бы Фаина ни билась, не удалось узнать ничего адекватного.

Вскоре Мила решила, что лучше ей, наверное, пойти домой. Фаина проводила ее, а возвращаясь к себе, столкнулась в коридоре с соседом и с нескрываемым раздражением задела его плечом.

– Держись от нее подальше.

– А от тебя?

Она оставила вопрос без ответа, хотя он обжег ее, пробрал до самых костей. Как мог Ян спросить у нее подобное? Наверняка просто издевался.

Фаина поспешила к себе. Нужно было еще многое осмыслить в тишине – без сладкого, но хотя бы с тем, что ей оставили как утешительный приз.

Глава 13, в которой Фаина выходит из себя и жалеет об этом

«Дьявол может вводить людей в искушение, пользуясь также их предрасположениями. Ведь тело, предрасположенное к похоти или к гневу, легче поддается внушениям, связанным с этими страстями».

Яков Шпренгер, Генрих Инститорис – «Молот ведьм»

Фаина училась жить без сладкого, и давалось это предсказуемо тяжело.

Организм все еще сбоил – вкусовые рецепторы так и не вернулись в норму. Запрет есть то, что тебе хочется, морально тяготил. Ей казалось, уже целую вечность она ощущала проклятую горечь вместо желанного вкуса, который успокоил бы нервы. Теперь она испытывала удовольствие лишь от алкоголя. Она сошла бы с ума, если бы ей не оставили и его.

Невыносимо хотелось ощутить вкус шоколада – пусть даже крошечной конфетки размером с ноготь. В супермаркетах, двигаясь мимо рядов со сладостями, видя прямо перед собой все эти венские вафли с воздушной начинкой, разноцветные леденцы, густо покрытый медом чак-чак, разнообразие батончиков в молочном шоколаде, Фаина испытывала мучения, несравнимые с муками ада. Ей хотелось сесть на пол и плакать. И неважно, что это ничего не изменит.

Ее лишили физической возможности употреблять любимые сладости, и не было иного выхода, кроме смирения, но к нему еще нужно было прийти. Безвыходность положения сводила с ума.

Иногда Фаина выпивала слишком много, и ее посещало безумное желание – купить себе несколько шоколадок и съесть всем назло, несмотря на нестерпимую горечь во рту. Зажать нос и сожрать, бездумно, без остановки.

Кто сотворил с ней это и зачем?

Девушка старалась все свободное время забивать голову, лишь бы мыслей о странных выходах ее организма, а также о виновнике всего этого, там не оставалось. Возможно, когда-нибудь это пройдет. Или хотя бы ослабнет. А пока что придется быть раздражительной и злой. И пусть окружающие пеняют на себя.

В тот злополучный вечер Ян вновь переключил тумблер своего темперамента. Из молчаливого флегматика с печатью перманентной усталости на лице и взглядом, полным нетерпимости ко всем несовершенным вещам, его окружающим, он превратился в шумного гуляку, озорника и фата, смысл жизни которого заключается в том, чтобы как можно скорее прожечь молодость. В такие моменты гедонизм в нем достигал апогея.

Похожее бывало и раньше, но Фаина до сих пор не уловила, как это у парня получается совмещать в своем характере взаимоисключающие черты. Склонность любого человека к подобной переменчивости – по щелчку пальцев – была предупреждающим звоночком. Хотя, если подумать, таких звоночков прозвенело уже слишком много.

И вовсе это не пресловутая многогранность личности, о чем предполагали некоторые соседи, когда речь заходила о Яне и его переменчивости. Фаина была убеждена: это тот тип неискренности, когда люди ведут себя по-разному в зависимости от компании, в которой оказались. Что вряд ли заслуживает восхищения.

Ассортимент масок на лице никогда не нравился Фаине, как и способность быстро эти маски менять. И жаль, что Ян оказался таким тривиальным. С его внешностью подошло бы

постоянно поддерживать образ молчаливого мизантропа с выразительным взглядом и темной душой, сокрытой за толстым панцирем высокомерия.

Иногда он таким и был, но сам же это амплуа разрушал.

Фаина привыкла быстро разочаровываться в людях, но Ян и тут сумел прыгнуть выше головы. Вечером он привел шумную компанию – множество девушек и парней, включая Кирилла со своей пассивностью, алкоголь, громкая музыка, танцы и грубые животные заигрывания. Должно быть, вся толпа не уместилась в 405-ой – топот и голоса постоянно слышались то на кухне, то в коридоре, то на балконе. Горластая орда под руководством Яна заполонила этаж.

Взрывы смеха, звон стекла и визги поначалу не особо беспокоили Фаину. Что ей чужие развлечения, пока есть наушники, интернет и стаканчик пива? Главное, что в ее комнату никто не лез.

Несколько часов подряд она слушала альбомы Майкла Джексона и серфила сайты, собирая информацию для саморазвития (а этим уже надо было заняться всерьез, она чувствовала, как медленно деградирует), так что думать о вечеринке, эпицентр которой находился в нескольких метрах от нее, не приходилось.

Около двух ночи, собираясь ложиться спать, Фаина поначалу не поняла, почему музыка не прекратилась. Обычно, стоило вынуть наушники, засидевшись допоздна, и тишина спящего этажа обрушивалась на тебя, ватой закупоривая уши, в которых только что была гарнитура.

Но не в этот раз.

Девушка откинулась на стуле, хрустнула шейными позвонками и протерла глаза. Усталость моментально дала о себе знать, свинцовой шалью опустившись на шею и плечи. Ленно было даже подняться и переодеться, чтобы лечь в постель, не говоря уже о чем-то вроде бурного веселья по соседству.

Судя по звукам, вечеринка в самом разгаре.

«Неужели никого, кроме меня, это не беспокоит? – подумала Фаина с легким уколом негодования. – Почему коменда, при всей своей строгости к остальным, позволяет ему все это? За что такие привилегии? После одиннадцати все гости обязаны выметаться, и уж тем более не издавать такого шума, чтобы лишать сна жильцов».

Негодование Фаины держалось на прежнем уровне те полчаса, что она терпеливо ожидала окончания вечеринки. Напрасными были ее надежды на наличие совести или хотя бы чувства меры у тех, кто этой ночью устроил себе праздник жизни.

Алкоголь убивает в человеке человеческое, которого там и так хрен да маленько. Фаина знала это как никто другой. Выходит, в Яне и убивать нечего, если каждый раз, устраивая попойки, сам он остается будто бы трезв, спаивая окружающих и наслаждаясь тем, что с ними происходит.

Девушка честно пыталась уснуть, надеясь, что сильная усталость возьмет свое, и сознание отключится несмотря на шум. Однако, как это всегда бывает, когда целеустремленно пытаешься уснуть, сон не идет. В отличие от пульсирующей боли в глазах и висках.

Нельзя сказать, что музыка была оглушительной, вызывающе громкой, но ее непрерывность нервировала так же сильно, как бесконечная капель подтекающего в тишине крана. Попытки звуками.

Некоторое время Фаина лежала в постели, накрывшись одеялом до самых глаз, невидящим взглядом уставившись в потолок, грязно-желтый от света настольной лампы, засиженный жирными летними мухами, и размышляла о том, что ей давно пора съехать отсюда.

Дело ведь не конкретно в Яне, а вообще в таких, как Ян. В таких, как Наташа. Нельзя изменить людей вокруг себя или ждать от них, будто они начнут ни с того ни с сего вести себя так, как тебе хотелось бы. Единственное, чему люди никогда не изменят, так это своей животной природе. Просто нужно зарабатывать достаточно, чтобы позволить себе максимальную изоляцию от мира и его омерзительной пульсации.

Ближе к трем ночи Фаина оделась, закапала глаза и махом опрокинула в себя полстакана рома из ценных запасов – рассеять нарастающее раздражение. Затем обулась и решительно распахнула дверь. Плотная звуковая волна едва не отбросила ее назад. Девушка укуталась в вязаную кофту и прошла к 401-ой двери.

Крепкий алкоголь на голодный желудок действовал пугающе быстро. И без рома сил почти не оставалось, а тут в виски ударило, колени ослабли. Фаина постучала, и Гена сразу открыл ей, будто только и ждал визита. Выглядел он замученно, ничуть не лучше гостыи. Вместе с мягкими шортами и растянутыми носками на Гене были изможденное лицо и осоловелый от недосыпа взгляд.

– Проходи, – вяло проговорил он, пропуская соседку внутрь.

– Не холодно голому спать? – девушка села на его кровать, потому что оба стула были насмерть завешаны никогда не глаженной одеждой. – Отопление ведь отключили уже.

– А я и не сплю, как видишь, – Гена грустно усмехнулся. – В отличие от Сани. Этому хоть из пушки стреляй.

– Завидую.

Без лишней скромности Фаина разглядывала приятную фигуру Гены. Широкие плечи, ключицы в связках мускулатуры, талия, бугорки тазобедренной кости, вырастающие из глубин низко сидящих на узких бедрах шорт. Сразу видно – человек спортом занимается. Ей всегда хотелось потрогать Гену, и порой она себе в этом не могла отказать. Не то чтобы парень был против, скорее ему не жалко. Инстинкты берут свое. Оба были достаточно взрослыми, чтобы это понимать.

В комнате горела лишь маленькая желтая лампа, в свете которой многие очертания терялись, а взгляды оставались незаметны. Или же так просто казалось на задурманенную голову.

– Налить тебе?

– А что есть?

– Остатки сливочного ликера с прошлой субботы.

– Сибаритствуешь, сударь.

– Ну а как же.

Гена с хрустом в коленях присел на корточки и пошарил рукой под кроватью, пользуясь случаем принохиваясь к Фаине.

– А ты опять ром глушила.

– Ну а как же, – самодовольно улыбнулась она и по-детски заболтала ногами.

Миновало то время, когда феноменальный нюх Гены мог ее удивить. Парень достал красивую по форме бутылку, разлил ликер в рюмки на два мизинца, убрал обратно, плотно завинтив крышку. Бережет, отметила Фаина. Вкусный алкоголь в общежитии – ценная валюта. Ей ли не знать.

Они выпили, многозначительно посмотрев друг на друга перед глотком. Вкус был ванильный, мягкий, как у домашнего заварного крема, не такой агрессивный, как у пиратского пойла, и долго держался на языке. Фаине стало хорошо. Музыка вечеринки здесь, почти у лестничного пролета, была слышна менее отчетливо, чем в ее комнате, освещение не резало глаз, да и вообще здесь был Гена в одних шортах, и его можно было потрогать, если изловчиться... Все равно Саша беспробудно спит.

– Сколько еще это будет продолжаться, – вздохнула она.

– Я уже ходил туда. Все лыка не вяжут, кроме, сама понимаешь, его. Этот – как всегда. Веселый, глаза блестят, а говорит и смотрит абсолютно адекватно. Ничем его не проймешь. Или он не пьет, как думаешь? Тогда зачем все это, если не ради пьянки...

Но Фаину сейчас волновало другое.

– И что он тебе сказал?

– Да послал, конечно. Ему сама коменда разрешила. Станет он тут каких-то соседей слушать, ага.

– За какие же заслуги, интересно.

– Учитывая ее характер – трудно представить. Одно я знаю точно: коменда знает какого-то другого Яна. Не того хамелеона, которого знаем мы.

Они озадаченно помолчали.

– Я очень хочу спать. Мне вставать завтра рано. Глаза болят, будто в них песок.

– У меня капли есть.

– Я уже. Мне нужен сон, а не «Визин». У меня к нему, наверное, уже иммунитет. Не помогает ни черта, – Фаина потерла глаза кулаками, что вызвало неприятное пощипывание.

– Можешь сходить. Но не думаю, что тебя там кто-то послушает.

– Когда-то это должно закончиться.

– Я собирался соорудить беруши. Только у меня нет ваты...

– А ты пальцами попробуй.

– Очень смешно, Афина.

Девушка скривилась. Колкостью за колкость. Именно Гена придумал ей это прозвище, и едва попадался случай, с радостью им пользовался. Но за вкусный ликер, гостеприимство и, самое главное, постоянный полураздетый вид парня с хорошим телосложением можно было потерпеть отождествление себя с богиней греческого пантеона. Пусть нелепое, основанное всего лишь на перестановке парочки букв.

– Нет, я все же разберусь с этим дерьмом, – заявила Фаина, – если через полчаса они не прекратят.

– Ты выпила. Не натвори глупостей.

Фаина ощутила подступающий к горлу гнев, который уже не сдержать ни усталостью, ни опьянением.

– А вот и натворю. Кого он из себя возомнил? И почему все сидят молчком, забившись в норы?

Почему Ян позволяет себе все это? Кто дал ему право? Чем он лучше других? С его заселением у Фаины одни проблемы.

– Ты же знаешь Яна и все его *штуки*... Кто захочет с ним связываться?

Она должна поставить его на место. Показать ему, что тоже имеет характер и личное мнение. Показать, что он тут не хозяин, а новенький. И должен соблюдать правила. Отомстить ему за все.

– Вот свалилось счастье на наши головы... Что теперь, позволить ему вести себя так и дальше? Я не хочу, чтобы так было постоянно. Нужно что-то решать.

– Есть идеи?

– Нет. Или да.

Гена поиграл мышцами рук, перекатывая пустой стакан между ладонями. Грустная улыбка не сходила с его лица. Фаине захотелось прислониться к его торсу, примостить подбородок в выемку между массивным плечом и крепкой шеей и сладко уснуть. Но вместо этого она, удержав себя в вертикальном положении, спросила:

– У тебя есть пальчиковые батарейки?

Гена, нахмурившись, смотрел на нее несколько мгновений, переваривая внезапный вопрос. За столько лет он, как и прочие, так и не научился разбираться, что творится в голове этой девушки и чего от нее можно ждать. В каком-то смысле это ему нравилось.

– Вроде были. А зачем тебе?

– Были – так давай.

– Даю.

Парень прошелся по тесной комнате, порылся в завалах вещей, подсвечивая экраном телефона. Затем вынул из-под стола коробку с инструментами, нашел в ней пачку батареек и протянул Фаине.

– Спасибо.

– Так зачем?

– Скоро узнаешь, – она поднялась, на что пришлось потратить много сил, которых почти не оставалось. – Я пошла.

– Постой, – Гена нагнал ее у двери и коротко обнял.

Фаина сделала вид, что ничего необычного не произошло. И мускул на лице не дрогнул, пока по холке сыпались мурашки удовольствия. Секундная заминка и встреча растерянных взглядов в полутьме могли бы стать предпосылкой чему-то большему, неужели дружеские объятия, но Фаина была не в настроении играть с Геной в соблазнение и ретировалась.

В конце концов, когда ты засыпаешь на ходу, да еще и крепко выпил, что-нибудь может причудиться, об этом не стоит забывать. Да и глупостей надеть в таком состоянии легко. Одну из них Фаина и собралась осуществить, но с Геной это не было связано.

Идея пришла спонтанно и сразу же показалась гениальной. Не зря говорят: клин клином вышибают. А не поможет – так она хотя бы пыталась, в отличие от некоторых. Да, это был опасный метод, но фантазии на что-то иное – мирное и дипломатическое – попросту не оставалось. Желания сюсюкаться с этим ублюдком – тоже.

«Скорее это агрессивные переговоры»,¹⁴ – пронеслось в голове, вызывая безумную ухмылку.

В коридоре было шумно. Пара девушек в коротких юбках и кофтах, мокрых на груди, гогоча, прошли в сторону балкона, не обратив на нее внимания. Слышались звуки совокупления с кухни. Фаина сжала кулаки и зашла к себе.

«Кажется, это не кончится до самого утра. И когда я стала настолько стара, чтобы раздражаться из-за чужих вечеринок? Впрочем, я никогда не умела веселиться. От алкоголя меня клонит в сон, а не в танцы».

Разыскивая в комнате старую коробку с инструментами, Фаина надеялась, что звуки, доносящиеся с кухни, не связаны с Яном. Ей хотелось, чтобы все собрались в 405-ой, а затем уж она выйдет на сцену. Чтобы преподать им поучительный урок.

Что за остатки разума сохранились в затуманенной усталостью и алкоголем голове Фаины? Обнаружив то, что ей нужно, она не ринулась в бой, а решила выждать десять минут для верности. Нарушителям своего спокойствия она великодушно дала еще один шанс. А себе – время настроиться и отбросить страхи. Очень хотелось сладкого для успокоения. Но ничего. Проклятый Ян поплатится за все свои фокусы.

¹⁴ Фраза из фильма «Звездные войны: Атака клонов»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.